

Е. П. САВЕЛЬЕВ

КАЗАКИ

ИСТОРИЯ

Глава VII-я.

Отношеніе Дона къ Москвѣ при царѣ Михаи- лѣ Ѳеодоровичѣ.

Съ избраніемъ въ цари Михаила Ѳеодоровича казаки возвратились на Донъ. Только небольшая часть изъ нихъ, около 200 человекъ, вмѣстѣ съ уральскими и терскими присоединилась къ Заруцкому, ушедшему съ Мариной Мнишекъ въ Астрахань и непризнавшему новаго царя. Подстрекаемый королемъ Сигизмундомъ, обѣщавшимъ ему въ удѣлъ то Нов-

²¹²⁾ „Хронографъ“ кн. Оболенскаго, хранящійся въ библ. Моск. Арх. Мин. Иш. Дѣлъ, № 101—128.

И. Забѣляинъ. „Мининъ и Пожарскій“. Прямые и кривые въ смутное время“. М. 1883 г.

²¹³⁾ Русскіе историки, въ особенности Иловайскій, любятъ подчеркивать, что будто-бы донскіе казаки присягали и Лжедмитрію 1-му и 2-му, и Тушинскому вору, и Владиславу... Это не вѣрно. Казаки ни одному изъ нихъ и даже московскимъ царямъ, включая и Михаила Ѳеодоровича, клятвы на вѣрность службы не давали. Вопросъ о присягѣ московскимъ царямъ впервые былъ возбужденъ въ 1632 г., но казаки и тогда принести присягу отказались. Отписка казаковъ царю 1632 г. Объ этой отпискѣ подробно будетъ сказано ниже.

городъ, то Псковъ или Смоленскъ, когда самъ получить московскую корону, Заруцкій разсылалъ своихъ агентовъ по Хопру, Бузулуку и Медвѣдицѣ, прельщая легковѣрныхъ перейти на его сторону. Агитація его имѣла слабый успѣхъ. Благоразумные казаки хорошо понимали, что спасеніе Россіи въ единеніи и единомысліи всѣхъ ея областей.

Духъ вѣрности къ законно избранному царю постепенно крѣпъ, въ особенности въ городкахъ, расположенныхъ ниже Пятизбъ ²¹⁴). Къ настроенію казаковъ Москва чутко прислушивалась. Когда донской атаманъ Стародубъ по старому обычаю явился въ Москву съ легкой станицей привѣтствовать царя отъ лица всего войска, его встрѣтили тамъ съ большимъ восторгомъ и приняли съ великой честью, всѣхъ казаковъ одарили и послали на Донъ жалованье и грамоту, съ выраженіемъ за ихъ мужество и стойкость благодарности и похвалы. Митрополитъ и весь духовный соборъ съ своей стороны послалъ имъ свое пастырское благословеніе. Никогда еще казаки не видали себя въ подобномъ почетѣ и милости у російскаго двора. „И за тѣ ваши службы,—писали духовные отцы,—буди на всѣхъ на васъ Божія милость и нашъ и вселенскаго собора миръ и благословеніе и умножи Господь лѣта ваши и подай вамъ Господи вся благая по прошенію вашему и устрой вамъ вся полезная, якоже вѣсть святая Его воля, а мы за васъ за всѣхъ соборне Бога молимъ и челомъ бьемъ“. Царскаго посла Протасьева, ѣхавшаго въ 1613 г. въ Царь-градъ съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ царя Михаила, казаки на Дону, въ нижнихъ юртахъ, встрѣтили 26 октября въ войсковомъ кругу съ большими почестями, стрѣляли изъ пушекъ и пищалей, читали въ кругу грамоты царя и духовенства и отъ умиленія плакали. Тутъ же постановили послать въ верховые городки, на Волгу и Астрахань гонцовъ для убѣжденія бунтовщиковъ, приставшихъ къ Заруцкому, грозя, въ противномъ случаѣ, идти на усмиреніе ихъ всѣмъ войскомъ; заключили миръ съ азовцами, дабы не дѣлать помѣхи послу свободно исполнить царское порученіе въ Царь-градѣ. Словомъ, казаки какъ-бы переродились, всѣ ихъ дѣйствія вполне соответствовали видамъ московскаго правительства.

Увѣщанія и угрозы войскаго круга подѣйствовали на волжскихъ мятежниковъ и они скоро разошлись по своимъ мѣстамъ, оставивъ Заруцкаго съ Мариной и ея сыномъ на произволь судьбы. Заруцкій бѣжалъ на Яикъ, но былъ скоро

²¹⁴) Городокъ Пятизбы, расположенный на границѣ съ Астраханью, имѣлъ пять станичныхъ куреней, изъѣ, по современному—пять станичныхъ правлѣній.

схваченъ царскими войсками и казненъ вмѣстѣ съ сыномъ Марины въ 1614 г. Сама Марина умерла въ тюрьмѣ. На Дону и Волгѣ все успокоилось.

Въ ноябрѣ 1613 г. казаки отправили въ Москву новую станицу съ атаманомъ Бедрищевымъ, благодарили царя за милостивое къ нимъ отношеніе, увѣряли въ готовности жертвовать за него жизнью и просили о присылкѣ имъ жалованья: хлѣба, пороха, свинцу, селитры и проч. Царь вручилъ атаману подхвальную грамоту къ войску Донскому и за его боевые заслуги знамя (первое). „И вамъ бы,—писалъ царь,— съ тѣмъ знаменемъ противъ нашихъ недруговъ стоять и на нихъ ходить“... ²¹⁵⁾.

Царское жалованье и знамя были привезены атаманомъ Бедрищевымъ и дворяниномъ Опухтинымъ въ юрту (станъ, земельное владѣніе) войскового атамана Смаги Степанова Чершенскаго. Казаки собрались въ кругъ. Опухтинъ спросилъ всевеликое войско Донское о здоровьи. Атаманы и казаки отвѣчали: „Дай Богъ, чтобы государь царь и великій князь Михайла Ѳеодоровичъ всея Россіи здоровъ былъ и счастенъ и многолѣтенъ на своихъ великихъ государствахъ“. Въ кругу была прочтена грамота. Въ часовняхъ пѣли молебны о царскомъ здравіи, стрѣляли изъ *большого наряда* и мелкаго ружья. Затѣмъ вынесли въ кругъ царское знамя и положили подъ нимъ осужденнаго на смерть челоуѣка. Изъ круга вышли нѣсколько казаковъ и предложили Опухтину, чтобы онъ, ради царскаго имени, отприсилъ у нихъ осужденнаго. Тотъ такъ и сдѣлалъ. Казаки прокричали: „Дай Богъ, чтобы государь царь Михайла Ѳеодоровичъ здоровъ былъ на многія лѣта!“ Тековъ былъ старій казачій обычай.

Въ царской грамотѣ отъ 8 октября 1614 г., адресованной „на Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ, Смагѣ Степанову и Епихѣ Родилову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ“, впервые добавлены слова: „и всему великому войску“.

(Въ грамотѣ 1617 г. 29 июля.—„и всему великому войску Донскому“).

Выраженіе „самодержецъ“ во всѣхъ царскихъ грамотахъ на Донъ отсутствовало до самаго 1657 г., когда оно употреблено было впервые.

Въ 1615 г. донскіе казаки получили отъ царя право на свободную и безошлпную торговлю всякаго рода товарами по всѣмъ украиннымъ городамъ ²¹⁶⁾.

Всѣ послѣдующіе года казаки постоянно то ссорились съ азовцами, то мирились, брали за миръ съ нихъ и золотомъ, и котлами, сътъми и солью. Эти постоянныя ссоры и стычки очень безпокоили царя, желавшаго жить съ Турціей въ мирѣ, для водворенія въ Россію послѣ смутнаго времени порядка. Но казаки, какъ и прежде, съ политикой

²¹⁵⁾ Донскія дѣла. Кн. 1-я, стр. 69. Грамота 18 марта 1614 г.: „Отъ царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи на Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ, Смагѣ Степанову (Чершенскому), Епихѣ Родилову и всѣмъ атаманомъ и казакомъ Донскимъ, низовымъ и верховымъ“.

²¹⁶⁾ Сбор. Грамот. И. Прянишниковъ. Стр. 19, грамота 1514 г. 8 октября и стр. 23, грам. 1615 г. сентябрь.

При сношеніяхъ съ ногайскими князьями въ царскихъ грамотахъ въ началѣ ставились слова „*Божію милостію*“, отъ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Русіи *самодержца* и многихъ государствъ государя и обладателя, наше царское *повелѣне* и *милостивое слово*“... „Донскія дѣла“, кн. 1-я, стр. 82-я грамота 1614 г., марта 18, ногайскому князю Иштерюку. Въ грамотахъ на Донъ такихъ выраженій царь употреблять избѣгалъ, считая казаковъ народомъ неподвластнымъ, а союзнымъ.

и интересами Москвы иногда вовсе не считались. Русскимъ посламъ за такое поведеніе казаковъ чинили въ Турціи большія непріятности и грозили войной, хотя въ нарушеніи мира съ азовцами, этимъ по истинѣ гнѣздомъ турецкихъ разбойниковъ, казаки не были виноваты. Такъ, напримѣръ, когда русскій посоль Мансуровъ ѣхалъ въ 1615 г. въ Царь-градъ для переговоровъ съ Турціей о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ Польши и былъ уже въ Азовѣ, азовцы, несмотря на переговоры съ казаками о перемиріи, захватили на Мертвомъ Донѣ (правый рукавъ дельты Дона) въ плѣнъ нѣсколькихъ казаковъ, истязали ихъ и нѣкоторыхъ распродали, а одного, вырѣзавъ изъ спины его ремни, повѣсили на мачтѣ корабля, на которомъ долженъ былъ ѣхать въ Турцію Мансуровъ. Тотъ принялъ это за безчестье. Пять недѣль шли переговоры и, наконецъ, миръ былъ заключенъ. Посоль уѣхалъ. Турки не сдержали слова, вскорѣ напали на казацкія юрты, часть ихъ разорили и захватили плѣнныхъ. Казаки отомстили имъ страшнымъ набѣгомъ на берега Чернаго моря, разгромили Синопъ и Трапезундъ и многія села. Въ Турціи встревожились. Великій визирь обратился съ укорами къ Мансурову: „Если вы казаковъ себѣ на души не возьмете, то нашъ государь пошлетъ на Донъ большую рать, чтобы всѣхъ казаковъ перебить и юрты ихъ разорить“. Посоль отвѣчалъ: „Если казаки нарушили крестное цѣлованіе, то хоть до одного человѣка всѣхъ ихъ перебейте, за то нашъ государь не постоитъ“... Русскаго посла султанъ задержалъ. Объ этомъ дошла вѣсть до Москвы. Царь написалъ въ 1617 г. султану, что „донскіе казаки нашего указа не слушаютъ... Они воры, бѣглецы люди и казаки вольные, которые бѣгаютъ изъ нашихъ государствъ, и сложася вмѣстѣ съ запорожскими черкасами, на наши украинны войной ходятъ по повелѣнью нашего недруга, польскаго короля... Мы пошлемъ на нихъ рать свою и велимъ ихъ съ Дону сбить“. Въ грамотѣ же донскимъ казакамъ писалъ: „Дошло до насъ извѣстіе, что пришли къ вамъ съ Запорогъ 2 тыс. человекъ, ходили на море, взяли многіе турецкіе города и много добычи, теперь же они стоятъ у васъ въ войскѣ и хотятъ вмѣстѣ съ вами идти подъ Азовъ. Мы удивляемся, какимъ образомъ вы все это дѣлаете безъ нашего указу“. Въ концѣ грамоты была выражена просьба, чтобы казаки встрѣтили и проводили посла Мансурова съ честью, когда онъ будетъ возвращаться изъ Турціи, „за что мы будемъ васъ жаловать выше прежняго. Если же будутъ у васъ какія вѣсти про турецкихъ, крымскихъ и ногайскихъ людей, про польскаго короля и черкаса, то вы обо всемъ намъ опишите“ ²¹⁷⁾.

Несмотря на указы и просьбу царя, казаки вновь ходили на море, взяли семь турецкихъ каторгъ и плѣнили пашу, за котораго потребовали 3 тыс. золотыхъ. Чтобы навсегда положить конецъ этимъ набѣгамъ и запретить входъ въ море, турки засыпали рукавъ Дона—Мертвымъ Донецъ, а по Каланчѣ (другой рукавъ) поставили башни и перекинули чрезъ Донъ желѣзныя цѣпи. Но казаки этимъ не смутились, скоро перекопали изъ Дона, выше Каланчи, прямой ерикъ—каналъ въ другой рукавъ и стали также грозно громить съ моря крымскіе и турецкіе берега, какъ и прежде. Никакая сила,—ни царскія просьбы, ни повелѣнья не могли остановить этой вѣчной и

²¹⁷⁾ Дѣла Тур., 1615 г. № 4 и 14. Стат. спис. посольства Мансурова и Самсонова. Тамъ же. 1616 г. № 1, и царская грамота турец. султану, посланная въ іюль 1617 г. „Сборн. грамотъ“. Приишимкова, стр. 25, грамота на Донъ 29 іюля 1617 г.

идейной борьбы казачества съ масульманствомъ. Этому, видимо, въ тайнѣ радовалось и московское правительство, но желало, по своимъ политическимъ соображеніямъ, чтобы все это дѣлалось съ его вѣдома и когда ему это выгодно, а потому во всей перепискѣ съ Дономъ старалось подчеркнуть: „вы сдѣлали это не гораздо, мимо нашего царскаго повелѣнья“ или „не наводите на себя нашего царскаго гнѣва и не теряйте къ себѣ нашей царской милости“... Казаки на такую угрозу только могли отвѣчать: „мы задора и обиды азовскимъ людямъ не могли стерпѣть“.

Словомъ, Москва, крайне нуждаясь въ казакахъ, какъ единственныхъ защитникахъ ея южныхъ границъ, всячески, но съ большою осторожностью, старалась прибрать казачковъ къ своимъ рукамъ и шло къ этой цѣли по строго намѣченному плану. Посылая на Донъ 1623 г. князя Бѣлосельскаго съ грамотой, послѣ страшнаго опустошенія, произведеннаго казаками на турецкихъ и крымскихъ берегахъ, царь далъ ему строгій наказъ, чтобы онъ, когда будетъ въ нижнихъ юртахъ, призывать бы къ себѣ въ станъ лучшихъ атамановъ, Исаю Мартемьянова и Елифана Родилова и всѣхъ тѣхъ атамановъ, есауловъ и казачковъ старыхъ и лучшихъ, которыхъ войско слушаетъ, и всякими мѣрами старался бы ихъ убѣдить, чтобы они государева повелѣнья не ослушались. „Государскую милость, — говоритъ наказъ, — вычитывать имъ съ радостью, чтобы изъ не ожесточить. Выговаривая, покрывать гладостью. А многихъ рѣчей съ казаками не заводить, чтобы ихъ не раздражать. Послу также поручено было разузнать тайкомъ, сколько въ кругу будетъ атамановъ и казачковъ изъ верхнихъ и нижнихъ городковъ, сколько у нихъ добрыхъ, среднихъ и худыхъ, сколько у нихъ живетъ и гдѣ запорожцевъ, давно ли пришли и т. д. Кромѣ того, не сносятъ ли казаки съ польскимъ королемъ и какъ они къ нему относятся.

Хотя всѣ эти порученія посламъ составляли государственную тайну, но все таки отъ казачковъ, привыкшихъ жить своей самостоятельной жизнью и проникать во всѣ сокровенные замыслы не только своихъ враговъ турокъ, но и друзей, какими выставляли себя московскіе бояре и князья, не могли укрыться и лицемѣріе московскихъ политиковъ и ихъ тайная цѣль — наложить руку и подчинить казачество своему вліянію ²¹⁸⁾. Самый тонъ царскихъ грамотъ съ постоянными упреками и вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Дона сталъ не на шутку раздражать многихъ изъ казачковъ. Исконная ненависть къ боярству росла. Это недовольство къ правящему московскому классу стало усиливаться съ появленіемъ на Дону въ первой половинѣ XVII вѣка бѣглыхъ крѣпостныхъ крестьянъ, которыхъ казаки, постоянно нуждавшіеся въ людяхъ, принимали въ свои ряды съ охотой ²¹⁹⁾.

²¹⁸⁾ Вся переписка съ Дономъ до этого времени была сосредоточена въ Разрядныхъ, съ 1614 же года царь приказалъ вѣдать донскими дѣлами Посольскому приказу, который выдѣлялъ сношеніями съ иностранными народами.

²¹⁹⁾ Указъ Бориса Годунова, изданный между 1592 и 1597 г.г. о прикрѣпленіи крестьянъ, свободныхъ земледельцевъ, къ землѣ, былъ примененъ правительствомъ въ полной мѣрѣ при Михаилѣ Федоровичѣ. Съ этого времени помещики стали смотрѣть на крестьянъ, поселенныхъ на ихъ земляхъ, какъ на свою собственность, съ пріемлемъ къ нимъ всякаго рода насилія и даже истязаній.

Хотя казаки и общались послѣ Бѣлосельскому не задѣвать азовцевъ, но обстоятельства сложились такъ, что они скоро (1624 г.) вновь подняли оружіе на своихъ враговъ: громили Трапезундъ и другіе города, бросились на Азовъ и взяли приступомъ угазевую башню, взошли на стѣны, но въ это время башня обрушилась и атаманъ Родилловъ былъ раненъ; турки приступъ отбили. Казаки бросились на Каланчинскую башню, взяли ее приступомъ и разрушили до основанія, камень побросали въ воду, а мѣдь изъ 9 пушекъ (117 п.) послали по бѣднымъ монастырямъ на колокола: на рѣку Воронежъ, въ Шацкъ, Лебедянь и въ Св. Горы. Объ этомъ сообщено было въ Москву съ атаманомъ легкой станицы Старовымъ, 9 октября 1625 г.

Разгнѣванный царь приказалъ заточить Старова съ товарищами на Бѣло-озеро и послалъ на Донъ грозную грамоту, 22 окт. 1625 г., въ которой упрекалъ казаковъ въ послушаніи. „И намъ великое подивлене,—писалъ царь,—что вы нашего государскаго повелѣнья не слушаетесь. Вспомните, какая вамъ неволя была при прежнихъ государяхъ, особенно при царѣ Борисѣ; не только не могли въ Москву прѣѣхать, но и въ украинные города нельзя было вамъ показаться, вездѣ васъ ловили, въ тюрьмы сажали... мы же вамъ вольность учинили, атамановъ вашихъ и казаковъ, которые прѣѣзжаютъ съ Дону, мы жалуемъ, велимъ видѣть наши царскія очи, бывать у насъ у стола. А вы все наше жалованье и повелѣнья поставили ни во что.

Въ войнѣ противъ польскаго короля вы не подали намъ никакой помощи. Многіе изъ васъ ходятъ на Волгу, на Яикъ и на море, суды и бусы громятъ и многую шкodu дѣлаютъ, а вы ихъ отъ того не унимаете... а намъ вамъ за такія ваши грубости, жалованье давать не за что, и въ города въ ни которые васъ пускать и запасы ни съ какими изъ городовъ къ вамъ ѣздить не велимъ“...²²⁰⁾

Получивъ такую грамоту, казаки прервали всякую связь съ Москвой и по прежнему продолжали дѣлать свое казачье дѣло—ходили вмѣстѣ съ запорожцами на море, громили Азовъ и отбивали у турокъ плѣнныхъ христіанъ. Нѣкоторые изъ нихъ иногда появлялись на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ и забирали тамъ персидскія и русскія торговыя суда, хотя въ этихъ послѣднихъ дѣлахъ принимали участіе казаки большею частью верховыхъ городковъ, воровскіе, ослушные, часто не подчинявшіеся приказамъ главнаго войска. Въ 1627 г. атаманъ Епифанъ Родилловъ приказалъ этихъ ослушниковъ переловить и доставить на судъ войска, на Монастырскій Яръ, а также всѣхъ торговыхъ людей, которые покупали у воровскихъ казаковъ ясаръ (плѣнныхъ) и имъ продавали порохъ и свинець. Кругъ присудилъ такихъ воровъ бить ослопьемъ и грабить. Послѣ такой расправы казаки на крѣпко заказали, чтобы никто не ходилъ съ Дона на Волгу для воровства, а если кто ослушается, того казнить смертью²²¹⁾.

Глава VIII-я.

Разрывъ Дона съ Москвой Убіенство казаками посла Карамышева. Требованіе отъ казаковъ присяги.

Съ 1622 по 1627 г. донскіе казаки въ союзѣ съ запорожскими навели такой страхъ на турокъ и крымцевъ своими внезапными морскими налетами на крымскіе и анатолій-

²²⁰⁾ Сборникъ грамотъ. И. Прянишниковъ. Стр. 39—45.

Донскія дѣла. Книга 1-я. Стр. 238—258.

²²¹⁾ Дѣла Ногайск. 1627 г. № 1-я, отписка астрах. воеводъ Будилова-Ростовскаго и Волинскаго.

ские берега, нерѣдко появляясь даже подъ стѣнами Царь-Града, что гордому султану не оставалось иного исхода, какъ просить содѣйствія московскаго царя объ унятіи этого грознаго для масульманъ народа. Съ этой цѣлью въ 1627 г. онъ послалъ въ Москву грека Ому Кантакузина. Казаки встрѣтили его на Дону доброжелательно и проводили до украинскихъ городковъ. Въ Москвѣ посла приняли съ честью и, отпуская назадъ, увѣрили, что казаки изстари люди вольные, повелѣній царя не слушаютъ и живутъ своей самостоятельной казачьей жизнью; однако же дали согласіе послать на Донъ грамоту съ просьбой жить съ азовцами мирно и не громить городовъ турецкихъ. Грамоту эту привезли на Донъ, отправленные къ султану вмѣстѣ съ турецкимъ, послы Яковлевъ и Евдокимовъ. Послы эти привезли казакамъ также денежное и хлѣбное жалованье, сукно, селитру, порохъ и свинець. Ихъ казаки встрѣтили съ радостью, славии щедрость монарха и его родителя, патриарха Филарета, и, наконецъ, проводили до Азова безъ задержанія. Царь поведеніемъ казакъ остался очень доволенъ и послалъ казакамъ новую похвальную грамоту 2 сен. 1628 г. ²²³).

Казалось, что сношенія съ Москвой стали налаживаться, и донское войско какъ-бы вновь становилось на путь проведенія въ жизнь цѣлей и политическихъ видовъ московскаго правительства; но Москва ошиблась: ни царь вмѣстѣ съ своимъ главнымъ совѣтникомъ, патриархомъ Филаретомъ, ни Боярская Дума не знали донскихъ казакъ, не понимали идеи казачества, его стремленій и не учитывали силы его духа. Еще Иванъ IV-й, а за нимъ Дмитрій (Лжедмитрій I-й) и Сигизмундъ, когда бы онъ возсѣлъ на русскій престолъ, мечтали объ изгнаніи турокъ изъ Европы въ союзѣ съ Австріей и Польшей. Но они только мечтали, а донское и запорожское казачество уже приводило въ исполненіе эту мечту, по крайней мѣрѣ—подготовляло и намѣчало прямой путь къ ея выполненію. Это была цѣль жизни, это была сама жизнь казачества. Но московское правительство этого-то и не понимало и своей лицемерной политикой только раздражало казачество. Въ сношеніяхъ Дона съ Москвой, съ той и другой стороны, никогда не было искренности. Донъ никогда не довѣрялъ Москвѣ, а лживая Москва не довѣряла Дону. Это многолѣтняя трагедія и составляетъ исторію сношеній Дона съ Москвой, а потомъ съ Петроградомъ. Донъ, отстаивая свою самостоятельность, имѣлъ основанія не довѣрять Москвѣ.

Одновременно съ турецкимъ султаномъ обратился въ Москву съ жалобой на донскихъ казакъ и крымскій ханъ и въ двухъ грамотахъ своихъ того же 1627 г. писалъ царю: „если хоцешь быть другомъ мнѣ, то постарайся унять донскихъ казакъ, чтобы они на море не ходили и азовцамъ и моимъ людямъ не дѣлали обидъ и разореній“... Далѣе: „и сколько учинили намъ донскіе казаки убытковъ и мы такихъ убытковъ и отъ днѣпровскихъ казакъ не видали“...

Въ слѣдующемъ году казаки вновь разгромили берега Крыма, сожгли городъ Карасу-Базаръ, Балаклаву и друг.; и съ большой добычей и плѣнниками возвратились въ войско ²²³).

²²³ Дѣла Донскія. Кн. I-я, стр. 283—286. Сбор. грам. И. Приишниковъ, стр. 146.
²²⁴ Дѣла Крым. 1627 г. № 4 и 8, 1628 г. № 10.

Такой же морской набѣгъ повторили они, въ числѣ около 2 тыс. человекъ, и въ 1629 г., заняли Бакчи-Сарай, Мангупъ и другіе города, потомъ бросились къ берегамъ Румелии, гдѣ, поддержанные прибывшими запорожцами, дали морской бой турецкому флоту и обратили его въ бѣгство.

Въ 1630 г. они на 28 стругахъ, по 50 человекъ въ каждомъ, повторили тоже самое, громили Керчь, Трапезундъ и появились вблизи Царь-града.

На этотъ разъ султанъ и крымскій ханъ обратились въ Москву уже съ рѣшительнымъ требованіемъ о принатіи энергичныхъ мѣръ къ прекращенію грозныхъ набѣговъ донцовъ на ихъ владѣнія, угрожая, въ противномъ случаѣ, полнымъ разрывомъ съ Россіей и не ручаясь за безопасность царскихъ посланниковъ, бывшихъ въ Крыму и Царь-Градѣ.

Разгнѣванный царь, питая тайную надежду на совмѣстныя дѣйствія съ турками и крымцами противъ Польши, велѣлъ бывшаго въ Москвѣ атамана Зимовой станицы Наума Васильева съ 70 казаками арестовать и рассадить по тюрьмамъ, а на Донъ послалъ грозную опальную грамоту съ знатнымъ бояриномъ Иваномъ Карамышевымъ, которому вмѣнено было также въ обязанность проводить до Азова турецкаго посла Өому Кантакузина и своихъ Андрея Савина и дьяка Олфимова, посланныхъ къ султану. Главное же порученіе Карамышеву состояло въ объявленіи казакамъ царской опальной грамоты и патриаршаго отлученія ихъ отъ православной церкви, т. е. анафемы, патриаршаго проклятія, и, кромѣ того, тайное—постараться вразумить атамановъ и казаковъ покориться велѣніямъ царя и Боярской Думы.

Казаки въ войсковомъ кругу 27 августа 1630 г. приняли отъ Карамышева опальную грамоту и спокойно выслушали патриаршее проклятіе, велѣли лѣтъ благодарственный молебень за здравіе царя и патриарха, потомъ выслушали царское повелѣніе о скорѣйшемъ заключеніи мира съ турками и вмѣстѣ съ турецкими пашами Муртозою и Абазою напасть на польско-литовскія владѣнія. Казаки на это предложеніе дали самый рѣшительный отказъ, говоря, „что не было въ боевой жизни ихъ еще примѣра, чтобы они, природные христіане, родившіеся и возросшіе въ преданіяхъ святыхъ апостоловъ, когда либо служили съ врагами христіанства за одно и воевали христіанскія же земли; что слава и честь за ихъ службу отнесется не къ нимъ, а къ турецкому Муратъ-салтану и турецкимъ людямъ“. Зазнавшійся царскій сановникъ, видя, что простыми увѣщаніями нельзя склонить

казаковъ къ покорности, сталь прибѣгать къ угрозамъ, задѣвая при этомъ честь и славу казачества, и дошелъ до того, что казаки схватили его, избили, потомъ отрубили голову и тѣло бросили въ воду; имущество же его, царскую казну, свинець, порохъ и проч. сдали по описи послать Савину и Игнатьеву. Сдѣлавъ это, казаки рѣшили послать къ царю легкую станицу съ отпиской, въ которой говорили такъ: „мы, государь, отъ Божьей милости неотступники, твоему царскому величеству неизмѣнники и нелакомцы: служимъ тебѣ, государю, *съ травы да воды... что и службами своими не выслужили у тебя Божьей милости*, твоего государскаго жалованья; а которые наши донскіе атаманы и казаки Наумъ Васильевъ, съ нимъ 70 человекъ, посланы отъ насъ, отъ войска, къ тебѣ, пословъ провожать къ Москвѣ, и тѣ всѣ по городамъ разожены и показнены, а иные прекованы, помирають голодною смертью, *того ли мы у тебя, государя, дослужились... Если мы тебѣ и всей земль русской ненадобны,—не воспротивимся: Донъ рьку отъ низу и до верху и рьки заплывня отъ самыхъ украинныхъ городовъ, крымцамъ и ногайцамъ очистимъ и съ Дону, если укажешь, сойдемъ**“.

Никто не хотѣлъ ѣхать въ Москву съ этой отпиской. Наконецъ, кругъ рѣшилъ послать на великую силу неволею отъ себя съ Дону, отъ войска, двухъ молодыхъ, донскихъ казаковъ, Дениса Парфенова и Кирея Степанова ²²⁴⁾. Послѣ еще были посланы атаманы Богданъ Канинковъ и Тимофей Яковлевъ.

Въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, казаки на время прекратили набѣги на азовцевъ и крымцевъ. Прошелъ годъ, другой, а изъ Москвы извѣстій не было. Старые и благо-разумные казаки приуныли, но безпокойная молодежь не могла усидѣть дома и весной 1631 г. вмѣстѣ съ пришедшими на Довъ запорожцами бросилась, въ количествѣ около 1000 человекъ, на Волгу и тамъ, соединясь съ яицкими, стали разорять учуги и рыбныя ловли, потомъ вышли въ Каспійское море и напали на персидскія купеческія суда. Посланныя противъ нихъ астраханскими воеводами стрѣлецкія войска не могли остановить этихъ буйныхъ ватагъ и возвратились назадъ безъ всякаго успѣха ²²⁵⁾

Другая партія донцовъ въ томъ же году ушла къ запорожцамъ и вмѣстѣ съ ними бросилась на Черное море и

²²⁴⁾ Дѣла турец. 1630 г. № 5, отписка донскихъ казаковъ 6 октября 1630 г.

²²⁵⁾ Дѣла ногайск. Отписка въ Посольскій приказъ астраханскихъ воеводъ Куракина, Коробкина и др. 1631 г.

стала громить крымскіе и турецкіе берега. Такой же набѣгъ они повторили и въ 1632 г., разорили Синопъ и другіе города. Въ то же время, узнавъ отъ плѣнныхъ татаръ о намѣреніяхъ крымцевъ и азовцевъ идти на Россію, предупредили о томъ Москву чрезъ царичинскаго воеводу князя Мещерскаго.

Наконецъ, весной 1632 г. изъ Москвы на Донъ прибыли атаманъ Тимофей Яковлевъ и казакъ Денисъ Парфеновъ съ царской грамотой, въ которой было „жалованное къ казакамъ слово и патріаршее благословеніе“, а также и просьба быть всѣмъ казакамъ въ сѣздѣ и встрѣтити посла, князя Ивана Дашкова и подьячаго Леонтія Полуектова, „съ честью“.

Князь прибылъ на Донъ 8 мая и былъ встрѣченъ казачьимъ кругомъ съ пушечной пальбой и колокольнымъ звономъ въ часовняхъ. Посолъ сказалъ кругу привѣтственное слово и отдалъ царскую грамоту.

Царь и патріархъ Филаретъ требовали отъ донскаго казачьяго войска цѣлованія креста на вѣрность какъ имъ, такъ и царевичу Алексѣю Михайловичу „по записи“ а также повелѣвали „взять въ смѣту, сколько ихъ, казаковъ, на Дону будетъ“, а потомъ указывали „ити на недруга, на польскаго и литовскаго короля, и на литовскихъ людей“.

Кругъ, послѣ такой радостной встрѣчи царскаго посольства, не бывшаго на Дону около 2-хъ лѣтъ, пришелъ въ недоумѣніе. Требованіе крестнаго цѣлованія, впервые предложеннаго казакамъ, для нихъ явилось неожиданностью; оно оскорбляло ихъ религіозное чувство. Службу свою Москвѣ казаки всегда считали добровольной; служба эта—борьба съ ихъ общими врагами, собственно, съ магометанствомъ. Война для казака—вещь самая обыкновенная, его привычное занятіе, его призваніе. И вдругъ за это выполненіе его привычныхъ занятій отъ него требуютъ клятвы, съ цѣлованіемъ креста. Казаковъ это возмутило. Присяга для московскихъ бояръ и князей, какъ это показало смутное время,—простой религіозный обрядъ. Князья и бояре всѣмъ присягали и всѣмъ измѣняли, для казаковъ же, воспитавшихся въ другой религіозной средѣ, крестное цѣлованіе было „великимъ и страшнымъ знаменіемъ“. Казаки на это требованіе дали самый рѣшительный и мотивированный отказъ, достойный великаго и сознательнаго народа, и отписали царю:

„И крестнаго, государи, цѣлованья на Дону, какъ и начался Донъ казачьи головами, не повелось. При бывшихъ государяхъ старые атаманы казаки имъ, государямъ, неизмѣнно служивали не за крестнымъ цѣлованьемъ: въ которое время царь Иванъ

стоялъ подъ Казанью и по его государеву указу атаманы казаки выходили съ Дону, и съ Волги, и съ Яика, и съ Терка и атаманъ Сусаръ Федоровъ и многие атаманы казаки ему, государю, подъ Казанью служили не за крестнымъ цѣлованьемъ; послѣ того при царѣ Иванѣ Михайла Крещенинѣ и атаманы казаки во Псковѣ сидѣли въ осадѣ не за крестнымъ цѣлованьемъ; при царѣ Иванѣ выходили атаманы казаки Ермакъ Тимофеевъ Сибирь взять и прислалъ къ Москвѣ государю съ языки и царь Иванъ и тѣхъ атамановъ казаковъ, которые къ Москвѣ присланы, не велѣлъ ко кресту приводить, а Ермаку и впередъ указалъ быти на своей государевой службѣ атаманомъ казакомъ въ Сибири не за крестнымъ цѣлованьемъ; при царѣ Иванѣ ходили... атаманы Григорій Картавой, Иванъ Лукьяновъ, многие атаманы казаки государеву службу служили въ осадѣ въ Орѣшкѣ не за крестнымъ цѣлованьемъ; блаженныя памяти при царѣ Ѳедорѣ ходилъ царь Ѳедоръ подъ Ругодявъ и подъ Ивангородъ... выходили атаманы казаки съ Дону, съ Волги, и съ Яика и съ Терка, со многихъ запольныхъ рѣкъ атаманъ Писникъ Луневъ, многие атаманы казаки царю Ѳедору Ивановичу... служили не за крестнымъ цѣлованьемъ; на другой годъ... ходили подъ Выборгъ и царь Ѳедоръ призывалъ атамановъ казаковъ съ Дону... служили не за крестнымъ цѣлованьемъ; а послѣ, государи, того Борисъ Ѳедоровичъ стоялъ на береговой въ Серпуховѣ... и атаманы казаки въ ту пору ему береговую службу не за крестнымъ же цѣлованьемъ служили; да не токмо, государи, доонскихъ, но и волоцкихъ, и яицкихъ, и терскихъ, выхаживали при бывшихъ царяхъ на украинныя города на Бѣлгородъ, на Царевъ городъ, на Осоль, на Валуйку донецкіе казаки и тѣхъ бывшіе государи ко кресту приводить нигдѣ не указали; а съ нами того крестнаго цѣлованя на Дону не обновитца, чего искони вѣкъ не было... многія твои государевы службы полевыя противъ всякаго вашего государскаго недруга за васъ, государей, служимъ безъ крестнаго цѣлованя неизмѣнно: ни къ турецкому, ни къ крымскому, ни къ литовскому, ни къ иному которому государю служить не ходимъ, окромѣ васъ, всегда вездѣ за васъ... и не за крестнымъ цѣлованьемъ. За ваше государское имя стоимъ и умираемъ... а креста, государи, цѣлованя ми челобитничкомъ своимъ (посланнымъ съ отпиской объ убійствѣ Карамышева 1630 г.) не писали и не приказывали, то наши челобитчики Богданъ и Тимофей учинили, не помня старины, своимъ молодыми разумъ, безъ нашего войскового совѣту и безъ приказа... Своимъ сквернымъ беззаконнымъ житьемъ мы не достойны къ такой страсти Христовой приступить, креста цѣловать, а твою царскую службу... рады служить противъ всякаго недруга... и за васъ... умирать не за крестнымъ цѣлованьемъ*...

Относительно росписи взятія въ смѣту, сколько ихъ въ дѣйствительности живеть на Дону, казаки хитро отвѣтили, что, „живучи на Дону и на степи по запольнымъ рѣкамъ, въ розни сами себя смѣтить не умѣемъ, сколько насъ есть, т. к. служимъ не съ помѣтей и не съ вотчинъ, а съ травы да воды... наги, босы и голодны... за хлѣбомъ и за рыбою и за звѣремъ и за травою на рѣку и на степь день и ночь ѣздимъ безпрестанно... какъ насъ въ разъѣздъ много, то войско невелико, а какой часъ въ разъѣздъ мало, то насъ что водныхъ источницъ, въ иную пору мало, въ иную много, а потому намъ росписи смѣтныя писать нельзя“...

На требованіе же идти противъ польскаго короля и литовскихъ людей хитрые донцы, не желая проливать христіанскую кровь и въ то время боясь раздражить царя, туманно, но съ загадной ироніей описали, что „которые сызмагоаца конями, на вашу царскую службу конями поднимаюца и на шею занимаючи, а которые не смогутъ съ лошади, и тѣ, по своей силѣ, въ судовыхъ на вашу государскую службу *крутятца*, а много у насъ голутвенныхъ людей такихъ, что безъ вашего государскаго жалованья и бударами подиятца не ссилатъ“... ²²⁶⁾.

Нуждаясь въ помощи казачества, царь и патриархъ скоро предали опалу и анафему, наложенныя на казаковъ, забвенію и въ милостивой грамотѣ 15 апрѣля 1633 г. писали на Донъ, что бывшіе въ заточеніи и задержанные въ Москвѣ атаманы и казаки освобождены, видѣли „наши государскія очи“, получили патриаршее благословеніе, „пожалованы государевымъ жалованьемъ“ и посланы на службу подъ Смоленскъ. Царь благодарилъ казаковъ за дѣйствія противъ крымцевъ

²²⁶⁾ Отписка казаковъ царю 26 мая 1632 г. М. Гл. Арх. Мин. Юст. Разрядный приказъ, Бѣлгород. ст., столбець № 39. Сбор. об. в. Дон. Ст. Комитета, вып. XIII, 1915 г., стр. 160—166.

и ногайцевъ и призывалъ къ походу вмѣстѣ съ московскими войсками противъ татаръ Казыева улуса на р. Куму.

Въ отпискѣ о своихъ дѣлахъ 1632—1635 г. казаки писали царю:²²⁷⁾ „Ходили мы, государь, на Крымскую степь и подъ шляхами лежали, сошлись съ ногайскими людьми на р. Кундючьинъ, въ вершинахъ, и былъ у насъ съ ними бой. Божію милостію и твоимъ счастьемъ, тѣхъ татаръ победи и русскій полонъ отгромили; потомъ дошла до насъ вѣсть, что азовскіе и ногайскіе люди пошла на Русь, и мы, переговора межъ собою, пошла за ними и на рѣкѣ Быстрой однихъ победи, другихъ живыхъ побрала. Черезъ вѣсколко дней пришли изъ разныхъ улусовъ Большого Ногай черные люди и хотѣли Донъ перелѣзть подъ Азовомъ, на большомъ перевозѣ, на Крымскую сторону, а мы пошла за ними судами и въ ночь тѣхъ татаръ порубили тысячи полторы и больше, жель же и дѣтей въ полонъ забрали, всего полону 1300 человекъ. Спустя мало времени, ходили мы въ Ногайскую степь войскомъ и пожгли ногайскихъ улусовъ, на Чубурѣ, дворовъ тысячи двѣ и больше, взяли полону женъ и дѣтей 800 чел., приведши ихъ въ юрты свои и тѣхъ порубили. Потомъ извѣстно намъ стало, что ногайцы пришли на взморье на Очаковскую косу (на восточномъ берегу Азовскаго моря) и хотѣли перелѣзть въ Крымъ, мы пошла противъ нихъ, тѣхъ татаръ порубили и полону взяли тысячу человекъ. Когда же съ тѣмъ полономъ подходили къ Кагаляннику, то тутъ вышли азовскіе люди всѣмъ городомъ и съ пушками; мы дрались съ ними цѣлый день, но они намъ ничего не могли сдѣлать... Затѣмъ дошелъ до насъ слухъ, что турецкій царь приказалъ всѣмъ своимъ равнымъ людямъ вмѣстѣ съ крымцами, азовцами и ногайцами идти войною, моремъ и сухимъ путемъ, на Донъ, чтобы наши казачьи городки разорить. Мы, переговора межъ собою, пошла стругами въ море остерегать, чтобы турецкія каторги не прошли. Не входя въ Черное море, мы въ Гирль (горль, проливъ—Керченскомъ) стояли шесть недѣль и затѣмъ воротились на Донъ“.

Таковы дѣла донскихъ казаковъ въ 1632—34 г.г. Въ этотъ періодъ времени царь прислалъ, какъ и прежде, казакамъ жалованье: 2 тыс. руб. денегъ, 10 поставовъ суконь лучшихъ, 13 поставовъ среднихъ, 200 четвертей сухарей, 30 четвертей крупъ, 30 четвертей толокна, 100 ведеръ вина (водки), 60 пуд. пороху и 30 пуд. свинцу²²⁷⁾.

Въ 1635 г. царь, отправляя своихъ пословъ къ султану, прислалъ донскимъ казакамъ за ихъ службы знамя (второе); при чемъ посламъ далъ слѣдующій наказъ. Если турки спросятъ ихъ о казакахъ, то они должны отвѣчать: „Вѣдомо вамъ самимъ, что воры, донскіе казаки, отъ Московскаго государства поудалѣли и живутъ кочевнымъ обычаемъ, переѣзжая по рѣкамъ, а не городовымъ житьемъ“. Если же турки спросятъ о знамени, то послы должны отвѣчать: „знамени государь къ нимъ никогда не посылалъ; это кто-то сказалъ, чтобы насъ поссорить“. Передъ этимъ царь писалъ крымскому хану: „Хотя бы вы ихъ (казачковъ) и всѣхъ победи, намъ стоять за нихъ не за что“²²⁸⁾.

Такъ унижала грозное казачество и такъ порочила честное имя казака предъ соседними государствами изворотивая и живая Москва изъ своихъ политическихъ образованій и выгоды и въ тоже время запугивала Донъ то опалой, то анафемой, а потомъ разыгрывала роль всепрощающей матери, роль старшей руководительницы, лстала ему, посылала жалованье, просила „вы-бы намъ послужили“ и т. д. Но казачество на всю эту политику мало обращало вниманія и продолжало дѣлать свое вѣковое казачье дѣло.²²⁹⁾

Глава IX-я.

Взятіе казаками Азова и „Азовское сидѣнье“.

Страшенъ и грозенъ сталъ Донъ для турокъ и татаръ, въ особенности для крѣпости Азова. Со страхомъ смотрѣли

²²⁷⁾ Донскіе дѣла, кн. 1-я. Отписка 10 марта 1633 г. Распространенъ рѣчи казаковъ, прійавшихъ съ отпискою, 28 марта. Царская грамота 15 апрѣля 1633 г. Стр. 349—365 Дѣла ногайскія, столб. № 2. Отписка 4 мая 1635 года.

²²⁸⁾ Дѣла дон. Кн. 1-я. Грамота 28 февраля 1634 г.

²²⁹⁾ Дѣла Крым. 1634 г. № 4 и 1635 № 9. Наказъ кн. Волконскому и др.

невѣрные на успѣхи казачьяго оружія надъ Большимъ и Малымъ Ногаями, кочевавшими отъ Астрахани до р. Кумы и Азовскаго моря, а потомъ частью ушедшими подъ давлениемъ казаковъ въ Крымъ (Большой Ногай); трепетали предъ казачьей силой берега Азовскаго и Чернаго морей вплоть до Стамбула; жестоко мстило казачество басурманамъ за угнетеніе христіанскихъ народовъ, оставшихся въ покоренной ими греческой имперіи; такъ мстило, что при одномъ появленіи на морѣ казачьихъ струговъ, вмѣщавшихъ, каждый, отъ 30 до 50 человекъ, закаленныхъ и искусныхъ въ морскихъ битвахъ воиновъ, турецкіе каторги (галеры) и многопушечные корабли старались поскорѣй скрыться за горизонтомъ, а жители прибрежныхъ ауловъ убѣгали въ горы.

Всѣ переговоры турокъ съ Москвой, начиная съ Ивана Грознаго, объ удаленіи казаковъ съ Дона, не привели ни къ чему. Ни турки, ни Москва, видимо, не понимали, о чемъ шла тутъ около ста лѣтъ рѣчь, не понимали идеи казачества и не взвѣшивали его силъ; а силы эти годъ отъ году становились все грознѣе и грознѣе. Турки видѣли и чувствовали это и прилагали всѣ усилія укрѣпить Азовъ; для этого ими были приглашены лучшіе мастера и инженеры католическаго запада. Стѣны города были обновлены, проведены валы, рвы, воздвигнуты башни, укрѣпленъ замокъ, устроены на берегу Дона бастионы, поставлено „200 большихъ, среднихъ и малыхъ орудій“, заготовлено много тысячъ снарядовъ, „пороховой казны“, провіанту и проч. Укрѣпивъ такъ Азовъ и оставивъ въ немъ 4-хъ тысячный гарнизонъ изъ лучшихъ войскъ съ иностранными артиллеристами и инженерами, турки стали держать себя вызывающе и усилили набѣги какъ на казачьи городки, такъ и на русскія украинны. Положеніе русскихъ плѣнниковъ въ Турціи, особенно казаковъ, стало невыносимымъ: ихъ продавали въ рабство, изнуряли тяжкими работами, приковывали на каторгахъ къ весламъ и подъ ударами бичей заставляли грести и проч. ²⁸⁰⁾ Древнія православныя церкви въ Азовѣ были обращены въ мечети, а инныя разрушены. Уцѣлѣло только два храма, особенно чтимые казаками, построенные въ первые вѣка христіанства (въ V или VI в.в.), это соборная церковь св. Іоанна Предтечи и святителя Николая, въ которыхъ, несмотря на ихъ запустѣніе, плѣнные христіане сходились иногда на молитву о своемъ спасеніи. Богослуженіе въ нихъ совершалъ греческій іеромонахъ.

²⁸⁰⁾ Изъ донскихъ атамановъ, томившихся много лѣтъ на турецкой каторгѣ, извѣстенъ Иванъ Дмитръ, получившій прозваніе Каторжнаго. Ему 15 апрѣля 1633 г. и всемоу войску Дояскому прислана была царская грамота. Сбор. грам., стр. 49.

Видя все это, казаки скорбѣли душами своими и негодовали на безчеловѣчіе и дерзость зазнавагося врага и, наконецъ, рѣшили вырвать во что бы то ни стало древнюю свою столицу изъ рукъ масульманъ. Съ этою цѣлью старые казаки, посовѣтовавшись между собою, кликнули весной 1637 г. вмѣстѣ съ своимъ войсковымъ атаманомъ кличь по всему Дону, прося атамановъ-казаковъ собраться для рѣшенія этого *войскового дѣла* на Монастырскій Яръ. Съѣхавшіеся въ войсковой кругъ казаки, „помня свое крещеніе и святыя Божіи церкви и свою истинную православную крестьянскую (христіанскую) вѣру, разореніе святымъ Божіимъ церквамъ, крестьянскія невинныя крови проліяніе и въ полонъ ихъ отцовъ, и матерей, и братію, и сестръ иманіе“, единодушно рѣшили: „идти *посѣчь* бусурманъ, взять городъ и утвердить въ немъ православную вѣру“²³¹).

У казаковъ не было ни тяжелой артиллеріи, чѣмъ бы они могли разрушить азовскія стѣны ни большихъ запасовъ пороха, свища и провіанта. Все это они ожидали изъ Москвы, но тамъ съ присылкой медлили.

На помощь къ нимъ пришли запорожцы. Эти отважные вѣб ояхъ рыцари, какъ и ихъ собратья—казаки малороссійскіе, ведя постоянную борьбу за православіе съ поляками, помышляли уже или отдаться подъ покровительство Москвы, или Тавриды, а другіе изъ нихъ рѣшили искать счастье въ другихъ краяхъ. И вотъ, въ то самое время, когда донцы готовились къ нападенію на Азовъ, на берега Дона явились запорожцы, около 4—5 тыс., шедшіе въ Персію, чтобы предложить тамъ свою силу въ борьбѣ персовъ съ Турціей. Донцы встрѣтили ихъ дружественно и предложили остаться у нихъ, говоря: „вотъ Азовъ,—возьмемъ и откроемъ свободный путь въ моря Азовское и Черное,—богатая добыча будетъ нашею наградою. Хотите ли быть вѣрны друзьямъ и братьямъ своимъ?“

Запорожцы поклялись стать за одно съ донцами противъ невѣрныхъ. На площади у часовни Монастырскаго городка казаки отслушали напутственный молебень, торжественно поклялись во взаимной вѣрности твердо стоять другъ за друга— „всѣ за одного и одинъ за всѣхъ“, выбрали походныхъ атамановъ и двинулись къ Азову „судовой и конной ратью“, пославъ впередъ отрядъ для поимки „языковъ“. Въ этомъ

²³¹) „Посѣчь“—древнее характерное выраженіе казаковъ какъ донскихъ, такъ и запорожскихъ; вотъ почему въ древности ихъ называли *саками*, отъ сакъ, сѣкъ, сѣчь,—*сѣчниками, сѣчевиками*, такъ какъ самое страшное ихъ оружіе было сѣкира, мечъ обоюдоострый, потомъ сабля, по Страбону (XI, 8, 4) *сакаръ*.

походъ принимали участіе всѣ донскіе казаки; въ городкахъ остались лишь старики и женщины, готовые каждый часъ съ оружіемъ въ рукахъ защитить свои очаги на случай внезапнаго нападенія степныхъ хищниковъ. Войсковой атаманъ Михайла Татариновъ руководилъ всѣмъ дѣломъ осады Азова. Личное мужество и умъ этого вождя были порукой за успѣхъ. Осада началась въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Казаки раздѣлили свои войска на четыре отряда и обложили крѣпость со всѣхъ сторонъ. Часть флота заняла устье Дона, съ цѣлью не пустить турецкія суда на выручку осажденныхъ.

Первымъ дѣломъ казаки окопались вокругъ города земляными валами и рвомъ, надѣлали много плетневыхъ туръ, насыпали ихъ землей и, подкатывая къ стѣнамъ, стрѣляли изъ-за нихъ. Смотря на это, турки, численность которыхъ предъ этимъ было значительно усилена, смѣялись надъ ними, били изъ крѣпостныхъ тяжелыхъ пушекъ, но очень мало вредили искуснымъ въ осадномъ дѣлѣ донцамъ. Въ этой безплодной перестрѣлкѣ прошло около трехъ недѣль. Для рѣшительнаго приступа казаки поджидали изъ Москвы атамана Ивана Каторжнаго, а съ нимъ порохъ, свинець и другія боевыя припасы.

Зимой 1637 г., предъ приготовленіемъ казаковъ въ походъ, на Донъ прибылъ съ своими людьми турецкій посолъ Ома Кантакузинъ, направляясь въ Москву. Для извѣщенія объ этомъ царя казаки послали легкую станицу съ атаманомъ Ив. Каторжнымъ, поручивъ также ему испросить тамъ для усиленія своихъ боевыхъ средствъ порохъ, свинець, провиантъ и проч. Эта станица съ дворяниномъ Чириковымъ, посланнымъ для встрѣчи посла, была уже на обратномъ пути.

Не зная намѣреній казаковъ, царь послалъ имъ обычное жалованье и боевыя припасы, а также и грамоту съ просьбой жить съ азовцами мирно и „никакихъ задоровъ имъ не чинить“. Еще Чириковъ и Каторжный не достигли донскихъ городковъ, какъ турецкій посолъ былъ казаками уличенъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ крымцами и турками. Онъ сообщалъ имъ о приготовленіяхъ казаковъ и просилъ прислать немедленную помощь Азову, хотя бы изъ ближайшихъ мѣстъ, Темрюка и Тамани. Посланный имъ въ Азовъ грекъ былъ случайно пойманъ казаками, и Кантакузину грозило жестокое наказаніе. Казаки усилили свои разѣзды со стороны Крыма и Кубани, ожидая отътуда нападеній. И дѣйствительно, когда началась уже осада Азова, полчища турокъ, татаръ и черкесовъ появились со стороны Кубани. Казаки отрядили лучшихъ людей, встрѣтили непріятеля на р. Кагальникѣ и разбили его на голову, не допустивъ до Азова. Въ этотъ періодъ времени на Донъ прибыли Чириковъ и Каторжный, съ которыми было болѣе ста человекъ казаковъ. Чириковъ выдалъ казакамъ царское жалованье: 2000 р., 300 четверт. сахарей, 50 четверт. толокна, 50 четверт. крупъ, 16 бочекъ вина, 40 поставовъ сукна, 4000 пушечныхъ ядеръ, порохъ, селитру и сѣру и сталъ требовать выдачи посла, содержавагося подъ стражей, но казаки въ этомъ отказали и по рѣшенію круга Кантакузина казнили, какъ изменника, а съ нимъ всѣхъ его людей. Послѣ этого они приступили уже къ рѣшительной осадѣ Азова. Взять приступомъ городъ было нельзя, за неимѣніемъ тяжелой артиллеріи. Казаки прибѣгли къ своему излюбленному, старому казачьему способу—„иѣмецкому размыслу“, при помощи котораго они когда-то взяли Казань: стали рыть подъ городъ подкопы. Надъ этимъ они потрудились около мѣсяца. Турки, развлекаемые безрезультатной ихъ стрѣльбой, смѣялись надъ ними, громили ихъ ялы и туры ядрами, нисколько не подозрѣвая скорой своей гибели.

18 іюня былъ роковой день для гордыхъ магометанъ. Наканунѣ этого дня казаки очистились постомъ и молитвой, исповѣдались у своихъ отцовъ духовныхъ, попрощались другъ съ другомъ, говоря

„поддержимъ, братцы, честь нашего оружія, стоимъ за православную вѣру и за святой храмъ; умремъ, если такъ суждено, но не поспрашимъ себя и батюшки нашего, Тихого Дона Ивановича“. Глубокая тишина царила въ ихъ станѣ. Видя это, а также и ночное движеніе казаковъ, турки предрекали ихъ бѣгство и радовались. Въ 4 часа ночи грянулъ громъ подкоповъ, затряслись азовскія твердыни, часть стѣнъ вмѣстѣ съ людьми, землей, остатками строеній взлетѣла на воздухъ. Атаманъ Михайла Татариновъ съ отборнымъ отрядомъ устремился въ проломъ; другіе казаки бросились на стѣны со всѣхъ сторонъ, подставляя лѣстницы и неся другъ друга на плечахъ подъ тучами пуль и каменевъ. Городскія стѣны и улицы сдѣлались полемъ сраженія. Гарнизонъ и жители защищались съ яростію; но что могло устоять противъ казаковъ того времени, этихъ по истинѣ сказочныхъ богатырей, несокрушимыхъ въ сѣчахъ, какъ гранитныя скалы, и твердыхъ своей казачьей идеей, какъ сталь. Битва кипѣла весь остатокъ ночи и весь слѣдующій день; замолкли пушки и пищали: рѣзались саблями, кинжалами, ножами. Богатыри шли грудь на грудь. Наконецъ турки дрогнули, неустояли предъ грозной казачьей силой: одни изъ нихъ заперлись въ замкѣ, а остальные устремились черезъ стѣны въ степь, ища спасеніе въ бѣгствѣ. Окруживъ замокъ, казаки послали отряды для преслѣдованія бѣгущихъ. Болѣе 10 верстъ враги отступали съ отчаяннымъ упорствомъ, пока не были окончательно разсѣяны и истреблены. Такая же участь постигла и засѣвшихъ въ замкѣ: послѣ 3-хъ дневной отчаянной обороны они всѣ были перебиты. Казаки сдѣлались обладателями Азова и утвердились въ немъ *всѣмъ войскомъ*, т. е. перенесли туда съей главныя стѣны.

Подъ стѣнами города и на улицахъ его многіе изъ донцовъ сложили свои головы. Объ этомъ событіи казаки писали въ Москву такъ: „А какъ мы стояли подъ тѣмъ градомъ Азовомъ и тѣ азовскіе люди нашу братію казаковъ изъ пушекъ и изъ турокъ (ружей) побивали и мы велѣли отвозить убиенныхъ на Монастырскій Яръ каюками и погребати у часовни по правиламъ святыхъ отецъ священнослужителямъ“.

Утвердившись въ Азовѣ, казаки подѣлили между собою, по станицамъ, всѣ дома и имущество турокъ. Только однимъ грекамъ они разрѣшили жить тамъ по прежнему. Азовъ сдѣлался христіанскимъ вольнымъ городомъ. Прежде всего казаки возстановили въ немъ древніе православные храмы особенно чтимыхъ ими св. Іоанна Предтечи, считавшагося покровителемъ города, и святителя Николая.

Съ весны 1638 г. въ Азовъ стали приходять торговые караваны изъ русскихъ и азіатскихъ городовъ: Астрахани, Терка, Тамани, Темрюка, Керчи, Кафы, и др., даже изъ Персіи. Персидскій шахъ сталъ искать дружбы казаковъ и прислалъ къ нимъ своего посла для заключенія союза противъ Турціи, обѣщая дать, въ случаѣ надобности, помощь военной силой въ 10 и 20 тыс. человекъ. Словомъ, Донское войско, придвинувшись къ морю, стало въ глазахъ сосѣднихъ народовъ сильной демократической республикой. За побѣду надъ турками, считавшимися до того времени во всей Европѣ и Азіи непобѣдимыми, донскіе казаки снискали себѣ почетъ и уваженіе во всѣхъ сосѣднихъ и дальнихъ государствахъ.

Царь ничего не зная о дѣйствіяхъ казаковъ. Для извѣщенія его казаки послали въ Москву атамана Потапа Петрова съ четырьмя казаками и въ отпискѣ своей говорили: „Отпусти намъ, государь, вины наши, что мы безъ твоего повелѣнія взяли Азовъ и убили измѣнника, турецкаго посла... могли ли мы безъ сокрушенія смотрѣть, какъ въ

глазахъ нашихъ лилась кровь христіанская, какъ влеклись на позоръ и рабство старцы, жены съ младенцами и дѣвы? Не имѣя силъ долѣе терпѣть азовцамъ, мы начали войну правую, съ Божьей помощью овладѣли городомъ, побили невѣрныхъ за ихъ неправды и православныхъ освободили изъ плѣна*... 232).

Казаки обѣщали вслѣдъ за этимъ прислать большую станицу съ подробнымъ донесеніемъ.

Царь съ неудовольствіемъ принялъ извѣстіе объ убійствѣ посла и приказалъ задержать атамана Петрова съ казаками до присылки обѣщанной большой станицы. Но вскорѣ онъ смѣнилъ гнѣвъ на милость, наградилъ казачьихъ пословъ и отпустилъ ихъ на Донъ. Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ взятія Азова крымцы съ Большимъ Ногаемъ, желая отомстить за поражение турокъ, двинулись на русскіе украинные города, но казаки раньше предугадали ихъ намѣреніе, быстрымъ передвиженіемъ пресѣкли имъ дорогу и обратно загнали ихъ въ Крымъ. Объ этомъ казаки немедленно сообщили въ Москву, что и заставило царя перемѣнить о нихъ мнѣніе. Въ грамотѣ, посланной на Донъ 20-го сентября 1637 г. съ атаманомъ Петровымъ, царь слегка упрекалъ казаковъ за убійство посла Контакузина, называя ихъ поступокъ „предсудительнымъ“, а также пенялъ, что они взяли Азовъ безъ его повелѣнія, но въ то же время и благодарилъ за дѣйствія противъ крымцевъ.

Со взятіемъ Азова казаки сдѣлались господами на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Встрѣвоженный султанъ, воюя съ Персіей, не зналъ что дѣлать.

Посылаемые на выручку Азова мелкіе отряды легко уничтожались казаками, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ. Въ слѣдующемъ 1638 г. онъ послалъ туда значительную флотилію подъ начальствомъ Пиали пашы. Казаки, около 1700 человекъ, на своихъ легкихъ, но страшныхъ для враговъ стругахъ встрѣтили турокъ на Черномъ морѣ, у Керченскаго пролива, дали имъ жестокой казачьей морской бой, множество погубилъ, а остальныхъ разсѣялъ. Въ этой битвѣ казачьихъ пало до 700 человекъ. Съ этого времени ни крымцы, но ногайцы, жившіе въ крымскихъ владѣніяхъ, уже не осмѣливались нападать на русскія южныя окраины, а ногайцы, кочевавшіе за Дономъ и около Астрахани, боясь казачьихъ, оставались вѣрными данниками Москвы.

Около 5 лѣтъ казаки владѣли Азовомъ, устьями Дона и Азовскимъ моремъ. Но гордые турки, предъ которыми дрожала вся Европа, не могли помириться съ этимъ положеніемъ и готовились жестоко отомстить казакамъ.

Султанъ Мурадъ IV-й, надменный тиранъ востока, задумалъ колоссальный планъ для наказанія казачьихъ, но вскорѣ умеръ. Пріемникъ его Ибрагимъ поручилъ это дѣло сильному и крѣпкому духомъ верховному визирю Магмету пашѣ. Больше года приготавлился онъ къ этому предпріятію; заключилъ миръ съ Персіей, утвердилъ дружественныя отношенія со всеми иностранными державами: Австріей, Польшей, Венеціей, Россіей и др. Спѣшно строилъ и снаряжалъ сильный, но легкій флотъ, который бы могъ свободно пройти по Азовскому морю. Тысячи наемныхъ иностранныхъ мастеровъ, инженеровъ и артиллеристовъ помогали ему въ этомъ.

Турки, крымцы, ногайцы, горскіе черкесы, волохи, сербы, арнауты, арабы и другіе народы собрались подъ знамена гордаго повелителя востока, чтобы торжествовать побѣду на костяхъ донскихъ удалыхъ витязей, дерзнувшихъ посмѣяться надъ священнымъ именемъ падишаха. Самъ верховный визиръ хотѣлъ взять начало надъ этой грозной силой, но передумалъ и поручилъ главное предводительство опытному и славолюбивому полководцу Гуссейну пашѣ, презиравшему и ненавидѣвшему казачьихъ. Командованіе флотомъ было вѣрено капитанъ-пашѣ Пиали-агъ, человеку, одаренному лучшими боевыми качествами: прозорливостью и храбростью. Флотъ его состоялъ изъ 80 большихъ бѣломорскихъ каторгъ и 90 мелкихъ морскихъ судовъ. 20 кораблей были на-

232) Отписка казачьихъ шару 15 июля и 3 декабря 1637 г. Распространя рѣчи атамана Потапа Петрова, 20 июля 1637 г. Довесеніе посла Черикова, 3 сент. 1637 г. Дѣла донскіе. Акты Лихинна, т. I, № 10, стр. 15-20.

гружены ожестрѣнными снарядами: пушками, ядрами, порохо́мъ и др. Однихъ огромныхъ стѣнбнитныхъ орудіѣ было около ста; ядра всѣли въ полтора и два пуда. Многія суда везли провіантъ. Экипажи и команды судовъ были сформированы изъ страшныхъ для европейцевъ того времени янычаръ. Все это ополченіе простиралось до 150 тысячъ человекъ, хорошо вооруженныхъ, скованныхъ желѣзной дисциплиной и воодушевленныхъ идеей торжества ислама надъ христіанствомъ. Инженерными работами и артиллеріей руководили опытные европейскіе техники: итальянцы, французы и вѣмцы. Какъ только Великая Порта собралась воевать съ сильнымъ и могущественнымъ государствомъ, а не съ горстью удалыхъ добрыхъ витязей, не признававшихъ надъ собой ничьей власти, а дѣйствовавшихъ на свой рискъ и страхъ, ради торжества Креста надъ Магометомъ.

Но казаки не унывали, а также спѣшно и дѣятельно готовились дать отпоръ дерзкому и зазнавшемуся врагу, лечь костями, но не уступить, надѣясь на Бога да на свои крѣпкія казачьи головы и вострыя сабли. Они говорили: „Приходъ турскихъ и крымскихъ людей намъ не страшень; Азова мы не отдадимъ и не покинемъ, потому что взяли его кровью и своими головами“: Они безъ помощи иностранныхъ инженеровъ хорошо укрѣпили стѣны и замокъ города, поставили отбитыя раньше у турокъ пушки, запаслись снарядами и провіантомъ и стали ждать враговъ. дѣлая усиленные развѣзды по степи и по морю и слѣдя за движеніями неприятельскихъ отрядовъ и судовъ.

Весной 1541 г. казаки уже знали о движеніи неприятельскаго флота и сухопутной арміи.

Войсковой атаманъ Осипъ Петровъ, богатырь тѣломъ и духомъ, съ атаманами и казаками главнаго войска, бывшаго въ Азовѣ, кликнули кличь вверхъ по Дону, съ призывомъ спѣшить на защиту родины.

Эта войсковая грамота была такого содержания:

„Отъ доноскаихъ атамановъ и молодцовъ и отъ всего великаго войска Донскаго, во есь верхніе городки атаманамъ и молодцамъ челобитье! Пошли было атаманы молодцы на святое море и прикинули въ гирля для языковъ, поймали крымскихъ людей. Въ распросъ тѣ языки сказали, что турскій и крымскій царь съ крымскими людьми, съ Большимъ и Малымъ Ногаемъ, съ горскими черкесами идутъ подъ Азовъ для осады. Не вѣря тѣмъ языкамъ, мы сами ходили на море и полнинно узнали, что идутъ корабли и каторги подъ Азовъ. Чтобы вамъ, атаманамъ-молодцамъ, помнитъ престолъ Іоанна Предтечи, государеву къ себѣ милость и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять, възжайте въ Азовъ къ войску днемъ и ночью, не малыми людьми, на иомощь; въ городкахъ не многияхъ людей оставляйте, съѣзжайтесь городокъ 5, 6 въ одно мѣсто съ семьями, чтобы, съѣзжавшись, станицы жили съ великимъ береженьемъ. А кто къ войску въ Азовъ на иомощь не поидетъ, тому въ войскъ и суда не будетъ ²⁸³⁾. Возжайте же всякіе люди, пенные и непенные: пеня имъ будетъ отдана. Знаете вы сами, какъ приходили со всякъхъ рѣкъ Азовъ брать и какъ Богъ поручилъ городъ великому войску Донскому. Какъ бы теперь надъ нами бусурманы не помялись. Въ земль нашему казачьему житію завидывали, а чинъ за такъ и потеряемъ свою казачью славу? Если будутъ идти Дономъ русскіе люди съ бударами, и вы посылали бы ихъ къ войску въ Азовъ, съ запасами. Послатъ грамоту войсковую городокъ отъ го-

²⁸³⁾ Споры между городками разбирались въ главномъ войскѣ войсковымъ кругомъ. Споры между отдѣльными лицами — станичнымъ кругомъ. Недовольная сторона могла обжаловать рѣшеніе станичнаго круга въ главное войско. За измѣну войску — смертная казнь, въ куль да въ воду. За ослушаніе — войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить, т. е. ослушникъ лишился правъ свободнаго казака, правъ гражданства. За маловажные проступки: плети, розги, штрафы, лишеніе въ дѣлѣжъ части добычи и пр.

родка на скоро, днемъ и ночью, для постыженія, покуда казачьяе присуда“.

Въ то время, когда начиналось это великое, безпримѣрное въ исторіи народовъ дѣло, русскій царь съ грекомъ Мануиломъ Петровымъ, раньше прибывшимъ въ Москву съ посломъ Кантакузинимъ, двоедушно, съ соблаговоланіемъ и погодованіемъ на казакѣвъ писалъ султану, называя его о проишедшихъ на Дону обитаніяхъ и убіеніяхъ „своего друга и брата“⁴, что Азовъ звать безъ его вѣдома, что донскіе казаки издавна воры, царскаго повелѣнія не слушаютъ, что ратей на нихъ послать нельзя, такъ какъ они живутъ *кочевымъ обычаемъ* и даже его посла Ивана Карамышева убили до смерти... „О взятіи Азова у насъ и мысли не было,— писалъ далѣе царь,— и прискорбно будетъ, если за одно своеволие казакѣвъ станешь имѣть на насъ досаду; хотя всѣхъ ихъ вели *побить въ одну часъ, а не постою за то*. Мы съ вами, братомъ нашимъ, хотимъ быть въ крѣпкой дружбѣ и любви на вѣки неподвижно слыше всѣхъ великихъ государей и желаемъ вамъ на царствахъ вашихъ счастливаго пребыванія, *надъ врагами победы*, государствъ вашихъ приращенія и всякаго добра вамъ хотимъ безъ хитрости, нося всегда въ сердцѣ нашемъ вашу любовь“...

Такъ двоедушничалъ царь, поддерживаемый боярской думой, между тѣмъ какъ донскіе казаки, никогда и ни предъ кѣмъ не главше и не унижавше своего казачьяго достоинства, готовились открыто стать своей богатырской грудью на защиту поруганной и окверненной родины. На кличъ войскового атамана и главнаго войска они изъ верхнихъ городковъ конные, пѣшие и на судахъ спѣшили къ Азову, оставивъ на защиту своихъ жилищъ лишь жеванцихъ и стариковъ.

Въ началѣ іюня 1641 г. огромная турецкая рать, состоящая, по показанію казакѣвъ, изъ 240 тыс. человекъ, облегла съ суши и съ моря г. Азовъ, въ которомъ засѣло до 6 тыс. донскихъ богатырей съ славнымъ войсковымъ атаманомъ Осипомъ Петровымъ, рѣшившихся умереть, но не сдать врагамъ старую столицу казачества. „Вотъ храмъ Божій, — говорилъ атаманъ своимъ сподвижникамъ, — защитимъ его или умремъ близъ алтаря Господня, — смертію за вѣру покупаютъ небо“. Этого было довольно. Искренне вѣрующіе казаки очистили себя постомъ и молитвою и поклялись другъ другу биться до послѣдняго издыханія, а попавшись въ плѣнъ ни слова не говорить врагамъ о состояніи города. Эти двѣ главные заповѣди казаки выполнили свято, какъ выполняли и всѣ другія клятвы и обѣщанія во все время своей боевой жизни. Такова была душа и натура казачья стараго времени.

7 іюня началась дѣйствительная осада. Опытные въ военномъ дѣлѣ казаки прежде всего, подбѣгая мелкими партіями съ разныхъ сторонъ къ стану враговъ, добыли *языковъ* и отъ нихъ узнали о численности и положеніи неприятельской арміи. Скоро турки сдѣлали попытку къ штурму. Казаки отстрѣливались, стараясь не подпустить ихъ близко къ стѣнамъ. Главныя ихъ усилія были обращены на то, чтобы нанести вредъ врагамъ внезапными вылазками и подкопными работами, въ которыхъ казаки были искуснѣе не только турокъ, но даже всѣхъ западно-европейскихъ инженеровъ и техниковъ-специалистовъ. Съ этой цѣлью атаманъ Петровъ раздѣлил своихъ сподвижниковъ на два отряда: одинъ предназначенъ былъ собственно для вылазокъ, другой для подземныхъ

работъ. Тотъ и другой дѣйствовали съ такой успѣшностью, что скоро привели въ недоумѣніе и робость турокъ. Не привыкшіе къ постоянной осторожности, турки отъ внезапныхъ вылазокъ казаковъ несли очень большія потери, а подведенные съ разныхъ сторонъ подкопы и взрывы губили ихъ тысячами и производили такія опустошенія въ артиллеріи, что не на шутку заставляли командующаго арміей Гуссейна-дели задумываться надъ дальнѣйшей своей судьбой. Слѣдующіе четыре приступа, въ которыхъ принимали участіе всѣ силы враговъ, были безуспѣшны. Турки гибли массами. Убить былъ кафинскій паша и много другихъ военначальниковъ. Казаки, вѣрные своей клятвѣ „другъ за друга стоять, лечь костями, но городъ не сдавать“, отражали враговъ съ удивительной храбростью и умѣньемъ и послѣ каждого отбитаго штурма дѣлали губительныя для турокъ вылазки. Подкопы подъ непріятельскія батареи дѣлали свое дѣло. Турки приуныли. Такихъ стойкихъ и храбрыхъ противниковъ гордые паша еще не встрѣчали на всемъ востокѣ. У нихъ явился недостатокъ въ провіантѣ, артиллерійскихъ снарядахъ и людяхъ. Гуссейнъ-дели спѣшно послалъ въ Царь-градъ требованіе о присылкѣ подкрѣпленій. „Воевать Азовъ нечѣмъ,— писалъ онъ,— а прочь идти безчестно; подобнаго срама османское оружіе еще не видѣло; мы воевали цѣлыя царства и торжествовали побѣды, а теперь несемъ стыдъ отъ горсти незнающихъ воиновъ“.

Извѣстіе это было получено въ Царь-градѣ 9 августа и произвело страшный перепологъ въ высшихъ праящихъ сферахъ. Верховный визирь всѣми мѣрами старался скрыть отъ народа истинное положеніе вещей подъ Азовомъ, такъ какъ всѣ опасались, что казаки, уничтоживъ тамъ турецкую армію, двинутся на Стамбулъ и предадутъ, какъ они уже дѣлали не разъ, все огню и мечу. Но скрыть бѣдственное положеніе турецкой арміи не удалось, и страхъ быстро распространился по всѣмъ прилегающимъ къ морю мѣстностямъ. 15 августа визирь спѣшно послалъ къ Азову подкрѣпленіе и предписалъ бѣломорскому Бекирь-пашѣ готовить туда еще 16 которъ съ ратными людьми.

Получивъ подкрѣпленіе, Гуссейнъ-дели рѣшилъ испытать послѣднее средство, чтобъ завладѣть Азовомъ,—засыпать всѣхъ защитниковъ его землей. Начались спѣшныя земляныя работы, въ которыхъ главными руководителями были итальянскіе и нѣмецкіе инженеры; въ нѣсколько дней у самыхъ городскихъ стѣнъ явился валъ вышиной въ 7 саж. Установивъ на немъ многочисленную тяжелую артиллерію,

турки начали бить по городу *изъ всего снаряду* день и ночь. Стрѣльба эта продолжалась 16 сутокъ. Казаки защищались съ отчаянной храбростью; подвели подъ валъ два подкопа и взорвали ихъ, истребивъ тысячи невѣрныхъ; проникли 28 подкопами подъ самые таборы непріятелей и произвели въ нихъ страшныя опустошенія. Нѣмецкіе инженеры съ своей стороны вели подъ Азовъ 17 подкоповъ, но казаки провѣдали о томъ и своими встрѣчными подкопами разрушили ихъ. Отъ непрерывной стрѣльбы изъ осадныхъ орудій городъ, три крѣпостныхъ стѣны, башни и замокъ были снесены до основанія. Разрушенъ былъ и храмъ св. Іоанна Предтечи.

Казаки зарывались въ землю, дѣлали, оттуда вылазки и вели подкопы, умудряясь наносить вредъ врагамъ. Въ этой титанической борьбѣ съ ними вмѣстѣ, какъ природныя дочери Дона, бились ихъ жены, число которыхъ, по словамъ самихъ казаковъ, было около 800.

Осада затянулась. Шель уже сентябрь мѣсяць. Казаки, окопавшись въ четвертомъ земляномъ городкѣ, держались твердо. Время отъ времени къ нимъ прорывались изъ Черкаска р. Дономъ подкрѣпленія; подвозили снаряды и провіантъ. Остальные отряды казаковъ расположились по низовымъ городкамъ и слѣдили за движеніями враговъ, стараясь не пустить ихъ вверхъ по Дону. Отъ смрада гніющихъ труповъ у турокъ появились заразныя болѣзни. Сталь ощущаться недостатокъ въ снарядахъ и провіантѣ.

Посылаемые крымскимъ ханомъ подъ украинные города за добычей отряды уничтожались казаками. Въ турецкой арміи стали появляться недовольство и ропоть. Гуссейнъ-дели не зналъ что дѣлать и просилъ султана отложить покореніе Азова до слѣдующей весны, но получилъ отвѣтъ: „Паша! возьми Азовъ, или отдай свою голову“. Пришлось напрячь всѣ усилія, чтобы сломить твердость казаковъ. Начались отчаянные приступы озвѣрѣвшихъ турокъ, продолжавшіеся непрерывно послѣдвіе двѣ недѣли. Казаки не уступали, дѣлали отчаянныя вылазки, уничтожали враговъ, захватывали у нихъ порохъ и снаряды, подводили новые подкопы и взрывали турецкія укрѣпленія. Въ инженерномъ искусствѣ они понимали лучше европейскихъ специалистовъ. Около половины ихъ уже пало смертью героевъ. Остальные были почти всѣ переранены: отъ безсонныхъ ночей они окончательно обезсилили, губы ихъ запеклись, лица и глаза отъ порохового огня и дыма опалились, гортань не давала звуковъ голоса, руки отказывались держать оружіе. Но не таковы были

донцы: они поклялись другъ другу лучше умереть, но не сдаваться. Турки метали имъ на стрѣлахъ письма съ обща-ніемъ выдать каждому изъ нихъ по тысячи талеровъ, если они добровольно оставятъ Азовъ, который въ сущности уже не существовалъ, но казаки на эти „бусурманскія прелести не покусились“ и отвѣтили имъ новой, губительной для нихъ вылазкой. Въ ночь подъ 26 сентября, ночь страшную и вмѣстѣ трогательную, казаки очистили себя постомъ и молитвой, попросились другъ съ другомъ, по-братски обнялись, перещеловались и рѣшили на утро сдѣлать послѣднюю отчаянную вылазку—побѣдить, или умереть всѣмъ, до одного человѣка.

Въ три часа ночи страшные, опаленные, съ сверкающими сверхчеловѣческимъ огнемъ глазами они двинулись на враговъ, но къ удивленію своему не нашли ихъ на прежнихъ мѣстахъ. Разсвѣтъ показалъ лишь одни слѣды бѣгущаго непріятели. Донцы воспрянули духомъ, наскоро сформировали отряды изъ болѣе свѣжихъ силъ и пустились въ погоню, били безъ пощады, загоняли въ воду, топили суда. Турки не ожидали этой дерзости и, объятые ужасомъ, гибли тысячами. Пораженіе было полное. Донскіе богатыри сдержали свою клятву: или умереть, или побѣдить. Они показали всему міру, какова нравственная сила и доблесть казачья. Доселѣ непобѣдимые и гордые османлисы, наводившіе страхъ и ужасъ на весь ближній востокъ и Европу, были посрамлены и уничтожены горстью доблестныхъ донцовъ, ставшихъ своею богатырскою грудью за свою, вѣками прославленную казачью честь, свободу дорогой родины и православную вѣру.

Турки въ паническомъ страхѣ бѣжали, оставивъ подъ Азовомъ отъ 50 до 70 тысячъ труповъ. Раненый крымскій ханъ Бегадиръ-Гирей умеръ на дорогѣ. Кафинскій паша Юсуфъ былъ убитъ. Самъ главнокомандующій, силистрійскій паша Гуссейнъ-дели, отъ стыда и сраму скончался въ пути. Немногие изъ удѣлѣвшихъ военнопленныхъ были преданы „турецкому“ военному суду. Такъ окончилось это безпримѣрное въ лѣтописяхъ народовъ дѣло, названное въ исторіи „Азовскимъ сиднѣемъ“.²³³⁾

²³³⁾ Отписка войскового атамана Осипа Петрова и всего войска царю 9 октября 1641 г. съ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ, есауломъ Фед. Порошнымъ и съ 24 особенно отличившимися казаками;

Извѣстный критикъ Сенковский (т. VI, статья „Казаки“), нисколько не умаляя мужества казаковъ въ „Азовскомъ сиднѣѣ“, основываясь на трудахъ турецкаго историографа Наима-эфенди, ползаетъ, что турки подъ Азовъ могли послать не болѣе 25 т. человѣкъ, да крымскій ханъ отъ 20 до 30 тыс. всадниковъ, итого около 50 тыс.; что подвигъ казаковъ и безъ преувеличенія силъ турокъ навсегда пребудетъ въ исторіи однимъ изъ блистательныхъ чудесъ неустрашимости и самоотверженія.

Всздавъ благодареніе Богу за одолѣніе многочисленныхъ враговъ, каз ки отправили въ Москву легкую станицу съ атаманомъ Наумомъ Васильевымъ съ подробнымъ извѣстіемъ объ успѣхѣхъ своего оружія и просили царя принять Азовъ себѣ въ вотчину, такъ какъ всѣ они крайне изнурены, переранены, наги и босы и держать городъ дальше не въ силахъ. Атаманъ лично объяснилъ царю и боярамъ, что если Азовъ не будетъ принятъ отъ нихъ, *то они всѣ до единого умрутъ въ немъ, но не уступятъ врагамъ земли, облитой кровью ихъ товарищей.*

Царь похвалилъ казаковъ за ихъ мужество и послалъ на Донъ милостивую грамоту и 5 тыс. руб. денегъ. Вслѣдъ за этимъ 2 декабря имъ посланъ былъ на Донъ дворянинъ Желябужскій съ порученіемъ осмотрѣть азовскія укрѣпленія, сдѣлать чертежи и смѣты на исправленіе стѣнъ, зданій и проч.

Между тѣмъ посрамленный султанъ неистовствовалъ и готовился отомстить казачеству. Получались извѣстія объ его приготовленіяхъ для взятія Азова и походы на Россію. Онъ грозилъ даже уничтожить всѣхъ христіанъ въ его имперіи. Устрашенный этими угрозами простодушный царь не рѣшился дать какой либо отвѣтъ казакамъ и въ январѣ мѣсяцѣ 1642 г. созвалъ земскій соборъ изъ представителей всѣхъ сословій государства, на которомъ былъ поставленъ вопросъ: принять отъ казаковъ Азовъ или отказаться отъ этого дара. Сужденія затянулись до апрѣля. Въ марѣ возвратился Желябужскій и донесъ, что Азовъ весь разрушенъ и что всѣ укрѣпленія нужно возводить вновь. Земскій соборъ, не находя поддержки въ правящихъ классахъ, привыкшихъ двоедушничать предъ султаномъ и боявшимися открыто стать на сторону казаковъ, постановилъ предоставить дѣло это усмотрѣнію царя и бояръ. Слабость и равнодушіе къ пользамъ отечества правящихъ классовъ сказались тутъ во всей силѣ. Утвердившись въ Азовѣ, Россія при помощи казаковъ могла бы держать въ покорности и крымцевъ, и ногайцевъ и открыто вести политическія переговоры съ Турціей, не прибѣгая къ традиціонной лжи относительно казачества, лжи низкой, недостойной великаго государства.

Россія смалодушничала и, отдѣлавшись посылкой на Донъ нѣсколькихъ тысячъ рублей, двухсотъ поставовъ сукна, сѣстныхъ припасовъ, свинцу и пороху, предоставила донскихъ казаковъ самимъ себѣ; она не только не дала имъ помощи военной силой, но даже во имя спасенія христіанъ во всей Турціи убѣждала ихъ покинуть Азовъ и уйти въ свои юрты. „Сего требуетъ польза отечества и послушаніе ваше

будет новымъ доводомъ вашей вѣрной службы ко мнѣ“, писалъ царь казакамъ. Лучшихъ выражений не могла придумать косная Москва. ²³⁴). Отъ принятія Азова она отказалась.

Не находя поддержки у единовѣрной имъ Москвы и вѣря угрозамъ объ истребленіи всѣхъ христіанъ въ турецкихъ владѣніяхъ, казаки съ сокрушеніемъ въ маѣ мѣсяцѣ 1642 г. оставили Азовъ и вышли всѣмъ войскомъ на Маханъ островъ (близъ нынѣшней Ольгинской станицы).

Казаки забрали изъ Азова всю артиллерію, колокола, церковную утварь, крѣпостныя желѣзныя ворота и даже, по обѣту братскому, кости своихъ павшихъ товарищей, сравнивъ всѣ азовскія укрѣпленія съ землей. Кости казаки перевезли на Монастырскій Яръ, артиллерію и церковное имущество въ Черкасскій городокъ, давъ обѣтъ построить въ немъ, въ память славнаго сидѣнья въ Азовѣ, храмъ во имя Воскресенія Господня, что впоследствии и исполнили.

Вывезенная казаками изъ азовскаго Предтеченскаго храма икона Іоанна Крестителя, чудной работы, писанная, судя по сдѣланной на ней греческой надписи, въ 637 г., въ настоящее время находится въ Донецкомъ монастырѣ, Вогутаръ у. Воронежъ губ. (въ 12 вер. отъ Казанской станицы), а копии съ этой иконы въ Старочеркасскомъ соборѣ и въ часовнѣ на Монастырскомъ урочищѣ, въ 7 в. ниже Старочеркаска. Въ Донецкомъ монастырѣ, который былъ раньше казачьимъ, хранится и колоколъ изъ азовскаго храма. Изящной венеціанской работы большое посеребренное паннакидио изъ того же храма уже больше двухъ вѣковъ виситъ въ главномъ куполѣ собора Старочеркаска. Крѣпостныя желѣзныя азовскія ворота и громадная стѣна отъ вѣсовъ лежатъ въ оградѣ того же собора, на память потомству о великихъ подвигахъ предковъ.

Въ Донской музей г. Новочеркаска доставлено нѣсколько пушечныхъ ядеръ, каменныхъ и чугунныхъ, вѣсомъ болѣе двухъ пудовъ каждая наведенныя въ старыхъ крѣпостныхъ валахъ Азова; ядра эти свидѣтельствуютъ, какой величины были осадныя орудія при штурмѣ турками Азова въ 1641 г.

Послѣ оставленія казаками Азова турки жестоко мстили имъ за прежнія обиды и, пользуясь ихъ малочисленностью, внезапно двинулись вверхъ по Дону, сожгли въ 1644 г. городки Монастырскій, Черкасскъ, Манычъ и др., жителей частью побили, частью увели въ плѣнъ. Въ этомъ набѣгѣ враговъ погибла большая часть раненыхъ и увѣчныхъ казаковъ, посвятившихъ себя молитвѣ при часовнѣ Монастырскаго городка.

Войско перенесло свой главный станъ въ Верхніе Раздоры (нынѣ Раздорская на Дону станица) и тамъ уже отбивалось отъ приступовъ дерзкаго врага. Но скоро казаки оправались, оттѣснили неприятеля за Черкасскъ и съ упорствомъ защищали это укрѣпленіе отъ многочисленныхъ татарскихъ полчищъ, крымцевъ и ногайцевъ, окружившихъ его со всѣхъ сторонъ. Объ этой осадѣ казаки писали царю: „мы цѣлую зиму (1645 г.), будучи оставлены всѣми, сидѣли въ Черкасскомъ городкѣ, окруженные ногайцами, темрючками черкесами и крымскими татарами; намъ нельзя было выйти ни за рыбу, ни за дровами; въ сей крайности натерпѣлись мы и холоду, и голоду и, не желая себя посрамить, многіе изъ насъ померли голодною смертію. А теперь, съ наступленіемъ весны, азовскій Мустафа Бей съ воинскими людьми опять хотѣтъ идти подѣ Черкасской—конные берегомъ, а судовые р. Дономъ. Этому ихъ приходу мы ожидаемъ вскорѣ, а помощи и заступленія, кромѣ всемилостиваго Спаса и Пресвятой Богородицы, да тебя, великаго государя, ни отъ кого не имѣемъ“.

²³⁴) Грамоты на Дошъ 30 апрѣля и 27 іюня 1642 г. Сборникъ грамотъ. Принимиковъ. Стр. 76—83.

Для свое недавнее дѣло, казаки въ то же время дѣлали и великое государственное, постепенно сокрушая свою твердостью и подвѣгами могущество Османской имперіи, а между тѣмъ они были предоставлены мщенію раздраженнаго врага, надѣясь только на свои собственные силы.

Въ то время, какъ донское казачество, напротивъ послѣднія усилія, отбивалось уже на своей территоріи отъ многочисленныхъ врагъ въ, отстаивая своею кровью каждый шагъ родной земли, московскіе политики изъ трусости и недальновидности унывались предъ Турціей и крымскимъ ханомъ, стараясь ихъ увѣрить, что російскій государь въ судьбѣ казачковъ никакого участія не принимаетъ, въспомоществованія имъ не даетъ, и если они о томъ его будутъ просить, то навѣрное просьба ихъ уважена не будетъ... Такъ политиковали москвичи безъ всякой нужды и для себя пользы, т. к. ханъ ни одному слову ихъ не вѣрилъ, а продолжалъ громить русскіе украинны и казачьи городки, расположенные въ низовьяхъ Дона. На Донъ же царь писалъ: „чтобъ вы намъ, великому государю, послужили и приняли безо всяка хитрости въ правду, и съ азовскими, и турскими, и съ крымскими людьми никакихъ вадорговъ не вчиняли: и мы пожалуемъ васъ нашимъ царскимъ жалованьемъ“...²⁸³ Казаки хорошо понимали эту двойственную политику Москвы, и горечь накопилась на ихъ простоты и открытыя сердца, но не имѣя надежды получить откуда либо помощи, кромѣ какъ отъ Россіи, до поры до времени терпѣли.

Съ восшествіемъ въ 1646 г. на престолъ Алексѣя Михайловича, отношеніе къ казачеству московскаго правительства нѣсколько измѣнилось къ лучшему.

Получивъ свѣдѣнія, что крымскій ханъ-собираетъ большія силы для похода на Донъ, съ цѣлью окончательнаго его разоренія, казаки опѣшно послали въ Москву легкую станицу съ настоятельной просьбой дать имъ помощь людьми, деньгами, хлѣбомъ и военными припасами.

Новый царь внялъ ихъ просьбѣ и, желая отомстить крымцамъ за разореніе его украинныхъ городовъ, приказалъ дворянину Ждану Кондыреву набрать въ Воронежѣ и другихъ украинныхъ городахъ 3 тыс. *осочить* вольныхъ людей и идти съ ними въ Черкасск; изъ Астрахани же и Терка велѣлъ послать туда стрѣльцовъ, татаръ, гребенскихъ и терскихъ казачковъ и пятигорскихъ черкасовъ подъ начальствомъ князя Семена Пожарскаго и кн. Муцала Черкаскаго. Кромѣ того, весной 1646 г. изъ Воронежа Дономъ послано казачкамъ усиленное жалованье: сто поставовъ сукна настрафилю, 5 тыс. руб., хлѣбныхъ запасовъ 3 тыс. чети, 300 вед. вина, 200 пуд. зелья (пороха) ручного, 100 пуд. зелья пушечнаго, 200 пуд. свинцу, на паруса 10 тыс. арш. холста, 500 пуд. желѣза, 500 пуд. смолы, 200 пуд. конопати и проч.

Въ грамотѣ на Донъ „атаманомъ и казакомъ, Ивану Каторжному и всему Донскому Войску,“ 15 марта 1646 г., царь писалъ, чтобы по общему уговору казаки съ ратью Пожарскаго и Кондырева сдѣлали нападеніе на Крымъ съ суши и съ моря, но отнюдь не касались турецкихъ владѣній, т. к. въ Турціи въ то время были русскіе послы. Планъ нападенія былъ намѣченъ такой: Пожарскій съ астраханскимъ войскомъ и частью донскихъ казачковъ сухимъ путемъ пойдетъ на Перекопъ, а Кондыревъ съ другою частью казачковъ сдѣлаетъ нападеніе съ моря. Это распоряженіе царя поставило казачковъ въ недоумѣніе.

²⁸³ Грамоты на Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и казакомъ, Ивану Каторжному и всему Донскому войску 30 августа 1643 г., января, 20 июня, 27 августа 1644 г. и др.

Акты А. А. Лашина, ч. I, №№ 16, 17, 18 и 19.

Вмѣшательство въ ихъ боевую жизнь и подчиненіе московскимъ военноподначальникамъ ихъ обезкуражило и они политично отписали царю: „Дворянину твоему Ждану Кондыреву не возможно идти съ нами въ море, потому что онъ жилъ при твоей государственной свѣтлости, человекъ онъ нѣжный и нашихъ нуждъ, морскихъ походовъ и лѣшней службы ему не вынести. На морѣ намъ бывають нужды на *суртими* великія, струги наши разнеситъ по морю, такъ что другъ друга не завѣдаемъ; многіе наши струги на берегъ выметываетъ и разбиваетъ; и мы безъ запасу и воды многіе дни бываемъ... Когда мы прежде на крымскія села хаживали, то, бывало, бѣжить *на-спѣхъ* отъ пристани къ пристани день и ночь, а Жданъ такую службу не перенесетъ“. Пока шла эта переписка, казаки заставили войскового атамана Осипа Петрова, героя „Азовскаго сидѣнья“, идти съ ними на стругахъ подъ Азовъ, несмотря на протесты Кондырева и Пожарскаго; съ ними пошли и вольные московскіе люди. Другая часть казачковъ съ астраханскими татарами, черкасами, стрѣльцами, терцами и гребенцами двинулась туда же лѣвымъ берегомъ Дона подъ начальствомъ князя Муцала Черкаскаго. Приступъ подъ Азовъ былъ неудаченъ, но зато на морѣ казаки овладѣли пятью турецкими кораблями, изъ которыхъ три потопили, а остальные привели въ Черкасскъ съ 30 пушками, 5-ю знаменами и большимъ количествомъ разныхъ припасовъ и товаровъ. Сухопутныя войска напали на окопавшихся близъ Азова татаръ и почти всѣхъ уничтожили, завладѣвъ ихъ скотомъ и лошадыми. Вслѣдъ за этимъ казаки вмѣстѣ съ сухопутной ратью кн. Пожарскаго разгромили татарскій улусъ Шатемира-мурзы Исупова на р. Еѣ, въ числѣ 2 тыс. телѣгъ, много татаръ побили и около 7 тыс. взяли въ плѣнъ, а также до 6 тыс. головъ рогатаго скота и до 2 тыс. овецъ. Послѣ этого похода казаки возвратились въ Черкасскъ, а князь Муцалъ Черкасскій съ своимъ войскомъ, терскими стрѣльцами и гребенскими казаками расположился на лѣвой сторонѣ Дона. Не подозрѣвая какой-либо опасности, войска князя спокойно спали. Но по слѣдамъ ихъ тайно шель крымскій царевичъ нурадынь съ 7 тыс. отрядомъ крымцевъ и ногайцевъ и на разсвѣтѣ всѣми силами обрушился на Муцала. Произошла жаркая сѣча, которая могла бы окончиться для кн. Черкаскаго очень печально, если бы гребенскіе казаки и терскіе стрѣльцы не потеряли присутствіе духа и не остановили стремительный натискъ крымцевъ. Къ нимъ на помощь поспѣшили казаки изъ Черкаска. Началась вновь жестокая сѣча, продолжавшаяся цѣлый день. Крымцы не выдержали и обратились въ бѣгство. Многіе ногайскіе мурзы, потерявъ большое число людей, оставили царевича и ушли въ степи. Узнавъ о такомъ положеніи крымцевъ, расположившихся станомъ на р. Кагальникъ, впадающей въ Азовское море, донскіе казаки вмѣстѣ съ кн. Пожарскимъ, двор. Кондыревымъ, кн. Черкасскимъ и всѣми ратными людьми осторожно двинулись въ степь и 7 августа 1646 г. на разсвѣтѣ внезапно напали на крымцевъ. Пораженіе ихъ было полное. Весь татарскій станъ достался въ добычу побѣдителямъ. Хотя предначертанія царя о нападеніи казачковъ на Крымъ съ суши и съ моря вмѣстѣ съ Кондыревымъ и Пожарскимъ не состоялись, но онъ былъ радъ и этой побѣдѣ надъ крымцами на р. Кагальникъ и въ благодарность прислалъ на Донъ похвальную грамоту и дорогое знамя съ изображеніемъ орла ²⁴⁷⁾

²⁴⁷⁾ Грамота 26 сент. 1646 г. Сбор. грам., стр. 64—65.

Вольные „охочіе“ люди, приведенные на помощь донцамъ, не вынеса трудныхъ казачьихъ походовъ, скоро стали разбѣгаться по своимъ мѣстамъ; первоначально они дѣлали это тайно, но потомъ, собравшись въ большомъ числѣ, болѣе 1000 человекъ, и завладѣвъ казачьими стругами, двинулись вверхъ по Дону и Донцу, направляясь къ украиннымъ городамъ. Казаки хотѣли остановить ихъ силою оружія, но раздумали, не желая, „чтобы молва о такой измѣнѣ русскихъ людей не достигла въ инія государства и орды“. Вслѣдъ за этимъ отозваны были войска Пожарскаго и Муцала Черкаскаго, и казаки вновь были предоставлены самимъ себѣ, однимъ своимъ силамъ.

Такъ кончилась эта первая затѣя московскаго правительства, хотя предпринятая и по просьбѣ казаковъ, помочь Дону военной силой. „Охочіе“ русскіе люди, нанятые этимъ правительствомъ, не пригодились для казацкой службы и скоро ушли во-своихъ, просто, разбѣжались, не принеся дѣлу никакой пользы, кромѣ вреда ²²⁷⁾.

Турки и татары на время притихли. Казаки по немногу стали оправляться и скоро были уже готовы вновь начать борьбу съ своими врагами. Въ іюні 1647 г. они даже отважились предпринять морской поискъ къ берегамъ Тавриды и Тамани, но поискъ этотъ для нихъ окончился неудачей. Между Темрюкомъ и Таманью струги ихъ разметала буря; погубило много снарядовъ и оружія. Въ битвѣ съ сильнѣйшимъ врагомъ они потеряли 16 струговъ изъ 33 хъ и много своихъ товарищей. На обратномъ пути ихъ поджидали азовцы, устроивъ засаду на Мертовомъ Донцѣ, правомъ рукавѣ Дона, предварительно засыпавъ его камнями. Послѣ жаркой сѣчи, стоявшей съ обѣихъ сторонъ много жертвъ, казаки, наконецъ, прорвались въ Черкасскъ въ числѣ 12 струговъ. Этотъ неудачный морской походъ ободрилъ враговъ и они вновь стали готовиться къ набѣгу на Донъ, съ дѣлюю окончательно истребить своихъ противниковъ. Скоро изъ Азова двинулся къ Черкаску большой рѣчной флотъ, состоявшій изъ 280 судовъ и сильная сухопутная рать изъ турокъ, крымцевъ, ногайцевъ и черкесовъ. Казаки не смуглились, отразили артиллеріей всѣ приступы враговъ, сдѣлали вылазку и разбили ихъ на-голову; потомъ бросились на свои суда, стоявшія внутри города (городъ былъ названъ протоками Дона), настигли враговъ, множество ихъ побили, а остальныхъ захватили вмѣстѣ съ судами. Но турки и татары, получая приказанія изъ Стамбула, были упорны. Битвы возобновлялись почти каждый день. Казаки рѣшились просить у царя немедленной помощи. Они писали ему: „мы нынѣ отъ безпрерывныхъ сраженій съ азовцами пришли въ совершенное изнеможеніе. Пока мы были многолюдны, защищали себя отъ зеприятелей собственными силами... если тебѣ, государь, рѣка Донъ нужна, пришли намъ помощь людьми“... Съ этою отпискою отправленъ былъ въ октябрѣ 1647 г. заслуженный старшина Авдрей Васильевъ съ есауломъ Василіемъ Никитинымъ. Пока эти посланные вели, по приказанію царя, съ „крючковатыми“ думными дяками въ Посольскомъ приказѣ бесконечные переговоры, въ Москву слѣшно прибыла въ январѣ 1648 г. новая станція съ атаманомъ Иваномъ Молодовымъ и заявила, что если въ смелости не будетъ сдѣлана жизнь помощь ратными людьми, то всѣ они оставятъ Донъ... ²²⁸⁾. Зная, съ какою твердостью казаки приводятъ свои рѣшенія въ исполненіе, и боясь, что они своимъ уходомъ на Волгу, Яикъ или Терекъ откроютъ туркамъ и татарамъ свободный путь къ русскимъ украинямъ, московскій дворъ,

²²⁷⁾ Умѣсты-ли гутъ будутъ мнѣнія нѣкоторыхъ русскихъ историковъ о происхожденіи казачества изъ бѣглыхъ крестьянъ, старавшихся освободиться отъ крѣпостной зависимости, каковой въ XVI в. на Руси въ дѣйствительности не было, или изъ охотниковъ, сгруппировавшихся въ промысловый артелъ, а потомъ, въ силу обстоятельствъ, взявшихся за оружіе и по „мановенію ока“ ставшихъ грозными для всего мусульманскаго міра, считавшагося въ то время не побѣдимымъ. Эти навывныя мнѣнія и сдѣланные изъ нихъ выводы для исторіи казачества не примѣнны. Опытъ показавъ, что русскіе „охочіе“ люди для казацкаго дѣла не пригодны. Для „казацкаго“ дѣла пригодны только казаки, имѣя старая военная организація.

²²⁸⁾ Донскія дѣла. Докладъ царю въ мартѣ 1648 г.

По сообщенію современника, подьячаго Писольскаго приказа Григор. Котешкина, казачковъ въ то время на Дону было около 20 тыс. „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“. Спб. 1839 г.

желѣ д легких сборовъ рѣшили отправить на Донъ полкъ солдатъ, около 1000 человекъ, съ дворяниномъ Андреемъ Лазаревымъ, съ однимъ майоромъ, 4 капитанами и 5-ю поручиками. Полкъ этотъ прибылъ въ Черкасскъ р. Дону въ октябрѣ мѣсяцѣ, ровно черезъ годъ послѣ первой просьбы казаковъ. Въ грамотѣ на Донъ царь писалъ, чтобы казаки были въ дружбѣ съ команднымъ составомъ полка и ничего не предпринимали безъ общаго согласія, а также подтверждалось всегдѣшнее требованіе не дѣлать нападеній на турецкія села и города.

Посылая эту вынужденную, для спасенія государства, ничтожную помощь, царь, на требованіе султана, «ради дружбы и братства», объ истребленіи общихъ ему и крымскаго хана силами казаковъ, чрезъ словеса своихъ, по введенному шаблону, отвѣчалъ, что онъ считаетъ даже не приличнымъ содержать въ милости какихъ-то бѣглецовъ, укрывающихся на Дону отъ смертной казни; что если ханъ Исламъ-Гирей велитъ своимъ войскамъ истребить всѣхъ казаковъ, то онъ будетъ тѣмъ очень доволенъ; послать же на казаковъ свои войска ему не возможно, за отдаленностью, да къ тому-жъ они жавутъ по займищамъ, малымъ рѣчкамъ и проточинамъ, кочевымъ обочамамъ; что «съ ними вмѣстѣ живутъ различные страня люди: литовцы, вѣмцы, горские и запорожскіе черкасы, крымцы, ногайцы и азовцы, а всѣ сіи люди моего велѣнія не слушаютъ».²³⁹

Нисколько не подолживая, какъ ихъ порочитъ предъ турецкимъ султаномъ русскій царь, котораго они считали единственнымъ своимъ союзникомъ и покровителемъ, донскіе казаки, лишь только получивъ извѣстіе о готовящейся имъ помощи и пользуясь тѣмъ, что крымцы въ союзѣ съ гетманомъ Богданомъ Хмельницкимъ громить польскія владѣнія, бросились на 8 стругахъ, по 300 человекъ въ каждомъ, въ море, напали на крымскія владѣнія, отбили много польскаго «полону» и возвратились на Донъ. Такіе же походы они беспрестанно совершали и въ слѣдующіе годы и перевели на Донъ тысячи польскихъ пѣльняковъ, объявили ихъ свободными и отпустили съ доброжелательствомъ на родину.

Обезпокоенный этими грозными набѣгами, ханъ требовалъ отъ своего союзника Хмельницкаго унять донцовъ, а если они его не послушаютъ, то «я и ты повесемъ къ нимъ войну и смерть». Вынужденный для войны съ Польшею поддерживать съ ханомъ миръ, гетманъ прислалъ на Донъ съ своими уполномоченными письменное посланіе, въ которомъ просилъ донцовъ прекратить поски въ Тавриадѣ и Турціи, тогда союзъ нашъ и дружба пребудутъ крѣпки, иначе за нелюбовь отдадимъ вамъ нелюбовью».²⁴⁰ Посланцы именемъ гетмана на словахъ передали, что уже сдѣланы ими и крымскимъ ханомъ всѣ приготовления для похода на Донъ.

На это посланіе гордые донцы отвѣтили: «неприлично христіанину возставать на единоверцевъ своихъ въ защиту, бусурманъ; не мѣшая намъ истреблять старинныхъ враговъ нашихъ. Мы всегда были съ вами въ братствѣ; но знай, что мы такъ же умеемъ обходиться съ неприятелями нашими, какъ и съ друзьями».

Отправивъ гонцовъ своихъ съ такою отпиской, казаки стали готовиться къ новой войнѣ. Первымъ дѣломъ она послана по всему Дону войскамя грамоты въ приказаніемъ, чтобы казаки «крѣпили» свои городки и были осторожны; чтобы двѣ части оставались на мѣстѣ для защиты городковъ, а остальные немедленно шли въ Черкасскъ, для борьбы съ грозившимъ врагомъ; городъ Черкасскъ обнесли землянымъ валомъ и поставили деревянныя башни (раскаты), обвели около вала ровъ, шириной въ три сажени и глубиной въ 2½, напустивъ въ него изъ р. Дона воды; заключили оборонительный союзъ съ калмыцкими тайшами, прикочевавшими тогда съ улусами своими изъ-за Волги къ Дону. Сдѣлавъ все это, они спокойно стали поджидать своихъ враговъ.

Скоро на р. Мисѣ показался отрядъ запорожцевъ въ 5 тыс. человекъ, съ сыномъ гетмана, Тимофеемъ Хмельницкимъ. Пришла вѣсть, что запорожцы поджидаютъ крымскаго хана. Донцы послали еще разъ напомнить имъ о ихъ прежней дружбѣ и братствѣ и борьбѣ съ ихъ общимъ врагомъ — татарами и въ заключеніе сказали: «такъ не годится вамъ дружить съ бусурманами противу вашихъ братьевъ и единоверцевъ». Крымскій ханъ, видимо, боясь донцовъ и не довѣряя запорожцамъ, уведомилъ сына гетмана, что по причинѣ выгорѣвшихъ степей онъ выступить не можетъ. Запорожцы, простоявъ на Мисѣ двѣ недѣли, возвратились на Днѣпръ.

²³⁹ Дѣла крым. 1647 г. Дѣла турецкія, № 2.

²⁴⁰ Отписка Богдана Хмельницкаго 30 марта 1650 г. Подъ этой отпиской внизу и писано: «Всему войску Донскому желательные пріятели и братья Богданъ Хмельницкій, гетманъ войскъ запорожскихъ рукою властною».

Все остальное время, до самого воцаренія Петра I, донскіе казаки вели беспрестанныя войны съ крымцами и турками, дѣлая ежегодно поиски на крымскіе и анатолійскіе берега, и въ открытых морскихъ бояхъ всегда брали надъ ними верхъ, не страшась ихъ грозныхъ многопушечныхъ кораблей. Въ 1652 г. они появились даже подъ стѣнами Царь-града съ славнымъ атаманомъ Раздорскаго городка Иваномъ Богатымъ, разгромили и выжгли его предмѣстья, захватили богатую добычу и плѣнныхъ, потомъ дали морской бой въ Черномъ морѣ, одержали верхъ надъ испуганными врагами и преспокойно возвратились на Донъ, безъ малѣйшей потери въ людяхъ. ²⁴¹⁾

Въ 1657 г. казаки на 33 стругахъ, вмѣщавшихъ до 2 тыс. человекъ, съ молодымъ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ, крестнымъ отцомъ грознаго Степана Разина, нанесли страшное опустошеніе по всему южному побережью Крыма и освободили много русскихъ плѣнниковъ.

Послѣ смерти Богдана Хмельницкаго малороссійскіе казаки избрали гетманомъ Ивана Выговскаго. Этотъ честолюбецъ измѣнилъ Россіи и отдался вновь подъ покровительство Польши, обѣщавшей казакамъ всякія льготы. Для борьбы съ Россіей и съ непризнавшими его казаками онъ вступилъ въ союзъ съ крымскимъ ханомъ. Тутъ только русскій царь и бояре сбросили съ себя личину политической двойственности и открыто сознались, какую великую роль играло донское казачество въ борьбѣ съ Крымомъ и Турціей, сокрушая ихъ могущество одними своими силами. вмѣсто прежнихъ упрековъ и не смѣлыхъ, для поддержанія своего престижа, попытокъ на приказанія „не чинить задоровъ“ азовцамъ и крымцамъ, царь уже убѣдительно проситъ казаковъ „чинить надъ Крымомъ промыслъ, сколько вамъ милосердный Богъ помощи подастъ...“ ²⁴²⁾.

Но казаки политическія дѣла знали лучше, чѣмъ Москва; еще до полученія объ этомъ грамоты, узнавъ о выступленіи крымцевъ въ Малороссію для соединенія съ гетманомъ Выговскимъ, бросились на 30 стругахъ, около 2 тыс. человекъ, въ море и понесли смерть и ужасъ по всему крымскому побережью отъ Керчи до Балаклавы, уничтожая селы и поголовно истребляя все магометанское населеніе. Отъ береговъ Крыма они бросились на Таманскій полуостровъ и уничтожили тамъ всѣ улусы до Темрюка, потомъ появились на берегахъ Малой Азій и даже близъ Царь-града, неся всюду смерть и ужасъ. Руководителемъ этого славнаго похода былъ тотъ же Корнила Яковлевъ ²⁴³⁾.

Такъ дѣйствовали донскіе богатыри стараго времени. Берега Крыма, Анатоліи, Тамани и Румеліи убиты ихъ костью. Такое было время. Турки и татары были безпощадны съ христіанами. Магометъ, умирая, изрекъ: „сражайтесь съ невѣрными, пока всякое противленіе исчезнетъ“.

²⁴¹⁾ Донскія дѣла, 1652 г. „Распросныя рѣчи Мины Прибыткова, посланнаго на Донъ съ царскимъ жалованьемъ и возвратившагося въ Москву 30 окт. 1653 г.

²⁴²⁾ Грамота на Донъ 28 іюля 1659 г. Акты А. Лихвина, т. I, № 35.
Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ, въ 1654 г., царь сталъ величать себя „всѣя Великія и Малыя и Вѣлыя Россіи самодержцемъ“. Въ грамотѣхъ на Донъ титулъ „самодержецъ“ впервые приведенъ въ 1657 г., въ грамотѣ 17 мая.

²⁴³⁾ Донскія дѣла. Распросныя рѣчи станчнаго атамана Петрова, 17 сент. Названіе атамановъ Васильевъ, Петровъ, Яковлевъ и др.—это не фамиліи, такъ какъ фамилій на Дону не было, а ихъ отчества, чьи они сыновья. Къ отчествамъ иногда прибавлялись прозвища: Черкашенинъ, Татарановъ, Каторжанинъ и др. Впоследствии изъ этихъ отчествъ образовались фамиліи.

Послѣдователи его буквально выполнили эту страшную заповѣдь своего пророка, какъ могутъ выполнять только нафанатизированные дикари. Восточный мѣръ покорился мечу Магомета. Европа предъ нимъ дрожала. Исторія въ теченіе вѣковъ выдвинула противъ этихъ страшныхъ и безчеловѣчныхъ завоевателей казаковъ, несокрушимыхъ, какъ гранитныя скалы, стойкихъ и твердыхъ своей казачьей идеей, вѣрныхъ другъ другу, никогда не измѣнявшихъ ни братскому слову, ни клятвѣ, безумно храбрыхъ, неподражаемо опытныхъ въ военномъ дѣлѣ и обладавшихъ тонкимъ умомъ и безпримѣрной военной хитростью и въ то же время, въ обыденной жизни, самѣхъ простыхъ и сердечныхъ малыхъ, чуткихъ, какъ дѣти, къ нуждамъ обижавшихъ и милосердныхъ къ побѣжденнымъ. Исторія на пространствѣ тысячелѣтій не давала еще примѣра, не выдвигала еще ни одной націи, подобной казачеству, этихъ прямыхъ потомковъ древнихъ Гетовъ, націи, оставшейся вѣрной себѣ въ теченіе многихъ и многихъ вѣковъ.

Глава X.

Казакѣ помогаютъ Росіи въ войнѣ съ Крымомъ и Польшей.

Безпрерывныя упорныя битвы съ турками и крымцами съ 1637 по 1660 г. въ низовьяхъ Дона и отважныя морскіе походы хотя значительно и обезсилили казаковъ, но въ то же время внушили имъ полную увѣренность въ возможности скорого и окончательнаго сокрушенія могущества магометанъ на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Дѣлая свое казачье дѣло, казаки надѣялись только на свои собственные силы. Та незначительная и временная помощь людьми, которая была прислана въ Черкасскъ Москвою въ 1646 г., до 3 тыс. человекъ изъ охотниковъ, и въ 1648 г. въ количествѣ одного солдатскаго полка въ 1000 человекъ, нисколько не могла поддержать донское казачество въ его грандіозныхъ предпріятіяхъ, т. к. тѣ и другіе ратные люди, не привыкшіе къ условіямъ суровой казачьей жизни, скоро разбѣжались по русскимъ украиннымъ городамъ. Но донцы не унывали и продолжали бороться съ сильнымъ врагомъ съ прежней энергіей. Съ 1646 г. на Донъ впервые стали появляться русскіе крѣпостные крестьяне, пристава къ возвращающимся изъ Москвы казачьимъ станицамъ, но этотъ людъ, не имѣвшій никакого понятія о военномъ дѣлѣ, помогалъ лишь казакамъ укрѣплять городки и стеречь ихъ конскіе табуны и стада рогатаго скота и овецъ, отбиваемыя у ногайцевъ.²⁴⁴⁾

²⁴⁴⁾ Донецъ дѣла. Кн. II, стр. 815, 824—25, 834—5, 891, 1087—8, 1090, 1097, 1106—8. Въ 1646 г. по приказанію царя дворянинъ Жданъ Кондыревъ набиралъ по русскимъ украиннымъ городамъ охотихъ вольныхъ людей для отправки ихъ на Донъ въ помощь казакамъ; многіе крестьяне и холопы Тульскаго, Солонскаго и Веневскаго уѣздовъ, прослышавъ объ этомъ, стали записываться въ охотники, а другіе, приставъ къ казачьимъ станицамъ, возвращавшимся съ атаманами Павломъ Чесночиннымъ и Иваномъ Каторжинымъ, пошли прямо на Донъ. На требованіе воронежскаго воеводы Батурлина выдать этихъ бѣглыхъ, Иванъ Каторжинный пригрозилъ отсѣчь ему уши, а посланнаго паремъ Давида Мясного съ царскимъ наказомъ ударилъ „въ душу, вырвалъ изъ рукъ наказъ и затянулъ себѣ за голышце“.

Въ 1660 г. турки и крымцы вновь предприняли грандіозный походъ на Донъ, какъ и въ 1641 г., съ цѣлью сильнѣй укрѣпить Азовъ и построить въ низовьяхъ Дона три новыхъ крѣпости. Весной въ Азовъ прибыло сухимъ путемъ изъ Кафы, чрезъ Керченскій проливъ, 3 тыс. янычаръ, въ устьѣ Дона 35 кораблей съ строительными матеріалами, подъ охраной 40 тыс. татаръ, 10 тыс. венгровъ, волоховъ и другихъ подвластныхъ туркамъ народовъ. Предугадывая эту опасность, донцы послали предъ этимъ въ Москву двухъ знатныхъ старшихъ Федора Будана и Фрола Минаева просить помощи войскомъ и военными припасами, а въ море 30 струговъ для наблюденія за непріятелемъ и нападенія на Крымъ. Выйдя въ море, казаки встрѣтили турецкій флотъ, а на берегахъ многочисленную армію; они повернули назадъ, но вездѣ встрѣтили засѣвшихъ враговъ съ артиллеріей и ружьями. Пришлось пробиваться силой. Искусные въ бояхъ донцы, сражаясь на каждомъ шагу, смѣло шли впередъ и съ помощью высланнаго изъ Черкаска подкрѣпленія сумѣли пробиться, не потерявъ ни одного струга и ни одного человѣка.

Въ Москвѣ съ присылкой помощи, по обыкновенію, медлили. Казаки послали туда одну за другой еще три стаиши. Наконецъ, царское войско, въ числѣ 7 тыс., съ воеводой Хитрово прибыло только въ октябрѣ и стало лагеремъ близъ Черкаска. Въ лѣтній промежутокъ времени крымцы и турки уже успѣли закончить всѣ крѣпостныя работы и, оставивъ во вновь сооруженныхъ укрѣпленіяхъ достаточные гарнизоны съ тяжелой и легкой артиллеріей, ушли въ Крымъ. Крѣпости были построены изъ тесанаго камня, двѣ при началѣ протоки Каланчи, по обоимъ берегамъ Дона, каждая въ окружности по 200 и высотой въ 15 саж., съ гарнизономъ по 300 человѣкъ, третья, болѣе обширнѣй, на гарнизонъ въ 500 челов., на Мертвомъ Донцѣ, противъ Азова. Мѣста для этихъ крѣпостей избраны были чрезвычайно умѣло: ни одно судно не могло пройти съ верху въ море, не будучи раздроблено крѣпостной артиллеріей. Но чтобы и въ ночное время казаки не могли проскользнуть на стругахъ въ море, турки перекинули чрезъ Донъ отъ одной крѣпости къ другой тяжелья цѣпи. Казалось, что доступъ водой къ Азову и къ морю сдѣлался для казаковъ совсѣмъ недоступнымъ, но какія преграды могли удержать этихъ отважныхъ и испытанныхъ въ морскихъ бояхъ витязей, умудренныхъ многолѣтнимъ опытомъ въ военномъ дѣлѣ и способныхъ на всякія выдумки и хитрости, переданныя ихъ боевыми предками.

Осень и зиму казаки, сидя въ Черкасскѣ, провели въ подготовительныхъ работахъ, ожидая изъ Москвы припасовъ и снарядовъ и посылая къ устью Дона отряды для развѣдокъ. Въ ноябрѣ полчища татаръ внезапно появились подъ Черкасскомъ, но были обращены казаками въ бѣгство. Присылкой провіанта изъ Москвы медлили. Войско Хитрово начало роптать. Зимой ропотъ отъ условій тяжелой жизни усилился и перешелъ въ открытый бунтъ. Часть войскъ, поднявъ знамена, двинулась обратно въ Россію, но силой оружія была возвращена. Весной 1661 г. царь, наконецъ, прислалъ казакамъ обѣщанное жалованье: 7 тыс. руб. денегъ, 5 тыс. четвертей хлѣба, сукно, порохъ, свинецъ и проч. Получили провіантъ и московскія войска; волненіе среди нихъ улеглось, хотя многіе изъ нихъ ушли во-свояси. Въ мартѣ казаки вмѣстѣ съ войсками Хитрово двинулись внизъ по Дону и осадили крѣпость на Донцѣ. Получилась вѣсть о приближеніи крымскаго хана; казаки осадой спѣшили. Ощущался недостатокъ въ тяжелой артиллеріи и въ снарядахъ: по низменности грунта стѣны нельзя было взорвать подкопомъ; казаки рѣшили взять крѣпость приступомъ. Сначала дѣло шло успѣшно; преодолевъ всѣ препятствія, казаки, подкрѣпленные москвичами, уже подошли къ крѣпости, спустились въ ровъ, по лѣстницамъ взобрались на стѣны и начали ломать крыши башенъ, какъ вдругъ воевода Хитрово отдалъ своимъ войскамъ приказъ отступить. Трусость, злоба или зависть руководили хитрымъ москвичемъ,—неизвѣстно. Этимъ вѣроломнымъ поступкомъ казаки были страшно возмущены и, потерявъ до 50 человекъ убитыми, возвратились въ Черкасскъ. Время осады крѣпостей было упущено. т. к. начался большой разливъ весенней воды, препятствовавшій близко подойти сухимъ путемъ къ укрѣпленіямъ. Получилась вѣсть о подходѣ турецкихъ и крымскихъ войскъ къ Азову, съ цѣлью поставить въ устьяхъ Дона еще двѣ новыхъ крѣпости. Пославъ царю жалобу на воеводу Хитрово, казаки просили прислать имъ стѣнобитныя орудія и подкрѣпленіе людьми, т. к. отъ отряда Хитрово осталось меньше половины, прочіе разбѣжались. Но царь, занятый войной съ Польшей, которой помогали крымскій ханъ, не могъ дать ни того, ни другого и лишь прислалъ на Донъ болѣе усиленное жалованье деньгами, хлѣбомъ, порохомъ и проч. Казаки были довольны и тѣмъ и на большее не претендовали, т. к. помощь людьми, какъ показалъ опытъ, служила имъ лишь помѣхой. Въ августѣ они пытались взять приступомъ Каланчинскія башни, но потерпѣли неудачу, не было тяжелой артиллеріи; подкопы вести нельзя, — низменное мѣсто,

заливала вода. Громя изъ легкихъ пушекъ эти укрѣпленія и пуская внизъ по Дону срубленные вѣковые дубы, которые рвали перетянутыя чрезъ рѣку цѣпи, казаки тѣмъ временемъ прокопали Казачій ерикъ и пустились въ море громить крымскіе берега. Турки засыпали ерикъ камнями и землей, но казаки возобновили его вновь и по прежнему держали крымцевъ въ постоянной тревогѣ, не давая имъ оказывать существенной помощи ихъ союзникамъ полякамъ, воевавшимъ съ Россіей.

Предоставленные своимъ силамъ, казаки нашли себѣ союзниковъ въ калмыцкомъ народѣ, незадолго передъ тѣмъ прикочевавшемъ къ границамъ ихъ владѣній. Калмыки постоянно терпѣли притѣсненія отъ татарскихъ ордъ и искали себѣ убѣжище въ предѣлахъ Россіи. На казаковъ, какъ на своихъ покровителей, они смотрѣли еще со временъ Ермака, принявшаго въ Сибири ихъ сторону въ борьбѣ тайши Аблая съ киргизами, а также защитившаго ихъ улусы отъ разоренія татарскихъ разбойниковъ. Въ февралѣ 1661 года главный владѣлецъ калмыцкаго народа тайша Дайчиинъ и сынъ его Мончикъ прислали къ казакамъ своего посла Баатыршу Янгильдѣва для переговоровъ о томъ, чтобы всему калмыцкому народу по прежнему (со временъ Ермака) находиться въ вѣчномъ подданствѣ російскаго государя, чтобы казаки и калмыки другъ на друга никакихъ нападеній не дѣлали и обоюдно помогали вооруженной силой въ борьбѣ съ ихъ общими врагами. Эти договорныя условія были утверждены со стороны калмыцкаго посла присягой; въ залогъ вѣрности соблюденія этихъ условій въ Черкасскѣ были оставлены два аманата (заложника). Съ своей стороны, для утвержденія дружественныхъ отношеній, казаки послали къ калмыкамъ двухъ знатныхъ старшинъ Степана Разина и Федора Будана. Результатомъ этихъ переговоровъ старшины, оставивъ у союзниковъ своихъ аманатовъ, привели съ собой 500 чел. вооруженныхъ калмыковъ подъ начальствомъ мурзы Чакула ²⁴⁵⁾. Казаки приняли ихъ очень ласково, одарили ихъ начальниковъ и вскорѣ вмѣстѣ съ ними двинулись подъ Азовъ, разгромили кочевавшіе тамъ ногайскіе улусы, многихъ татаръ и турокъ побили, захватили 500 чел. въ плѣнъ и освободили до 100 чел. русскихъ плѣнниковъ. Для поощренія своихъ союзниковъ казаки отдали имъ всѣхъ плѣнниковъ и освобожденныхъ русскихъ, съ условіемъ, чтобы они сихъ послѣднихъ отъ себя отправили къ государю.

Въ томъ же году калмыцкій народъ, въ присутствіи Казбулат-мурзы Черкаскаго и дьяка Горохова, принесъ торжественную присягу на подданство російскому государю ²⁴⁶⁾. Борьба съ Крымомъ и азовцами продолжалась. Калмыки въ этой борьбѣ принимали дѣятельное участіе; они громили татарскіе улусы подъ Перекопомъ, угнали у нихъ лошадей и скотъ и были очень довольны этой добычей. Въ этихъ набѣгахъ имъ помогали отстатки ратниковъ воеводы Хитрово и не рѣдко сами казаки. Предпочитая сухопутной войнѣ морскіе набѣги, казаки постоянно врывались въ Азовское и Черное моря чрезъ

²⁴⁵⁾ Акты Липинца. Т. I. Царская грамота 3 мая 1661 г. атаману Коржикъ Яноплену и всему Войску Донскому.

²⁴⁶⁾ Донскія дѣла. Грамота на Донъ 1661 г. въ іюлѣ мѣсца.

Казацкій ерикъ и по р. Мѣусу и не давали ни минуты покоя крымцамъ. Въ июнѣ мѣсяцѣ 1662 г. на помощь донцамъ пришелъ Касбулатъ князь Черкасскій. Война Россіи съ Польшей и Крымомъ продолжалась, а потому морскими поисками казаковъ царь очень доволенъ и при переговорахъ съ Крымомъ въ 1662—63 г.г. чрезъ своихъ пословъ о мирѣ впервые рѣшился открыто признать, безъ всякихъ политическихъ увертокъ, дѣйствія казаковъ правильными, доказывая, что казаки живутъ на Дону издревле, что крымцы и азовцы всегда первые нарушаютъ мирные договоры, нападаютъ на казачьи городки и разоряютъ русскую Украину, вслѣдствіе чего казаки вынуждены защищать свои предѣлы и давать насильникамъ отпоръ. Царь даже осмѣлился упрекать хана за постройку въ устьяхъ Дона новыхъ крѣпостей, которыхъ раньше въ тѣхъ мѣстахъ, принадлежащихъ казакамъ, никогда не было. Наконецъ, въ 1667 г. Россія и Польша заключили на 13^{1/2} лѣтъ перемиріе, а въ 1670 г. подписанъ мирный договоръ между Россіей, Польшей и Крымомъ. Въ этомъ договорѣ, между прочимъ, постановлено было, чтобы со стороны російскаго государя запрещено было донскимъ и запорожскимъ казакамъ производить морскіе поиски по Черному и Азовскому морьямъ и не дѣлать никакихъ нападений на подвластные крымскому хану улусы²⁴⁷). Утомленные долголѣтней войной, Россія и Крымъ старались выполнять договорныя условія въ интересахъ обѣихъ сторонъ. Возобновились посольскія сношенія съ Царь-градомъ и Бахчисараемъ. Войсковою атаманъ Корнила Яковлевъ, вѣрный союзникъ російскаго царя и благодѣтель его и всего казачества интересовъ, всячески старался вредотвратить несопокойныхъ донцовъ отъ какихъ-бы то ни было враждебныхъ проявленій противъ турокъ и крымцевъ и имѣлъ въ этомъ успѣхъ. Его поддерживали въ этомъ старые домовитые казаки и благомыслящіе старшины войска.

Глава XI.

Степанъ Разинъ и его эпоха.

Семейная жизнь на Дону существовала съ древнѣйшихъ временъ. Азовскіе казаки, имѣвшіе въ усл. кн. Василія III въ 1519 г. дозволеніе „прикошевать подъ Пуццаломъ (стр. 58), имѣли женъ и дѣтей. Въ войсковою грамотѣ, посланной весной 1641 г. во все казачьи городки, повѣщалось „свѣжачься городкомъ 5, 6 въ одно мѣсто съ семьями“. Во время знаменитаго „Азовскаго сидѣнья“ 800 казачьихъ женъ сражались съ турками вмѣстѣ съ своими мужьями. Семьями обсажены были только тѣ изъ казаковъ, которые жили въ городкахъ, удаленныхъ отъ границъ ихъ владѣній; въ пограничныхъ же, при постоянной тревожной жизни, они по необходимости предпочитали жизнь холостую; тамъ, служа на кордонахъ, укрывали семьи свои въ безопасныхъ мѣстахъ. Такъ дѣлали и запорожскіе казаки. Время было тревожное, военное. По первому зову Главнаго Войска, въ случаѣ угрожаемой опасности, казаки обязаны были явиться въ назначенное мѣсто и въ Войсковомъ Кругу, народномъ вѣчѣ, рѣшали дѣла о походахъ или защитѣ отечества, также судили измѣнниковъ и ослушниковъ, встрѣчали царскихъ пословъ и снаряжали въ Москву зимочы (аймои) станицы. Войсковою Кругомъ былъ верховнымъ управленіемъ всего Войска. Войсковою атаманомъ избирался Кругомъ на одинъ годъ, какъ и войсковою есауломъ. Въ мирное время атаманъ и есаулъ были простыми исполнителями постановленій Круга, во

²⁴⁷) Дѣла Крымск. 1667 г., кн. № 9, 45 и 1670 г. кн. № 12. Дѣла Турецк. 1667 г., кн. № 5.

времени же походовъ власть атамана была неограничена. Для морскихъ поисковъ и частичныхъ набѣговъ на неприятельскія владѣнія избирались походные атаманы, а также и асаулы, исполнители атаманскихъ приказаній. Въ каждомъ городѣ были свои атаманы и асаулы, избравшіеся мѣстнымъ кругомъ на одинъ годъ.

Сколько казаковъ было на Дону въ XVI и XVII вв.,—трудно сказать, т. к. всѣ казачьи войска, расположенныя по Волгѣ, Яику и Тереку, составляли одинъ общій союзъ и по первому зову донцовъ стекались со всѣхъ рѣкъ въ гор. Черкасскъ для какого-либо важнаго казачьяго дѣла, а потомъ, по мннованіи опасности, расходились по своимъ мѣстамъ. Подъячисъ Посольскаго приказа Григ. Котошихинъ, современникъ царя Алексѣя Михайловича, въ своихъ запискахъ говорить, что казаковъ на Дону въ это время было около 20 тыс.; что коренныхъ, съ союзными же войсками ихъ было гораздо больше. Составъ донскихъ казаковъ постоянно усиливали ихъ сородичи запорожцы, казаки малороссійскіе и изъ украинскихъ городовъ Московскаго государства. Незначительный процентъ въ XVII в. составляли новокрещенные татары, вольная польская шляхта, московскіе опальные бояре и князья, какъ напримѣръ, кн. Друцкой, слывшій на Дону подъ именемъ атамана Ивана Васильева, въ 1623 по 1628 г., ратные люди изъ польскихъ и русскихъ владѣній и др. Всѣ эти лица, вступая въ составъ казачества, становились равноправными членами его, а имѣвшие какіе-либо титулы или званія акрывали или отбрасывали ихъ, какъ не нужные.

Съ половины XVII в. жизнь на Дону стала принимать болѣе обѣдннй характеръ: стало развиваться коневодство, скотоводство, овцеводство и даже земледѣліе, хотя этогъ промыселъ, какъ отвлекающій казачество отъ военныхъ обязанностей, Главное Войско не одобряло: рыбный промыселъ и зѣвродство существовали на Дону искони.

Гор. Черкасскъ, сдѣлавшійся столицей донскаго казачества послѣ „Авскаго сѣднѣя“ и въ которомъ уже съ 1651 г. красовался пятипрестольный деревянный соборный храмъ во имя Воскресенія Христова, построенный по обѣту казаковъ, данному во время „сѣднѣя“, сталъ многолюднѣе: онъ раздѣлялся на пять станицъ: Черкасскую со Средней, Павловскую, Дурновскую, Прибыльскую и Скородумовскую. Въ немъ появилась торговля и промышленность, удволяющаяся пока военными пльями. Русскіе купцы, армяне, греки, турки, персы, татары, калмыки, черкесы, итальянцы и другіе торговые люди стекались сюда каждый съ своимъ товарамъ²⁴⁰. Съ вѣднѣй стороны Черкасскъ представлялъ собой типъ восточнаго города, подобно Багдаду или Морокко: дома въ немъ вѣднѣлись другъ къ другу безъ всякаго порядка, такъ что улицы, въ современномъ значеніи этого слова, въ немъ совсѣмъ не было, а были лишь одни тѣсныя, извилистые проходы. Дома-курени были большей частью деревянныя, въ два яэта, на высокыхъ каменныхъ фундаментахъ или на сваяхъ, съ галлереями и балконами, въ мавританскомъ стилѣ. Донъ и его протоки, протекавшія чрезъ городъ, были всегда заставлены торговыми судами и военными стругами. Черкасскъ носилъ отъноку интернаціональности. Запорожцы, украинцы и казачество всѣхъ рѣкъ стекались сюда поспрывать и спориться о предстоящихъ морскихъ походахъ на турокъ и крымцевъ. Здѣсь же дѣлили (дувалили) и военную добычу, пльняники (исъры) и проч.

Въ морскихъ поискахъ казаки, стараясь освободить своихъ и русскихъ невольниковъ, забрали въ плѣвъ болшей частью людей знатныхъ, пашей, мурзъ и др., чтобы получить за нихъ хороній выкупъ, доходившій иногда до 30 тыс. золотыхъ и болѣе. Особенно же они охотно брали въ плѣвъ прекрасныхъ жьмырокъ, женъ и дочерей турецкихъ пашей и крымскихъ мурзъ, на которыхъ многие изъ нихъ женились или брали въ дома въ качествѣ собесѣдницъ своихъ женъ.

Въ концѣ первой половины XVII в. на Дону и въ особенноти въ Черкасскѣ сталъ появляться разрядъ казаковъ, имѣвшій въпслѣдствіи большое вліяніе на ходъ историческихъ событій войска, — это классъ домопитныхъ гражданъ, разбогатѣвшихъ или войной, или торговлей и сумѣвшихъ захватить въ свои руки, хотя всѣ угоды считались достояніемъ всего войска, или лучшія пастбища для своихъ табуновъ, или выгодныя рыбныя тони и проч. Явленіе это самое естественное и присущее народамъ всѣхъ странъ. На Дону при исповѣдуемыхъ въ то время казачествомъ символахъ „равенствъ и братствъ“ оно накому цинкаго ущерба не дѣлало и зависти ни въ комъ пока не возбуждало. Каждый членъ военной общины имѣлъ право добытыя тѣмъ или инымъ способомъ богатства шьозилать и передавать дѣтямъ или, какъ болшинство это и дѣлало, по возвра-

²⁴⁰) „Исторія торговли на Дону“. Стр. 26—28. 1904. Е. Савельевъ.

шеніи изъ похода проплыть все „до-нитки“. Это право было каждого казака. Вместе съ этими домовитыми гражданами изъ среды заурядчае качества стали выдѣляться и лица недоженыхъ способностей въ боевомъ дѣлѣ, которыхъ Войсковой Кругъ выбиралъ въ атаманы, есаулы и другія должности по войску. За боюны отличія и выдѣлющаяся качества по внутреннему распорядку въ войскѣ Кругъ позволялъ ихъ въ почетное званіе старшинъ, безъ права передачи этого званія потомству. Это были личныя заслуги данного лица предъ всѣмъ войскомъ. Какъ на тотъ, такъ и на другой классъ этихъ выдѣлившихся изъ общей массы качества лицъ обратили вниманіе хитрые и въ этомъ дѣлѣ дальновидные московскіе политики и всѣми мѣрами, ласками и подкупамъ, старались привлечь ихъ на свою сторону. Въ этомъ они имѣли успѣхъ. „Нѣтъ той стѣны, чрезъ которую не перешагнули-бы верблюды, нагруженный золотомъ“, говорить древняя пословица. Эту стѣну перешагнули и московскіе политики. Довѣскихъ пословъ (явные станицы) въ Москвѣ принимали съ о-бѣнными почтениями и обрядами: въ палатѣ для приѣма иностранныхъ пословъ царь воссѣдалъ на тронѣ, окруженный боярами и князьями. Дьякъ или бояринъ, держа скрото въ рукахъ листокъ церемоніала, выступалъ впередъ и громкогласно докладывалъ царю, указанная на доискіяхъ пословъ: „Вамъ, Великому Государю, Вишему Царскому Величеству, доискіе казаки, станичные атаманы Корниилъ Яковлевъ (или другой) въ товарищи челоуъ ударили“. Потомъ, обращаясь къ станицѣ, продолжали: „Великій Государь, Его Царское Величество, жахуеиъ тебѣ, атамана, съ товарищи къ своей государской рукѣ“. По совершеиіи этого обряда, царь приказывалъ дьяку или боярину приветствовать отъ себя войско; представляющей возглашалъ: „Великій Государь, Его Царское Величество, жахуеиъ атамановъ и казакоеъ (имя войскового атамана) и все великое войско Донское, велеть спросить о здороеиъ и службу ваиу милостиво познатиетъ“. Послеъ такого торжественнаго представлеиія станица приглашалась къ царскому столу, гдѣ была помещена съ удоволевтеиъ и пощивана романей (шампанскимъ)³⁴⁰. Тутъ же полносили атаману, есаулу и каждому казаку отдѣльно подарки: деньги, камку (цѣбное, тонкое шелковое матерье), тафту, сукно, соболей и серебряный ковшъ атаману. Потомъ, тайно отъ другихъ, шли уже подкупы видныхъ и вліятельныхъ атамановъ и казакоеъ, давались секретныя поручеиія—кого и чѣмъ задарить на Дону, съ цѣлю привлечь ихъ на свою сторону, т. е. быть въ нужныхъ случаяхъ сторонниками Москвы. Ежедневно станицѣ выдавались на столъ хлѣбъ, мясо, дичь, деньги, вино, медъ, пиво и проч.: иногда все это высылалось въ такомъ размѣрѣ, что этой провизіи могло-бы хватить не на сто человекъ, въ каковомъ составѣ обыкновенно посылались станица, а на цѣлый полкъ. Станица посещалась въ Москву по мѣрѣ надобности, но не менѣе 3 разъ въ годъ; обязательная же, по старому заведенному обычаю, зимой, почему и называлась зимовой. Такимъ образомъ, каждая станица, обласканная, щедро одаренная и удостоенная чести узретиъ светиыа нарекіи очи, радостно возвращалась домой и всякій разъ привозило всему войску царское ж-ловяиное слово и похвалу. Такъ принимали въ Москвѣ доискія посольства въ XVII в. Приемъ, правда, заслуженный, но для простыхъ и честныхъ воиновъ, не привыкшихъ къ подобной пышности, былъ не обыкновенный и многими изъ нихъ вкружилъ головы.

Благодаря такой московской политикѣ, изъ Дону по 2-й половинѣ XVII стол. образовалась довольно сильная партія сторонниковъ Москвы,—это былъ классъ домовитыхъ казаковъ и старшинъ войска во главѣ съ войсковымъ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ.

По заключеиіи съ Крымомъ перемирія въ 1667 г., а потомъ въ 1670 г. и мира, масса простыхъ казаковъ-воиновъ, жившихъ военной добычей, остался безъ дѣла. Образовался разрядъ казакоеъ-голыдыбы, голутвенныхъ, мутаныхъ о морскихъ походахъ надъ турками и крымцами или о набѣгахъ на Каспійское море подъ персидскіе купеческіе „бусы-кораблики“, чтобы добыть собѣ тамъ новыя шкуны, каменьевъ самоцѣбныхъ и чеканнаго съ бирюзой оружія. Но атаманы Корниилъ Яковлевъ, опираясь на преданныхъ ему старшинъ и домовитыхъ казакоеъ, не желая въ угоду Москвѣ варушать съ турками и крымцами миръ, удерживалъ ихъ на мѣстѣ. На неожиданній кличъ Степана Разина е предстоящемъ морскомъ поевкѣ съ радостью откликнулся засидѣвшійся голу-

³⁴⁰ Въ старое время станицами назывались партіи казакоеъ, посылаемые на разведку или съ извѣстіями въ Москву. Во главѣ станицы стоялъ станичный атаманы, а за нимъ есаулъ. Первая же поселенія казакоеъ назыв. городками, а мѣстность, окружающая городокъ—юртами. Съ 1687 г. названіе городокъ стало употребляться названіемъ станица. Старыя поселенія—пепелица до сего времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Дона называются „старыми городками“.

венный людъ. На волю Разина отовражились и воровскіе казаки, жившіе по верхнему городкамъ и неоднократно ходившіе промышленять на Волгу и Каспійское море, вопреки строгимъ приказаніямъ Главнаго Войска ²⁶⁾.

Степанъ Тимофеевичъ Разинъ родился, по преданію, въ городкѣ Пяти-избахъ. Крестнымъ отцомъ его былъ извѣстный впослѣдствіи войсковоу атаманъ Корнила Яковлевъ. Молодость свою Разинъ провель, какъ и всѣ казаки, въ походахъ и битвахъ съ непріателемъ. Въ 1646 г. онъ участвовалъ въ морскомъ поискѣ казаковъ на берега Тавриды, а въ слѣдующемъ году при защитѣ Черкаска отъ нападенія азовцевъ; въ одной изъ вылазокъ раненый попалъ въ плѣнъ и два года томился въ азовской земляной тюрьмѣ, откуда успѣлъ бѣжать. За выдающійся умъ и отвагу Войсковою Кругъ наградилъ Разина почетнымъ званіемъ старшины. Въ 1661 г. вмѣстѣ съ другимъ старшиной Федоромъ Буданомъ ему было поручено заключить отъ имени войска оборонительный союзъ съ калмыцкимъ народомъ. Порученіе это Разинъ выполнилъ съ успѣхомъ; калмыки въ томъ же году приняли участие въ походѣ донскихъ казаковъ противъ ногайцевъ. Казалось, что судьба за умъ и способности Разина готовила ему другой жребій, дѣятельность на другомъ поприщѣ. Но случилось совсѣмъ обратное, и виновато тутъ было во всемъ царское правительство, преступная политика Москвы и сомнѣніе зазнавшихся бояръ. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ 1665 г. донскіе казаки, помимо непосредственной борьбы съ Крымомъ, послали нѣсколько своихъ полковъ на польскую границу въ помощь русскимъ войскамъ, подъ начальствомъ походнаго атамана Ивана Разина, старшаго брата Степана. Этотъ отрядъ казаковъ вошелъ въ составъ арміи князя Юрія Долгорукаго. Наступила осень; казаки, по обыкновенію, стали помышлять о возвращеніи на Донъ, т. к. службу свою царю считали, какъ и въ старое время, добровольной. На смѣну имъ, по распоряженію Войскового Круга, могли придти части другія. Это зависело отъ Главнаго Войска. Князь Долгорукій казаковъ на Донъ не пустилъ, тогда они ушли самовольно. Долгорукій успѣлъ часть ихъ вернуть силой, а атамана приказалъ повѣсить. Этотъ возмутительный поступокъ, это насиліе надъ свободными сынами грознаго Дона, столько пролившихъ крови для спасенія Россіи отъ набѣговъ турокъ и татаръ, поставилъ все войско Донское въ недоумѣніе, въ душѣ же близкихъ людей казеннаго атамана поднялъ бурю негодованія; въ особенности привелъ въ бѣшенство гордаго и свободолюбиваго казака Степана Разина, видѣвшаго позорную смерть своего брата. Кичливые и гордые въ своемъ сомнѣніи московскіе вельможи, привыкшіе раболѣпствовать предъ царемъ и получать отъ него легкія подачки, видимо, мало еще знали донскихъ казаковъ, а потому и не могли соразмѣрить своихъ поступковъ въ отношеніи этого свободолюбиваго народа, не знавшаго рабства и не предъ кѣмъ не унижавшагося, не боявшагося ни крымскаго хана, ни грознаго и непобѣдимаго по тому времени турецкаго султана и принимавшаго въ теченіе вѣковъ на свои богатырскія груди всѣ удары

²⁶⁾ Воровскіе—ослушные, не подчинявшіеся Главному Войску, мѣстопребываніе котораго было въ гор. Черкасѣ. Въ 1650 г. воровскими казаками на р. Дону, между городками Пашиинскимъ и Иловлинскимъ, былъ построенъ для склада награбленныхъ товаровъ гор. Рига. Въ 1660 г. по приказанію Войска городокъ этотъ былъ взятъ казаками штурмомъ и разрушенъ до основанія, а атаманъ воровскихъ казаковъ Василій Прокофьевъ съ главными сообщниками повѣшенъ въ Черкасѣ. «Дѣла Донскія». Грамота на Донъ 29 мая 1660 г.

этих злых и сильных враговъ. Въ буйной головѣ Степана Разина сталъ созрѣвать планъ мщенія. Положеніе голутвенныхъ казаковъ на Дону ему было хорошо извѣстно; нужно было изучить жизнь русскаго народа и быть крѣпостныхъ крестьянъ, закабаленныхъ въ неволю землевладѣльцамъ. Съ этою цѣлью онъ искалесилъ Россію вдоль и поперекъ, совѣтывался съ гонимымъ царемъ патриархомъ Никономъ въ Воскресенскомъ монастырѣ, а потомъ заглянулъ въ его мѣсто-зачоченіе — Бѣлозерскій Ферапонтовъ монастырь, убѣждая лишеннаго сана узника бѣжать съ нимъ на Донъ; былъ даже въ Соловкахъ, Запорожьѣ и многихъ другихъ мѣстахъ обширной Россіи, ко всему присматриваясь, все изучая и взвѣшивая. Зимой 1667 г. онъ вновь появился на Дону.

Внутреннее положеніе рабовладѣльческой Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ было чрезвычайно тяжело. Слабохарактерный царь мало вынажилъ для управленія, а предоставлялъ все это вѣдать льстивымъ князьямъ, боярамъ и воеводамъ.

Еще въ 1643 г. на Великомъ Земскомъ Соборѣ, созванномъ въ Москвѣ по поводу предложенія казаконъ принять отнятый ими у турокъ г. Азовъ, представители отъ разныхъ классовъ народа смѣло говорили царю: „разорены мы лучше турецкихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитею и отъ несправедливыхъ судей... вели разсмотрѣть поборы и дачонныхъ людей съ монастырскихъ имѣній. Зачѣмъ лежачая казна у патриарха, митрополитовъ, епископовъ и въ монастыряхъ?.. Пожары да подати, подводы да кормежныя деньги разоряли насъ... Разсуди насъ, государь, съ нашими воеводами, да съ дьяками: они събѣдаютъ все, что мы даемъ тебѣ“²⁵¹).

Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича 1619 г. крестьяне окончательно были прикрѣплены къ землѣ, т. е. сдѣланы собственностью господъ, а ихъ холопами, даже хуже, ихъ безправными и безгласными рабами, сведенными на степень скота, съ куплей и продажей, мѣной на предметы роскоши, собакъ и проч. Крестьянинъ принадлежалъ своему господину не только тѣломъ, но и душой; впрочемъ, лучше-то въ немъ и не признавалось, а было у него, по мнѣнію бояръ, какая-то другая душа, холопская. Запиту крестьянамъ жалоба было не откуда: все давило его, все гнетло, духовенство же проповѣдывало: „рабъ, повинуйся своему господину!“ Хотя и былъ учрежденъ холопскій приказъ, куда каждый крестьянинъ могъ привести жалобу на обиды отъ своего господина, но эта была одна насмѣшка надъ личностью человѣка: въ приказъ сидѣли тѣ же господа-рабовладѣльцы, и по закону (Уложенію) достаточно было одного отрицательнаго отвѣта господина, чтобы жалоба холопа была опровергнута. Судьи отъ что продавали свои приговоры. За провинности господъ били его крестьянъ, сажали въ тюрьмы, вѣселяли. За убитаго крестьянина отдавали живого, точно также, намъ на убитую скотину отдають другую, несколько не считаясь съ семейнымъ его положеніемъ: мужа продавали или отдавали отъ жены или дѣтей, дѣтей отъ отца. Тяжелое и безправное было время въ тогдашней самодержавной Россіи. Все это видѣлъ и изучилъ Разинъ и пришелъ къ выводу, что лучшимъ союзникомъ и помощникомъ ему въ задуманной мести рабовладѣльцамъ-боярамъ за смерть свободнаго казака, его брата, будетъ весь закабаленный русскій народъ. Эта мысль твердо засѣла въ его голову и онъ рѣшилъ немедленно приступить къ ея выполненію. Онъ задумалъ перевернуть рабовладѣльческую Россію вверхъ дномъ. За нимъ пошла вся казачья гольдуба, а потомъ и весь крестьянскій людъ. Явившись въ Черкасскъ, онъ ближе сошелся съ голутвеннымъ казачествомъ, пируя съ нимъ по кабакамъ и ведя бесѣды о возможныхъ морскихъ походахъ, о новыхъ зипунахъ и богатой добычѣ. Все это было нужно для выполнения задуманнаго плана: Разину были нужны слава и богатства, безъ которыхъ онъ былъ для своего дѣла безсиленъ.

По сказанію современниковъ-инострanceвъ, видѣвшихъ его лично, Разину было въ 1670 г. около 40 лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, дородный, чрезвычайно крѣпкаго сложенія, предприимчиваго натуры, гигантской воли и порывистой дѣятельности²⁵²). Молчаливый и задумчивый и строгій съ подчиненными, онъ умѣлъ

²⁵¹) Описаніе Собора. „Собраніе государ. грамот.“ Т. III, стр. 378 и слѣд.

²⁵²) Янъ-Яковъ Стрейсъ и Штрауъ, оставившіе свои о Разинѣ записки, были голландцы, служившіе на кораблѣ Орлѣ, построенномъ царемъ и стоявшемъ во время бунта Разина въ Астраханѣ.

привязать къ себѣ всѣхъ и наставить безропотно ему повиноваться. Волосы на головѣ имѣлъ темныя, курчавыя, бороды не носилъ; длинныя, съ красивыми изгибами усы спускались въ стороны. Взглядъ его приводилъ въ трепетъ даже его сподвижниковъ, людей, какъ извѣстно, не съ очень пѣжными нервами. Въ черныхъ глазахъ его горѣлъ высокой умъ, была видна жестокая, непреклонная воля, было что-то страшное и обаятельное. Каждое движеніе его нахмуренныхъ бровей на немного попорченномъ осепю, но красивымъ лицѣ заставляло дрожать самыхъ храбрыхъ. Всякій видѣлъ въ немъ присутствие какой-то стихійной, демонической силы. Онъ весь былъ живое воплощеніе безавѣстной удачи и ничѣмъ несокрушимой энергіи. Движенія его были рѣзки и быстры, голосъ громокъ и внятенъ. Порой своеобразный и упорный въ предпринятомъ разѣ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преланный плясуну и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишения, Разинъ сгруппировалъ вокругъ себя все недовольное Москвою и войсковымъ атаманомъ Корниломъ Яковлевымъ голушечное казачество и сталъ постепенно приводить задуманный планъ въ исполненіе. Все, что стояло выше его, все, что властвовало и распоряжалось народомъ, всеводы, князья, бояре и дьяки, а также и высшее духовенство было ему ненавистно, все же обездоленное, униженное и забытое находило въ немъ защитника и покровителя. „Я иду быть воеводѣ, боярѣ и приказный людъ, съ своимъ же братомъ мужикомъ подѣлюсь послѣдней крошкой хлѣба“, писалъ онъ въ своихъ воззваніяхъ къ народу. Народъ вѣрилъ въ него и шелъ за нимъ. Законъ, общество, церковь, все, что вѣками сложилось въ московскомъ государствѣ подъ влияніемъ византійскаго культа, имъ отвергалось и пошлялось. Все пошляло его неустрашимая воля. Вольное казачество онъ любилъ до самообвенія и въ рѣчахъ своихъ называлъ казаковъ не иначе, какъ *братцы, товарищи и други*. Встрѣчаясь съ нимъ, народъ кланялся ему до земли и вѣдичалъ *битошкой*.

Такъ характеризуютъ Разина русскіе историки, въ томъ числѣ Костомаровъ (Бунтъ Стеньки Разина) и др., придавая въ то же время ему эпитеты жестокаго и кровожаднаго, неимѣвшаго сердца ни для другихъ, ни даже для самого себя, чужія страданія забавляли его, свои же собственные онъ презиралъ. Отвергалъ церковный бракъ, какъ таинство, и заставлялъ желавшихъ жениться становиться парами и кружиться вокругъ вербы. „Вотъ вамъ и вѣнчаніе!“ говорилъ онъ.

Оттѣняя эти незаурядныя, на современный взглядъ, проявленія въ характерѣ Разина, но одинъ изъ этихъ историковъ не потрудился, однако въ достаточной мѣрѣ надъ нихъ выясненіемъ и не указалъ этимъ явленіямъ историческихъ причинъ, а вѣдь для каждаго историческаго явленія есть своя особая причина, быть можетъ сокрытая глубинной вѣковъ.

Разинъ обладалъ недюженнымъ умомъ и выдающимися способностями. Онъ стоялъ выше своихъ современниковъ, и по уму, и по развитію. Онъ зналъ исторію Дона и хорошо понималъ задачи казачества. Онъ былъ знакомъ съ древне-русскими былинами и укладомъ своеобразной жизни новгородской Руси. А вѣдь новгородская-то Русь, вѣрнѣе новгородское гетское казачество имѣло большую связь съ Дономъ. Въ древнихъ писцовыхъ книгахъ новгородскихъ погостовъ мы находимъ гоетскіе казаковъ, откуда-то пришедшихъ и поселившихся въ Бѣжецкой пятинѣ. Эти гоетскіе казаки—прибалтійскіе Готы или Геты, переселившіеся туда въ I—IV в. по Р. Х. съ береговъ Азовскаго моря (Саги о Фрятьофѣ Смѣломъ и Едда Спорре), изъ страны Свигтодъ, Сводура—свѣта, юга, подъ именемъ Азовъ-Гетовъ. Часть изъ нихъ, какъ сказано на стр. 59—61, переселились изъ Хлынова на Довъ, другая—осталась въ новгородскихъ областяхъ и стало извѣстно

въ XVI и началѣ XVII в.в. подъ именемъ казаковъ ямскихъ, деритскихъ, коворскихъ и др. (Договоръ Новгородца со шведами въ 1611 г. и договоръ Россіи съ Швеціей въ Столбовѣ 1617 г.).

Связь новгородскихъ областей съ Дономъ сказывается, по мимо историческихъ данныхъ, еще въ слѣдующемъ: въ говорѣ, тождественныхъ названіяхъ старыхъ поселеній, озеръ, рѣчекъ, урочищъ, архитектурѣ построекъ древнихъ церквей, рѣзбѣ иконостасовъ, народной орнаментикѣ, правахъ, обычаяхъ, суевѣріяхъ, свадебныхъ обрядахъ, вѣчевомъ правленіи, обособленномъ церковномъ управленіи, антропологиі жителей-воиновъ древняго Новгорода и Дона и проч. („Исторія казачества“, ч. I, гл. VI, стр. 93—96 и ч. II, гл. IV, стр. 261—291). Въ церковномъ управленіи новгородцы до XVI в. обособлялись отъ московскихъ митрополитовъ, а потомъ патриарховъ; высшее и низшее духовенство избирали на вѣчѣ, безъ согласія Москвы. Новгородцы также не приняли греческихъ строгихъ церковныхъ уставовъ, а продолжали сохранять свой народно-вѣчевой судъ надъ духовенствомъ по своему древнему народному праву. Считая себя по культурности выше другихъ народностей, въ томъ числѣ и грековъ, они принимали христіанство съ большою осторожностью и упорствомъ, а принявши, оставили много обычаевъ и обрядовъ изъ своего древняго языческаго культа. Такъ, напримѣръ, при обрядѣ церковной свадьбы священникъ долженъ ѣхать впереди съ крестомъ въ облаченіи, а женихъ сзади съ волхвомъ (знахаремъ, колдуномъ). Этотъ обычай былъ запрещенъ духовнымъ соборомъ въ 1667 году.

Женщина-новгородка, помимо отца и матери, должна была говорить публично на вѣчѣ „любовь ей женихъ или не любовь“.

Вѣчались въ церкви, хотя это считалось не обязательнымъ, и около ракеты, какъ о томъ поется въ былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ: „тамъ они обручались, кругъ ракитова куста вѣчались“.

Женились 4, 5 и 6 разъ и также свободно разводились, передавая на вѣчѣ публично жевъ другимъ.

Всѣ эти и многіе другіе религіозные обряды и обычаи новгородцы цѣлкомъ перенесли на Донъ. Обособленность Дона въ церковномъ отношеніи отъ Москвы всѣмъ извѣстна. По словамъ протоіерея Гр. Левицкаго, въ 1687 г., послѣ усмиренія бунта Разина, на Донъ впервые была прислана грамота съ повелѣніемъ помянуть на большомъ выходѣ имя московскаго патриарха: до этого же донское духовенство, избираемое казачьимъ кругомъ, какъ и въ древнемъ Новгородѣ, никакого отношенія къ московскимъ владыкамъ не имѣло.

Въ 1762 году, послѣ присоединенія Дона къ воронежской епархіи, епископъ Іоакимъ доносилъ Синоду, что „казаки подъ страхомъ наказанія запрещаютъ своимъ священникамъ слушаться распоряженій архіерея и судятъ ихъ по своимъ обычаямъ въ кругу; что войсковою атаманъ Илювайскій прямо писалъ, чтобы архіерей не смѣлъ вмѣшиваться въ духовныя дѣла казачьихъ

приходовъ, такъ какъ причты ихъ опредѣляются съ утвержденія „казачьяго круга и старшинъ“.

Въ 1765 г. воронежскій епископъ Тихонъ доносилъ вновь Синоду, что въ 3-хъ черкасскихъ благочиніяхъ 58 духовныхъ лицъ самовольно опредѣлены кругомъ, безъ его благословенія и что эти безпорядки исправить нѣтъ никакой возможности. Въ томъ же году и тотъ же епископъ вновь доносилъ, что казаки церкви не ведутъ вѣчныхъ записей и что атаманъ Илювайскій набилъ колодки на протопопа черкаскаго собора за то, что тотъ осмѣлился власть своего владыки поставить выше вѣча, т. е. войскового круга.

Браки на Дону, по словамъ Евл. Котельникова, В. Д. Сухорукова и свящ. Пивоварова (1818—1840 г.), изстари состояли въ церемоніи, происходившей на майдаѣ, гдѣ собирался казачій кругъ. Женихъ и невѣста въ сопровожденіи родственниковъ являлись на майдаѣ (площадь), гдѣ женихъ публично спрашивалъ невѣсту: „любь ли онъ ей?“ Давъ утвердительный отвѣтъ, невѣста въ свою очередь спрашивала жениха: „люба-ли она ему?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта, кланялась ему въ ноги, въ знакъ подчиненія. Послѣ этой церемоніи атаманъ и старики вставали съ своихъ мѣстъ и поздравляли молодого князя и княгиню словами „въ добрый часъ“. Такая форма брака въ понятіяхъ казаковъ-вѣчниковъ была такъ важна, что и послѣ вѣчанія въ церкви должна была обязательно исполняться на майдаѣ.

Разводъ производился съ такою же легкостью и также на майдаѣ, при публичномъ объявленіи, что жена ему „не люба“.

Такіе браки и разводы просуществовали на Дону до половины XVIII в. Вѣчаться въ церкви считалось не обязательнымъ.

Церемонія церковнаго брака тождественна съ новгородской: впереди ѣхалъ верхомъ священникъ съ крестомъ, за нимъ женихъ съ знахаремъ-дружкомъ, потомъ невѣста съ свахой и сверстники жениха съ пѣснями и стрѣльбой. Женихъ и невѣста, по древнему новгородскому обычаю, величались молодыми княземъ и княгиней.

Женились 4, 5 и болѣе разъ и также легко разводились. Хотя на Донъ и послана была въ 1745 г. 20 сентября грамота о воспрепятствіи жениться отъ живыхъ женъ и четвертыми браками, но это нисколько не останавливало казаковъ слѣдовать своему древнему обычаю жениться и разводиться съ вѣдѣнія и согласія круга. ²⁵³⁾

²⁵³⁾ а) Въ 187?—3 г.г., по порученію Арсеол. о-ва, г. Ивановскимъ въ областяхъ древняго Новгорода изслѣдовано 819 могильниковъ XI и XII в.в., при чемъ установлено, что погребенные въ нихъ темно-волосые воины были южане, высоки въ голеняхъ, вооружались копьями и саблями, съ правильнымъ и красивымъ строеніемъ головы, а женщины носили украшенія, металлическія пояса, браслеты (базиліки) и др., во всемъ сходные съ донскими прошлыхъ вѣковъ.

б) На древней стѣнѣ Софійскаго собора, построеннаго въ XI в., недавно открылась подъ обвалившейся позднѣйшей штукатурной фреска, изображающая воиновъ, во вооруженіи и одеждѣ во всемъ напоминающихъ казаковъ XVI—XVIII в.в.

На основаніи этих-то старых казачьих обычаев и Степанъ Разинъ, желая оградить казачество отъ вліянія московскаго высшаго духовенства, дабы оно своими анафемами не помѣшало выполнить задуманный имъ планъ, сталъ публично отвергать и церковный бракъ, и другія обряды вѣры, строго выполнявшіеся въ московской Русѣ, по требованію древнихъ византійскихъ церковныхъ уставовъ. Слѣдовательно, въ этой преповѣди Разина изъ ряда выходящаго ничего нѣтъ. Такъ смотрѣло на многіе обряды вѣры большинство казаковъ до и послѣ Разина. Казаки стараго времени были глубоко вѣрующіе, искренне, безъ ханжества, и за вѣру полагали свою жизнь. Въ этомъ вся исторія казачества. Искренне вѣровалъ и Разинъ, но у него, какъ у человѣка съ большимъ размахомъ, съ прямой и непосредственной натурой и при томъ озлобленнаго на всѣхъ московскихъ бояръ и высшее духовенство, которыхъ онъ называлъ „рабовладѣльцами и палачами“, всѣ эти проявленія характера выливались рѣзче, какъ говорится—съ плеча. Такова была его натура. Отвергая, по понятіямъ московскихъ ханжей, церковь и ея установленія, вѣрище—вѣками наслонившіеся обряды, Разинъ, однако, ходилъ на поклоненіе святымъ угодникамъ въ Соловки, а въ 1670 г. предъ выступленіемъ на Волгу, чтобы поднять знамя открытаго бунта противъ соціального строя Россіи, *завѣщалъ въ Усть-Медвѣдицкій монастырь поклониться иконѣ Казанской Божіей Матери, почитаемой чудотворной. и подарилъ два фунта жемчуга на ея убрусъ, что видно изъ монастырской записи. (Сообщеніе академика Е. Озвобитина. Дон. Обл. Вѣд. 1875 г. № 7).*

Чтобы судить о жестокости и безчеловѣчности Разина, а безчеловѣченъ онъ былъ только съ воеводами и приказными дьяками, нужно впасть въ раздуміе, на сколько милосердѣй для народа были московскіе князья и бояре и высшее духовенство и даже самъ „тишайшій“ царь, въ особенности, если дѣло касалось внутреннихъ политическихъ вопросовъ. За „государево слово и дѣло“, сказанное кѣмъ либо изъ мести, користныхъ цѣлей или съ испуга, мучили, пытали, рѣзали языки, вздергивали на дыбы и четверговали и большею частью людей невинныхъ. Тогдашній строй московскаго правительства приводилъ въ ужасъ всѣхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію. „Удивительно,—говоритъ англичанинъ Флетчеръ, бывшій

в) Въ Раздорской на Дону церкви до 80 годовъ прошлаго столѣтія встаринѣ хранилась некая бархатная обшивка свѣщенническихъ облачений, на которой водрузомъ была вышита надпись славянскими буквами: „Въ имѣніи болгарина князя Георгія (слово утрачено) Сидкаго (утрачено) въ Раздорскую церковь на Дону отъ княгини“... Далѣе все читалось и изъяснялось. Георгій Сидкій былъ сынъ большого воеводы Василія Сидкаго, убитаго въ войнѣ съ Стеф. Баторіемъ при Иванѣ IV. Георгій Сидкій умеръ насильственной смертью при Грозномъ царѣ за сеору о старшинствѣ съ Бор. Годуновымъ. Съ нимъ прекратился прямой родъ Сидкихъ, бывшихъ раньше кормлеными князьями Великаго Новгорода, перешедшіе туда изъ Литвы. Знамъ побоище казаковъ и ненависть ихъ къ Годунову, княгиня Сидкина, вдова Георгія, прислала въ ихъ церковь, въ с. Раздору, основанный новгородскими казаками въ XVI в., записку съ самою рзаву, впоисѣ надѣясь, что эти рыцари-воины, помня старую хлѣбъ-соль, поможутъ о душѣ ея погибшаго мужа. Она хорошо знала, кому послала, и не ошиблась.

въ Россіи въ концѣ XVI в., — какъ люди могутъ выносить такой порядокъ, и какъ правительство, будучи христіанскимъ, можетъ быть имъ довольно“.

Отъ московскихъ порядковъ, лицемѣрія и ханжества отворачивались и донскіе казаки и принимали всѣ мѣры оградить себя отъ ихъ пагубнаго вліянія.

Пришелъ въ ужасъ и свободолюбивый Разинъ при видѣ безправія и гнета русскаго крестьянства, низведеннаго московскимъ абсолютизмомъ на степень скота, и рѣшилъ перевернуть весь социальный строй Россіи вверхъ дномъ и учредить „по градамъ и весямъ“ казачій строй, казачій кругъ.

Весной 1667 г. Разинъ кликнулъ всему голутвенному люду кличъ: „Братцы мои, голь кабацкая, пойдемте со мною на сине море зипуны добывать!“ Встрепенулись засидѣвшіеся въ Черкасскѣ боевые орлы и стали расправлять свои крылья быстрыя, спѣшно чистили оружіе и снастили струги. Кличъ прошелъ по всѣмъ черкасскимъ кабакамъ и откликнулся въ сосѣднихъ городкахъ. Разинъ въ союзѣ съ запорожцами хотѣлъ сдѣлать морской поискъ по берегамъ Крыма и Турціи, чтобы добыть себѣ славы и богатствъ. Узнавъ объ этомъ, войсковою атаманъ, а съ нимъ старшины и всѣ домовытые казаки, встревожились; въ Турціи были царскіе послы, а съ Крымомъ только что заключено перемиріе; царь строго запретилъ задирать тѣхъ и другихъ. Атаманъ рѣшилъ примѣнить вооруженную силу, но не пустить казаковъ въ море. Видя это и не желая проливать братскую кровь, Разинъ завладѣлъ всѣми стругами, бывшими въ Черкасскѣ, и двинулся вверхъ по Дону. Гонцы его извѣстили объ этомъ верховые городки. Партіи ослушныхъ казаковъ, всегда не довольныхъ Главнымъ Войскомъ, стали стекаться къ городкамъ Паншинскому и Качалинскому, расположеннымъ недалеко одинъ отъ другого. Здѣсь на высокихъ буграхъ, омываемыхъ весенней водой, между р.р. Иловлей и Тишанкой, Разинъ заложилъ свой станъ. Въ первыхъ числахъ мая казаки изъ р. Иловли перетащились волокомъ въ р. Камышенку и появились на Волгѣ. Вѣсть объ этомъ долетѣла до Москвы. Еще въ мартѣ царь прислалъ на Донъ грамоту съ приказаніемъ разогнать скопище казаковъ въ Паншинъ и Качалинъ и поступить съ ослушниками по войсковому праву, но Корнила Яковлевъ, видя сочувствіе большинства казачества къ этому движенію, не могъ принять противъ Разина, рѣшительныхъ мѣръ²³⁴⁾.

²³⁴⁾ Дѣла Донскія. Грамота на Донъ 22 марта 1667 г.

Разинъ выступилъ изъ Черкаска съ партіей казаковъ до 1500 челов. На Волгѣ отрядъ его усилился до нѣскольکو тысячъ. Въ числѣ ихъ было около 400 запорожцевъ съ атаманомъ Бабдю.

На Волгѣ разинцы завладѣли нѣсколькими караванами купеческихъ и царскихъ судовъ, въ томъ числѣ богато нагруженнымъ судномъ святѣйшаго патриарха Іосифа, раздѣлили добычу между собой и двинули влѣзь по рѣкѣ мимо Царицына къ Черному Яру. Тамъ встрѣтились они съ отрядомъ воеводы Беклемишева, разбили его и самого воеводу повѣсили на мачтѣ. Встрѣчавшіяся суда съ стрѣльцами и ссыльными передавались на сторону Разина. Отъ Чернаго Яра Разинъ Волгою в ея рукавомъ Бузаномъ, мимо острова Бузана и Краснаго Яра, вступилъ въ Каспійское море, а потомъ повернулъ влѣво, вошелъ въ устье Урала и овладѣлъ Яицкимъ городкомъ. Посланные въ погоню за нимъ изъ Астрахани два стрѣлецкихъ полка имъ были истреблены, а взятые въ плѣнъ присоединились къ нему. Завладѣвъ ихъ оружіемъ и забравъ въ Яицкомъ городкѣ всю артиллерію, Разинъ весной 1668 г. пустился въ море. Отрядъ его имѣлъ правильное казацкое устройство: раздѣленъ былъ на сотни и десятки. Надъ сотней начальствовалъ сотникъ, надъ десяткомъ—десятникъ. Разинъ былъ надъ всѣми атаманомъ, Любимымъ есауломъ у него былъ Ивашка или Иванъ Черноярецъ. Изъ другихъ есауловъ извѣстны: Ларка Хрѣновъ, Лазарка Тимофеевъ, Михайла Ярославовъ, Сережка Кривой, Алешка Каторжный и др.

Около двухъ лѣтъ Разинъ громилъ кавказскіе и персидскіе берега, далъ морской бой Менеды-хану, разбилъ его наголову, плѣнилъ его сына и красавицу дочь и въ первыхъ числахъ августа 1669 г. явился съ несмѣтными богатствами подъ Астраханью. Вида его мирныя намѣренія и желаніе пройти на Донъ, воевода Прозоровскій и князь Львовъ приняли его въ Астрахани ласково, хвалили за подвиги и побѣды надъ басурманами и въ заключеніе выдали ему милостивую царскую грамоту, въ которой прощали казакамъ всѣ ихъ вины и разрѣшалось возвратиться на Донъ. Цѣль этого милостиваго вниманія была такова: слава о подвигахъ Разина разнеслась по всему Дону и Волги и достигла до Днѣпра, вездѣ встрѣтивъ сочувствіе, а потому Москва боялась суровыми мѣрами раздражить казаковъ; астраханскіе же воеводы не могли положиться на свои силы, а стрѣльцамъ и черному люду не довѣряли; воеводы надѣялись, что часть добычи перейдетъ имъ на поминки. Они заранѣе выхлопотали у

царя для казаковъ милостивую грамоту. Что же касается разгрома персидскихъ городовъ, то это дѣло политики,— вѣдь и персы порой не щадили русскихъ подданныхъ; при томъ, вѣдь громили не они, русскіе, а казаки, народъ независимый, своевольный.

4 сентября 1669 года Разинъ двинулся изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, а потомъ переташился на Донъ. Между старыми городками Кагальницкимъ и Ведернико~~скимъ~~, въ юртѣ нынѣшней Богоявленской станицы, на ~~Кагальницкомъ~~ островѣ, онъ заложилъ себѣ главный станъ, ~~обнесъ~~ землянымъ валомъ и поставилъ пушки. Отсюда онъ сталъ держать г. Черкасскъ подъ угрозой, т. к. перевѣсъ былъ на его сторонѣ. Атаманъ и старшины притихли. Обезпеченная этимъ, Москва въ 1670 г. послала на Донъ жильца Евдокимова съ тайнымъ порученіемъ разузнать все о Разинѣ, вручивъ послу для виду царскую грамоту съ обѣщаніемъ прислать казакамъ за ихъ службу обычные запасы. Евдокимовъ прибылъ въ Черкасскъ на ѳоминой недѣлѣ въ воскресенье. Корнила Яковлевъ по этому поводу собралъ кругъ. Пригласили посла. Тотъ вошелъ въ кругъ, поклонился атаману и казакамъ на всѣ четыре стороны; отдалъ грамоту атаману и сказалъ:

— Великій государь, царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ и многихъ государствъ и земель восточныхъ и сѣверныхъ отчинъ и дѣдичъ и наслѣдникъ и государь и обладатель, велѣлъ всѣхъ васъ, атамановъ и казаковъ, спросить о здоровьи.

Атаманъ приподнял грамоту вверхъ и громко *вычиталъ* кругу. Казаки были очень довольны царскимъ вниманіемъ, благодарили за обѣщаніе прислать запасы, которые обычно сплавлялись на бударахъ р. Дономъ изъ Воронежа, и отпустили Евдокимова. Черезъ два дня атаманъ вновь собралъ кругъ и предложилъ ему снарядить въ Москву вмѣстѣ съ посломъ станицу. Въ кругъ внезапно съ своими приверженцами является Разинъ, открываетъ свой кругъ, требуетъ на объясненіе Евдокимова, называетъ его лазутчикомъ и шпиономъ, пріѣхавшимъ подсматривать за нимъ, бьетъ его по лицу, бьютъ его и казаки, а потомъ избитаго бросаютъ въ Донъ ²⁵⁴). Бывшіе съ посломъ люди посажены подъ стражу Корнила хотѣлъ вступить за Евдокимова, но едва самъ не былъ избитъ, убѣждалъ съ майдана и заперся съ нѣкоторыми

²⁵⁴) Майданъ, гдѣ собирался кругъ, занималъ мѣсто на юго-западѣ отъ собора и лежалъ на берегу Дона.

старшинами въ соборѣ. Разинъ объявилъ казакамъ, что настало время идти противъ ненавистныхъ имъ всѣмъ боярѣ и звалъ молодцовъ съ собой на Волгу. Почти весь кругъ откликнулся на его зовъ.

Вскорѣ послѣ этого Разинъ двинулся вверхъ по Дону къ Паншину. Отрядъ его усилился до 10 тыс. Въ немъ также, какъ и прежде, не мало было запсрощцевъ. Въ Паншинѣ явился къ нему Васька Усь, поднявшій въ украинныхъ городахъ крестьянъ противъ помѣщиковъ. Разгромивъ калмыковъ, кочевавшихъ между Дономъ и Волгой, и отнявъ у нихъ скоть, Разинъ подступилъ къ Царицыну. Царицынцы отворили ему ворота и встрѣтили его съ почетомъ во главѣ съ своимъ духовенствомъ. Воеводу Тургенева казаки и народъ отвели на веревкѣ къ Волгѣ и бросили въ воду. Вслѣдъ за этимъ такимъ же способомъ былъ взятъ и Камышинъ. Воеводу и приказныхъ утопили. Разинъ двинулся къ Астрахани. Стрѣльцы и народъ, встрѣчавшіеся на Волгѣ, передавались ему. Астрахань считалась очень сильною крѣпостью, — въ ней на стѣнахъ въ два ряда было до 460 пушекъ и значительный гарнизонъ. Но что могло устоять противъ народнаго вожда, объявившаго всѣмъ полную свободу и казацкія права. Крѣпость сдалась почти безъ боя. Стрѣльцы и народъ отворили ворота и даже помогали казакамъ взбираться на стѣны. Все кругомъ разразилось измѣной. Ненавистны были народу и ратнымъ людямъ порядки царскаго правительства. Всѣ называли Разина батюшкой, Степаномъ Тимофеевичемъ, избавителемъ отъ злыхъ лиходѣевъ. Купцы, дворяне, дѣти боярскія и весь приказный людъ погибли. Раненаго отъ руки мѣстнаго холопа воеводу Прозоровскаго самъ Разинъ столкнулъ съ колокольни. Имущество убитыхъ пошло въ дуванъ. Всѣ приказныя дѣла были сожжены.

— Вотъ такъ я сожгу всѣ дѣла у государя, говорилъ Разинъ народу.

Оставивъ въ Астрахани атаманомъ Ваську Уса, а старшинами Федора Шелудяка и Ивана Терскаго съ гарнизономъ изъ стрѣльцовъ и астраханскихъ жителей, записавшихся въ казаки, а также по два человѣка отъ десятка донскихъ казаковъ, Разинъ на 200 судахъ двинулся вверхъ по Волгѣ; по берегу шла конница, въ числѣ 2 тысячи человѣкъ. Изъ Царицына онъ отправилъ отрядъ въ 2 тыс. человѣкъ на Донъ съ казною, съ атаманами Фроломъ Минаевымъ и Яковомъ Гавриловымъ.

Саратовъ сдался безъ сопротивленія. Народъ встрѣтилъ Разина съ великою радостью. Воевода Лутохинъ, дворяне и приказный людъ были казнены. Въ городѣ было введено казацкое устройство, съ казацкимъ кругомъ. Атаманомъ поставленъ Григорій Савельевъ. Съ при-

ближеніемъ казаковъ къ Самарѣ, тамъ поднялось междоусобіе; казачья партія побѣдила. Разинъ занялъ городъ безъ боя. Воевода Алфимовъ былъ уопленъ, дворяне и приказные казнены. Въ первыхъ числахъ сентябрю Разинъ подступилъ къ Симбирску. Словомъ, народъ несъ Разина на своихъ рукахъ. Агенты Разина съ „прелестными“ письмами наводили всѣ прилегающія къ Волгѣ мѣстности, проникли въ Москву и земли новгородскія, даже до Бѣлаго моря и Смоленска. Всюду они встрѣчали радостный приемъ, всюду народъ поднималъ оружіе за свои поправныя права. Въ письмахъ къ народу Разинъ говорилъ, что онъ идетъ истребить бояръ, дворянъ и весь приказный людъ и установить по всей Руси казачье устройство. „Я не хочу быть царемъ, писалъ онъ, а хочу жить съ вами, какъ братья“ Зная, съ какимъ уваженіемъ темный народъ относится къ царской особѣ и къ патриарху и желая подорвать ихъ авторитетъ, Разинъ велѣлъ покрыть два судна—одно краснымъ бархатомъ, а другое чернымъ. Въ первомъ посадилъ плѣннаго черкесскаго князька и назвалъ его царевичемъ Алексѣемъ, недавно умершимъ, а во второмъ какого-то монаха, назвавъ его гонимымъ царемъ, низверженнымъ патриархомъ Никономъ. Агенты Разина говорили, что сынъ царя не умеръ, а убѣжалъ отъ суровости отца къ нимъ и теперь идетъ добывать себѣ престолъ и искоренять бояръ, думныхъ людей, воеводъ и помѣщиковъ, потому что они народные мучители, а какъ только воцарится, то будетъ всѣмъ воля и равенство. Народъ вѣрилъ и шелъ. На зовъ Разина поднялись и черемисы, чуваша, мордва и казанскіе татары. Онъ даже пытался завязать сношенія съ крымскимъ ханомъ и персидскимъ шахомъ, но успѣха не имѣлъ.

5-го сентябрю казаки осадили хорошо укрѣпленный Симбирскъ. Народъ передался на ихъ сторону; бояринъ Милославскій съ гарнизономъ изъ четырехъ стрѣлцкихъ приказовъ дворянами и дѣтьми боярскими, сбѣжавшимися изъ всѣхъ окрестностей отъ народной мести, заперся въ кремль.

Осада длилась около мѣсяца. Гарнизонъ защищался храбро, хорошо зная, что пощады не будетъ. Положение осажденныхъ было отчаянное. На помощь ему двинулся отрядъ изъ Казани, сформированный съ большими усиліями воеводою, княземъ Урусовымъ, подъ начальствомъ князя Юрія Боротинскаго. Въ жаркой битвѣ, происшедшей 1-го октября подъ самымъ Симбирскомъ и длившейся цѣлый день, Разинъ былъ раненъ саблей въ голову, пулей въ ногу и ошеломленъ въ голову силачемъ, Семеновъ Степановымъ, изъ г. Алатаря, въ рукопашной схваткѣ, бросившимся на него съ топоромъ и повалившимъ его на землю. Казаки атамана выручили, но битва была проиграна. Боротинскій вошелъ въ городъ. Въ ночь 3-го октября казаки пошли на приступъ, но услышавъ, что въ тылу ихъ появился новый отрядъ солдатъ, тайно бросили поле битвы и полчища сражавшихся крестьянъ, съѣли на струги и пустились внизъ по Волгѣ, увлекши съ собою и раненаго атамана. На утро, узнавъ о бѣгствѣ Разина, оставшіеся казаки и крестьяне сняли осаду и бросились на струги. Сметнули въ чемъ дѣло и воеводы и кинулись ихъ преслѣдовать. Пораженіе казаковъ и крестьянъ было полное. Съ мятежнымъ народомъ расправа была жестока. Симбирскій край былъ скоро усмирень, но въ другихъ областяхъ крестьянское движеніе подъ руководствомъ казаковъ продолжалось еще около года.

Такимъ образомъ, одинъ ударъ хорошо обученныхъ, на европейскій ладъ, войскъ подъ начальствомъ князя Боротинскаго р зрушилъ всѣ планы Степана Разина. Легкія победы на Волгѣ и слава народомъ безъ боя укрѣпленныхъ городовъ вскружили голову доносному атаману и не заставили его серьезнѣе отнестися къ своему положенію. Безползлая проволочка времени подъ Симбирскомъ, давшая возможность московскому правительству организовать достаточныя силы въ Казани, неумѣнье руководить битвой съ хорошо обученнымъ и дисциплинированнымъ противникомъ подъ Симбирскомъ и въ довершеніи всего—легкомысленное оставленіе въ ночь подъ 4 октября 1670 г. на произволъ судьбы своихъ сподвижниковъ,—все это характеризуетъ Разина, несмотря на его личное мужество и отвагу, какъ небрежнаго стратега, привыкшаго побѣждать

своих сподвижников,—все это характеризует Разина, несмотря на его личное мужество и отвагу, как небрежного стратега, привыкшаго побждать нестройными полчища невѣрныхъ или отряжи колеблющихсяъ стрѣльцовъ. Видимо, старшій казачій строй, выбра танный вѣками, съ его сложными и подчасъ неожиданными приемами, хитростью и умѣньемъ запугать и спутать протавника въ рѣшительную минуту, у Разина былъ въ пренебреженіи. Битва была проиграна, а съ ней рухнулъ и весь его планъ перестроить Россію на казачій ладъ.

Успѣхи Разина на Волгѣ склонили на его сторону все Донское казачество. Самъ атаманъ Корнила Яковлевъ долженъ былъ подчиниться общему настроенію. Но когда, послѣ пораженія, Разинъ зимой возвратился съ небольшимъ числомъ приверженцевъ на Донъ, противная ему сторона стала дѣйствовать рѣшительнѣй. На зовъ Разина возстать всѣмъ войскомъ противъ насилій Москвы-казаки колебались. Но Разинъ не унывалъ; сообщниковъ у него было много на Волгѣ и въ верховыхъ городкахъ. Онъ два раза съ своей партией ѣздилъ въ Черкасскъ: въ первый разъ Корнила встрѣтилъ его ласково, льстилъ ему и принималъ подарки, во второй же разъ не пустилъ въ городъ, угрожая изъ пушекъ открыть огонь. Разинъ ушелъ обратно въ Кагальникъ. Корнила послалъ въ Москву станицу просить помощи. Царь, патриархъ Іосифъ и другіе святители собрались на совѣтъ. Святители изрекли на Разина проклятіе и отлученіе отъ церкви. Царь приказалъ отправить изъ Бѣлгорода на Донъ тысячу рейтаръ и драгунъ. Но Корнила, видя бездѣйствіе Разина, самъ готовился сокрушить его силы и въ апрѣлѣ двинулся съ значительнымъ отрядомъ р. Дономъ и сухимъ путемъ къ Кагальнику. Разинъ былъ безпеченъ и не принялъ никакихъ мѣръ. 14 апрѣля, послѣ жаркой битвы, Разинъ, видя свое безсиліе и прельщенный обѣщаніями старика атамана, его крестнаго отца, сохранить ему и его брату Фролу жизнь, добровольно сдался. Корнила сначала оставилъ его на свободѣ, но потомъ заковалъ въ цѣпи²⁵⁵⁾.

По словамъ современника-очевидца, Разинъ не ожидалъ такого вѣроломнаго поступка отъ лица, ему столь близкаго и при томъ стараго донскаго казака²⁵⁶⁾. Въ концѣ апрѣля самъ Корнила Яковлевъ съ знатнымъ казакомъ Михайломъ Самаринимъ и значительнымъ конвоемъ повелъ Разина и брата его въ Москву, гдѣ, послѣ „московскихъ“ пытокъ, этотъ борецъ за свободу казачества и права русскаго народа 6 іюня 1871 г. былъ на Красной площади четвертованъ. Длинный обвинительный приговоръ онъ выслушалъ спокойно, съ гордымъ видомъ. Потомъ перекрестился на церковь Покрова Богородицы (Василія Блаженнаго), поклонился русскому народу, тысячами собравшемуся смотрѣть на его казнь, и громко сказалъ ему „прости“. Палачъ отрубилъ ему правую руку по локоть, потомъ лѣвую ногу по кобѣно. Разинъ не издалъ ни одного звука, даже не показавъ знака, что чувствуетъ боль. Онъ хотѣлъ показать своимъ мучителямъ, что мститъ гордымъ молчаніемъ за свои муки, за которыя не въ силахъ уже отомстить оружіемъ.

Братъ его, смотря на это ужасное зрѣлище, не выдержалъ и закричалъ: „Я знаю слово государено!“

— Молчи, собака! строго сказалъ ему Разинъ. Это были его послѣднія слова. Палачъ отрубилъ ему голову. Туловище его разсѣкли на части и воцкнули, какъ и голову, на колья, а внутренности бросили собакамъ. Казнь Фрола отсрочили, его везли на Донъ, пытали, требовали указать, гдѣ Степанъ зарылъ свои драгоценности; но изъ этого ничего не вышло. Его осудили на вѣчное тюремное заключеніе. Сподвижники Разина частью погибли при взятіи Кагальника, частью казновы, а частью разсѣлялись по разнымъ странамъ.

Со смертью Разина войско Донское вступило въ новую сферу своей боевой дѣятельности, обусловленной уже указаніями изъ Москвы.

²⁵⁵⁾ Цѣпи и тяжелые желѣзные наручники, въ которые былъ закованъ Разинъ, и теперь хранятся въ старочеркасскомъ соборѣ, вѣданные въ стѣну притвора.

²⁵⁶⁾ Костомаровъ „Бунтъ Стеньки Разина“. Т. II стр. 339.

Часть III-я

Донъ служить русскимъ царямъ.

Глава I-я.

Присяга казаковъ на вѣрность службы царю.

Систематическое и многолѣтнее стремленіе московскаго правительства наложить на донское казачество свою властную руку вызвало бунтъ Разина. Среда, эпохи родять героевъ. Разинъ только выразитель своей эпохи. Къ этому давно готовилось, этого давно ожидало все боевое казачество, любившее свою казацкую свободу, свои вольности, но только не знало, съ какой стороны начать. Разинъ показалъ путь. Боевая масса пошла за нимъ, какъ за своимъ вождемъ. Кличь Разина на Волгѣ о правахъ русскаго крестьянства, о поправныхъ правахъ челоуѣка, упалъ на благодатную почву,—это было давнишнее чаяніе русскаго трудящагося люда. Разинъ принесъ себя въ жертву этой идеѣ. Уже закованный въ тяжелыя „освященныя“ цѣпи, Разинъ говорилъ: „Пусть видятъ весь народъ крещеный, что за него я голову сложилъ²⁶⁷⁾. Пусть тамъ меня (въ Москвѣ) казнятъ, пусть колесуютъ, пусть тризну справятъ надо мной, упьются кровью, пусть казацкой подь стонъ народный, но ужъ погибнуть не должно въ народѣ сдѣланное мною. Не могъ я дѣло совершить, пусть сдѣлаетъ другой, не тотъ, такъ третій... А на Дону... и вспомнить всѣ тогда меня; Степана Разина, донскаго казака. и кличь его казацкій боевой, когда ихъ подлый дьякъ, какъ стадо, переписшетъ и цѣлованіемъ креста на вѣрность приведетъ“...

И дѣйствительно, пророчества Разина скоро сбылись. Усмиреніе бунта его стоило болѣе ста тысячъ челоуѣческихъ жертвъ. Торжествующее московское самодержавіе не жалѣло народной крови. Празднуя Москва праздновала тризну надъ остатками трупа свободолоубиваго донца. И виновники этого торжества—войсковой атаманъ Корнила Яковлевъ, старшина Родионъ Осиповъ, Михайла Самаренинъ и др. были „потчиаемы“ романей за царскимъ столомъ „съ большимъ удовольствомъ“ и получали отъ бояръ инструкціи для приведенія всѣхъ атамановъ, есауловъ и казаковъ на вѣрность службы къ присягѣ. Имъ и полковнику Григорию Косагову съ дьякомъ Андреемъ Богдановымъ, кромѣ того поручалось объявить царскую милость

²⁶⁷⁾ Послѣ ареста Разинъ былъ прикованъ освященной цѣпью въ соборномъ притворѣ, что въ туду не проникла „нечистая сила“ и не освободила его, т. к. народъ считалъ его колдуномъ. Разинъ часто говорилъ былиннымъ языкомъ, подражая Василью Буслаеву, новгородскому удалцу.

всему войску Донскому за доставленіе въ Москву Разина и за истребленіе его сообщниковъ, также увѣрить войско о всеобщемъ прощеніи и настаивать о скорѣйшей посылкѣ казаковъ въ Астрахань, гдѣ свирѣпствовали Васька Усь. Косаговъ и дьякъ съ казачей станицей прибыли въ Черкасскъ 24 августа 1671 г. Собрался унылый казачій кругъ. Косаговъ „по наказу“ объявилъ царскую милость. Многіе облегченно вздохнули; но лишь только онъ заговорилъ о присягѣ, кругъ пришелъ въ смущеніе. „Мы ради служить государю безъ крестнаго цѣлованія,—говорили многіе изъ казаковъ,—и намъ присягать не для чего“. Волненіе продолжалось четыре дня. На кругѣ присутствовали, большею частью, казаки черкасскихъ станицъ и низовыхъ городковъ; верховые отсутствовали. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ и пререканій съ посломъ, позволявшимъ грозить царскимъ гнѣвомъ, домовитые казаки и старшины взяли верхъ и постановили присягнуть на вѣрность службы государю; „если же кто не учинить присяги, того казнить смертію, а имущество грабить“²⁵⁸).

Присяга произведена была на майданѣ, близъ собора, въ присутствіи Косагова, а дьякъ Богдановъ вписывалъ присягнувшихъ въ присланную изъ Посольскаго приказа книгу; другая книга была оставлена посломъ въ войскѣ для внесенія въ нее именъ тѣхъ казаковъ, которые впредъ придутъ служить въ войско (изъ ослушныхъ) и всѣхъ тѣхъ, кои родятся на Дону и достигнуть совершеннолѣтія²⁵⁹).

Главныя статьи присяги заключались въ слѣдующемъ: „чтобы старшинамъ и казакамъ всѣ могущія возникнуть возмущенія и тайныя заговоры противу государя и отечества въ тожь время укрощать, главныхъ заговорщиковъ присылать въ Москву, а ихъ сторонниковъ по войсковому праву казнить смертію; если же кто изъ нихъ въ нарушеніе этой присяги, измѣняя государству и отечеству, начнетъ ссылаться съ неприятелими своего отечества или съ поляками, нѣмцами или татарами, съ таковыми предателями, не щадя жизни своей, сражаться, самимъ къ таковымъ злоумышленникамъ не приставать и даже не помышлять о томъ; съ калмыками дальнѣйшихъ сношеній не имѣть, кромѣ увѣщаній служить съ казаками вмѣстѣ; скопомъ и заговоромъ ни на кого не приходить; никого не грабить и не убивать и во всѣхъ дѣлахъ ни на кого ложно не показывать. На здравіе государя и всей его царской фамиліи не посягать и кромѣ его величества государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и всея Россіи самодержца, другого государя, польскаго, литовскаго, нѣмецкаго и изъ другижъ земель царей и королей или принцовъ иноземныхъ и россійскихъ на царство всероссійское никого не призывать и не желать, а ежели услышать или узнаютъ на государя и всю его царскую фамилію скопъ или заговоръ или другой какой умыселъ, воз-

²⁵⁸ Донскія Дѣла. Распросныя рѣчи стѣльника Косагова и дьяка Богданова 8-го ноября 1671 г.

²⁵⁹ При внесеніи въ книгу прозвища казаковъ, данныя имъ лично за какія-либо качества или внѣшніе признаки, обращались въ фамиліи и стали отвѣчать уже не на вопросъ—какой онъ? а на вопросъ—чей? съ прибавленіемъ на московскій ладъ окончанія *овъ* и *евъ*. Вотъ почему получались такія несуразныя отъ прозвищъ фамиліи: Рябой—Рябовъ, Косой—Косовъ, Кривой—Кривовъ, Мякій—Мяковъ, Неживой—Неживовъ, Большой—Большовъ, Бѣлый—Бѣловъ и т. п. Не имѣющие личныя прозвища вносились по отчеству,—чей онъ сынъ: Фроль Минаевъ (сынъ Миня), Ефремъ Петровъ, Корнелій Яковлевъ (сынъ Якова), *Григорій Савельевъ (сынъ Савелія) и т. п. Отчества эти также превратились въ фамиліи.

никшій у россянъ или у иноземцавъ, и съ такими злоумышленниками, не щадя жизни своея, биться ²⁶⁰⁾.

Давъ такое, хотя и вынужденное клятвенное обѣщаніе, съ цѣлованіемъ креста, этой, по выраженію самихъ казаковъ „страсти Христовой“, Донское войско подпало подъ вліяніе московскаго правительства и, какъ народъ прямой, непосредственный и честный и при томъ искренне религиозный, старалось по мѣрѣ силъ выполнять принятыя на себя обязательства. Всякое малѣйшее нарушеніе данной клятвы, даже въ отдѣльныхъ случаяхъ, считало великимъ преступленіемъ, позоромъ для всего войска. Эту черту характера казачества Москва своевременно усчитала и использовала въ своихъ интересахъ. До внутренняго управленія войска и его своеобразнаго уклада жизни она пока еще не касалась.

Глава II-я.

Послѣднія вспышки разинцевъ на Волгѣ.

Сподвижники Разина Васька Усь и Федоръ Шелудяхъ, узнавъ объ арестѣ на Дону своего атамана и о выдачѣ его Москвѣ, рѣшили освободить его. Съ ними въ Астрахани, Царицынѣ и другихъ волжскихъ городахъ было еще достаточное количество вооруженныхъ силъ изъ казаковъ, стрѣльцовъ и жаждавшаго свободы народа. Кличъ ихъ объ истребленіи бояръ, думныхъ людей, солдатъ и купцовъ, какъ враговъ царя и народа, нашель отголосокъ въ массѣ населенія. Всѣ грамоты, полученные отъ царя чрезъ митрополита Юсифа въ Астрахани, съ просьбой о принесеніи бунтовщиками повинной и объ арестѣ стрѣльцами донскихъ казаковъ, за что имъ обѣщали прощеніе всѣхъ ихъ вѣнъ, казаки атаманы объявили подложными, составленными боярами и митрополитомъ, безъ вѣдома царя ²⁶¹⁾.

Весь волжскій край возсталъ на защиту своихъ народныхъ правъ, какъ и при Разинѣ. Федоръ Шелудяхъ выступилъ изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ на 170 стругахъ. Изъ Царицына, Саратова и Самары къ нему присоединились бывшіе тамъ вооруженные гарнизоны изъ казаковъ и стрѣльцовъ, а также многочисленныя толпы народа. Полчища эти усилились и вновь прибывшими съ Урала и Дона казаками, изъ верховыхъ городковъ, не давшихъ присяги царю. Въ Самарѣ всѣ эти войска были раздѣлены на три отряда: конница и часть пѣхоты съ атаманомъ Иваномъ Константиновымъ отправлены подъ Симбирскъ сухимъ путемъ, 3 тыс. человекъ на 70 стругахъ пошли впередъ рѣкою Волгой, а главные силы съ предводителемъ Шелудяхомъ на 370 стругахъ двинулись имъ вслѣдъ. 29 мая всѣ эти силы обложили Симбирскъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ заперся бояринъ Петръ Шереметьевъ съ небольшимъ, но храбрымъ гарнизономъ изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. 9 июня въ 1-мъ часу ночи начался общій приступъ. Сраженіе было жаркое и упорное. Осаждающіе гибли подъ ударами оса-

²⁶⁰⁾ Дѣла Донскія. Маказъ полковнику Косагову и дьяку Богданову въ іюнѣ 1671 г.

Запись, по которой атаманы и казаки были приведены къ присягѣ въ Москвѣ и на Дону.

²⁶¹⁾ За ненужное вмѣшательство въ политическія дѣла и ревностное тяготѣніе къ старому московскому строю митрополитъ Юсифъ былъ 21 мая 1671 г. казаками сброшенъ съ колокольни. Въ то же время былъ убитъ князь Львовъ и многіе дворяне.

жденныхъ тысячами, но не отступали. Наконецъ, на разсвѣтъ, видя безуспѣшность дѣла, казаки сняли осаду. Воспользовавшись этимъ, Шереметьевъ сдѣлалъ внезапную вылазку, бросился на отступающихъ и отнялъ у нихъ почти всю артиллерію. Шелудякъ съ главными силами ушелъ внизъ по Волгѣ; народъ разбрелся по своимъ мѣстамъ³⁸²⁾.

Такъ окончилась эта послѣдняя попытка разинцевъ испровергнуть утвердившійся въ Московскомъ государствѣ самодержавный строй.

Шелудякъ съ казаками и стрѣльцами возвратился въ Астрахань; часть казачковъ бѣжала на Яикъ, а другая на Донъ, гдѣ они были переловлены и казнены, а нѣкоторые изъ главарей выданы Москвѣ.

Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ есаулъ Разина Лазарь Тимофеевъ. Другой сподвижникъ Разина Ларка Хрѣновъ успѣлъ бѣжать въ Азовъ, а потомъ въ Турцію³⁸³⁾. О выдачѣ его Москва еще долго послѣ этого вела дипломатическую переписку то съ азовскимъ пашей Сулейманомъ, то съ Портой, даже снаряжало нарочитое для того къ султану посольство, но все было безуспѣшно. Хрѣновъ изъ Турціи убѣжалъ въ Италію, а оттуда въ Алжиръ. Такъ преслѣдованная истребительная Москва сподвижниковъ Разина за предѣлами своихъ владѣній, а ужъ съ попавшими въ ея руки расправлялась умѣючи, по давно введенному порядку, гасила искры проявленія народной воли въ самомъ корнѣ, боясь ихъ вспышки.

Вслѣдъ за казаками къ Астрахани двинулся Волгой сильный отрядъ царскихъ войскъ подъ начальствомъ князя Ивана Милославскаго. Всѣ волжскіе города, бывшіе во владѣніи разинцевъ, принесли ему повинныя. Спокойствие въ нихъ возобновлялось принятымъ въ московскомъ правительствѣ способомъ—кнутомъ и висѣлицей. Предписано было и войску Донскому вооружиться для окончательнаго истребленія астраханскихъ мятежниковъ, но враждебная дѣйствія крымскаго хана и гетмана Дорошенка остановили это движеніе. На помощь царскимъ войскамъ явился князь Каспулатъ Муцаловичъ Черкасскій.

Опрокинувъ высланный на встрѣчу ему на судахъ отрядъ, Милославскій 1-го сентября 1671 года остановился въ 3-хъ верстахъ отъ Астрахани, близъ устья Болтинской протоки, и окопался. 12 сентября въ одну ночь имъ было возведено на другой сторонѣ Волги, противъ города, земляное укрѣпленіе, въ которомъ засѣлъ сильный гарнизонъ. Вылазка изъ города подъ начальствомъ казака Алексѣя Карташнова гарнизономъ укрѣпленія была отбита. Городъ не сдавался. Въ это время атаманъ Васка Усь внезапно скончался. Во главѣ сталъ Федоръ Шелудякъ, но и тотъ скоро попалъ въ плѣнъ къ Милославскому, выданный княземъ Черкасскимъ, заманившимъ его къ себѣ въ станъ какъ бы для переговоровъ. Осажденные пришли въ смѣненіе, разбиты на партіи и томимые голодомъ, послѣ долгихъ споровъ, рѣшили сдаться. 27 ноября Милославскій вступилъ въ Астрахань. „Принеся Господу Богу въ соборной церкви благодарность, царскій воевода приступилъ къ водворенію въ городѣ порядка: главныхъ возмутителей, какъ язъ донскихъ казачковъ, такъ и астраханскихъ жителей, велѣлъ повѣсить, другимъ отрубить головы, прочихъ же, согласно

³⁸²⁾ Грамоты на Донъ 21 іюня, іюля (безъ числа) и другая 20 іюля 1671 года. Акты А. Лишина, т. 1, № 48, Сбор. грамотъ Приянишниковъ, стр. 93—95 и „Историч. описаніе земли войска Донскаго“, стр. 277 и 278, изд. 1903 г.

³⁸³⁾ Грамота на Донъ 7 августа 1671 г. Акты А. Лишина, т. 1, № 49.

государеву указу, разослать по тюрьмамъ въ отдаленные города. Остальные, принимавшіе участіе въ мятежъ, были наказаны или кнутомъ, или помилованы: Со взятіемъ Астрахани вся Волга признала власть царя.

Послѣ пораженія Разина подѣ Симбирскомъ, одинъ изъ его сооб- щниковъ, казакъ Миусскій, съ довольно сильной партией основался на р. Донцѣ и преградилъ всякое сношеніе Дона съ Москвой, но скоро шайка его была разсѣяна, и Миусскій скрылся. Въ 1673 г. онъ появился съ семью товарищами въ Запорожской Сѣчи съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ выдававшимъ себя за сына царя, Симеона Алексѣевича, будто-бы убѣжавшаго изъ Москвы отъ преслѣдованія матери и бояръ. Атаманъ запорожскихъ казаковъ Иванъ Сѣрко, ко шевои и всѣ куренные атаманы и казаки, послѣ долгихъ испытаній, признали въ немъ истиннаго царевича и рѣшили защищать его воору- женной силой. Но скоро подѣ давленіемъ гетмана Самойловича, приверженца Москвы, и явившихся царскихъ чиновниковъ, самозванецъ этотъ былъ отосланъ въ Москву, гдѣ подѣ пыткой сознался, что онъ родомъ полякъ изъ г. Лохвицы и звать его Матвѣемъ, потомъ Андреемъ Воробьевымъ, подданнымъ князя Вишневецкаго и т. д.

Послѣ допросовъ самозванецъ этотъ былъ четвертованъ. Рукowodившій имъ казакъ Миусскій съ товарищами скрылся и никакія ухищ- ренія московскихъ сыщиковъ не могли открыть ихъ мѣстопробы- ваніе.

Такъ мстили царю и боярамъ тароватые на выдумки донские казаки.

Глава III-я.

Общественный и военный строй, бытъ и нравы казаковъ въ концѣ XVII в.

Войско Донское съ древнѣйшихъ временъ управлялось Войско- вымъ Кругомъ, въ которомъ принимали участіе всѣ казаки-воины, а таковыми они были отъ юношескихъ лѣтъ до глубокой старости, пока могли держать въ рукахъ оружіе. Права участія въ Кругѣ не имѣли лишь казаки *пенные*, навлекшіе на себя чѣмъ либо немилость всего войска; но и эти послѣдніе иногда, въ трудныя минуты, также призвались въ Кругъ и своимъ примѣрнымъ поведеніемъ и воен- ными подвигами могли заслужить себѣ прощеніе. Казаки были народъ прямолинейный и рыцарски гордый, лишннихъ словъ не любили и дѣла въ Кругу рѣшали скоро и справедливо²⁸⁴. По отношенію своихъ провинившихся братьевъ оцѣнка ихъ была строга и вѣрна. Челобитчики (просители) выходили изъ Круга всегда удовлетворенными. Нужно замѣтить что никто не осмѣливался беспокоить это высшее народное учрежденіе пустыми просьбами или корыстными тяжбами. Въ кругу искали только правды и находили ее. Дѣла рѣшались, на основаніи стараго казачьяго народнаго права, по большинству голо- совъ. Въ основаніе своихъ рѣшеній Кругъ всегда полагалъ одну изъ евангельскихъ заповѣдей, этой, во вѣрованіямъ и убѣжденіямъ каза-

²⁸⁴ Сохранилась древняя казачья поговорка: „кто развизалъ языкъ, тотъ вложилъ саблю въ ножны“; или „отъ лишннихъ словъ слабѣютъ руки“.

ковъ, безусловной истинѣ, вполне примѣнимой къ ихъ своеобразному военному быту. Такъ, напримѣръ, въ войсковой грамотѣ 1687 года говорится: „...и били челомъ великому государю и намъ, всему Великому Войску Донскому, въ Кругу вы, атаманы молодцы... а въ челобитѣ своемъ сказали, чтобъ намъ, Войску Донскому, правдѣ вашихъ (свидѣтелей) допроситъ .. И мы, атаманы-молодцы, правдѣ въ Кругу допрашивали по евангельской заповѣди Господней... И мы, атаманы-молодцы, приговорили всѣмъ Войскомъ...“²⁶⁵).

Челобитья по большей части были словесныя. Не рѣдки были примѣры, что какой либо изъ городковъ по своимъ мѣстнымъ вопросамъ не подчинялся рѣшенію Круга, а дѣйствовалъ на свой рискъ и страхъ, напримѣръ, захватывалъ владѣнія другого городка, предпринималъ походы противъ непріятеля, принималъ въ свою среду бѣглыхъ и проч., тогда Войско въ тотъ городокъ слало грамоту съ упрекомъ въ ослушаніи (воровствѣ) и грозило наказаніемъ. Ослушные городки въ такихъ случаяхъ, болшею частью, приносили повинныя и дѣло кончалось миромъ. При упорствѣ на ослушный городокъ или на отдѣльныхъ лицъ (воровъ) налагалась войсковая пеня, состоявшая въ томъ, что они лишались расправы въ Войскѣ; или: „и на томъ ослушникѣ наша войсковая пеня: вѣкъ бить и грабить и суда ему въ Войскѣ не будетъ“, т. е. онъ не могъ уже имѣть защиты въ Войсковомъ Кругу и ему поневолѣ приходилось бѣжать съ Дону, или приносить повинную.

Въ Войсковомъ Кругу рѣшались дѣла, только касающіяся всего Войска, какъ-то: выборы войскового атамана, есауловъ, войскового писаря или дьяка, духовенства войскового собора, приемъ въ казаки инновѣрцевъ и бѣглыхъ крестьянъ, объявлялись походы, дѣлили добычу, принимали царскихъ пословъ и царское жалованье, разсматривали дѣла по преступленіямъ противъ всего войска, противъ вѣры и др. Высшимъ наказаніемъ, напримѣръ, за измѣну, предательство и проч., была смертная казнь—„въ куль да въ воду“. За другія преступленія сажали въ воду, били, забивали въ колодки и т. п.

Войсковой Кругъ называлъ себя *Всевеликимъ войскомъ Донскимъ*, какое название онъ сохранилъ и до конца первой половины XVIII в.

Каждый городокъ управлялся своимъ кругомъ или сборомъ, во главѣ котораго стояли избираемые на одинъ годъ, какъ и войсковые, атаманы и есаулы²⁶⁶). Тотъ и другой не играли никакой роли въ управленіи данной общины, а были лишь простыми исполнителями рѣшеній круга. Въ станичныхъ кругахъ рѣшались всѣ тяжбыныя дѣла между казаками, какъ-то: личныя оскорбленія, обиды, захватъ чужой собственности, ослушаніе, несоблюденіе постовъ и др. Недовольныя рѣшеніемъ станичнаго круга могли перенести дѣло на судъ Войска, хотя подобныя случаи были рѣдки. Дѣла по обидамъ въ станицахъ болшею частью рѣшались миромъ. Старики заставляли обидчика идти къ обиженному и просить у него прошенія. Если же тотъ упрямился, то нерѣдко самъ атаманъ съ стариками шли къ нему кланялись въ ноги и склоняли на миръ, прося не срамиться и не ѣздить

²⁶⁵ Съ принятіемъ казаками присяги войско Донское въ нѣкоторыхъ своихъ грамотахъ стало употреблять выраженіе „били челомъ великому государю“, т. е. московскому царю, а потомъ уже „и намъ, всему Великому войску Донскому“.

²⁶⁶ Съ 1687 г. названіе „городокъ“ замѣняется словомъ станица, хотя кой гдѣ еще сохраняется прежнее названіе. Съ 1704 г. названіе казачьихъ поселеній станицами дѣлается общинн.

въ г. Черкасскъ на судъ Войскового Круга т. к. безпокойство это высокое учрежденіе мѣстными кляузниками и спорами считалось ниже казачьей чести и вызывало справедливыя насмѣшки и нареканія со-сѣднихъ станицъ. Кляузники не пользовались уваженіемъ среди казачества. Судъ Войскового Круга въ XVII вѣкѣ считался послѣдней инстанціей и ему обязаны были подчиняться всѣ. Случаи неподчиненія были очень рѣдки и проявлялись не среди природныхъ казаковъ, а случайнаго элемента, попавшаго на Донъ и принятаго въ казаки, какъ то: выкрестовъ изъ татаръ, турокъ и черкесовъ, бѣглыхъ крестьянъ и друг. Такіе нечистокровные казаки на Дону назывались „тумой“²⁶⁷⁾

Войсковою Кругъ всегда собирался на открытой площади—май-данѣ; всѣ участники его, образовавъ изъ себя Кругъ, стояли на ногахъ, снявъ шапки, въ знакъ почтенія къ мѣсту и важности дѣла. Войсковою атаманъ подъ бунчуками, сопутствуемый есаулами, держа въ рукѣ „насъку“ (трость) съ серебрянымъ „набалдашникомъ“, а въ важныхъ военныхъ случаяхъ „перначъ“, выходилъ на средину Круга, снималъ свою „трухменку“ и кланялся на всѣ стороны²⁶⁸⁾. Въ это время есаулъ „зычно“, поднявъ свою трость, обыкновенно кричалъ: „Па-ай-помолчи, атаманы молодцы, атаманъ (или „нашъ войскозой“) трухменку гнетъ!“ Все стихало. Атаманъ дѣлалъ докладъ Кругу. Если вопросъ касался избранія новаго атамана, за окончаніемъ годичнаго срока, то атаманъ клалъ на землю „трухменку“ и на нее насѣку, кланялся Кругу и благодарилъ за довѣріе. Новъ избранный атаманъ принималъ насѣку и благодарилъ за избраніе. Каждый казакъ въ Кругу имѣлъ свободный голосъ, равный со всеми. Войсковые Круги иногда были шумны и буйны; нерѣдко дѣло доходило до сабель. Отходявшій срокъ атаманъ становился въ ряды казаковъ и никакими преимуществами не пользовался.

Войсковою писарь или дякъ избирался изъ среды самыхъ грамотныхъ и умнѣйшихъ казаковъ, а потому эта должность считалась почетной; кромѣ него никто не имѣлъ права писать и посылать бумагу отъ Войска. Власти онъ никакой не имѣлъ.

Войсковою атаманъ, являясь простымъ исполнителемъ воли народа и блюстителемъ порядка, по собственному произволу ничего предпринять не могъ, иначе онъ рисковалъ съ позоромъ лишиться своего достоинства, а иногда и съ опасностью для жизни.

Войсковые есаулы (два) были помощниками и исполнителями приказаній атамана и Круга.

Собираясь въ походъ, казаки избирали изъ своей среды походнаго атамана. Отрядъ раздѣлялся на сотни и полусотни. Походный атаманъ былъ главный военноподначальникъ отряда съ неограниченной властью. Сотни вѣрялись избраннымъ сотникамъ и пятидесятникамъ. Есаулы исполняли приказанія атамана. По окончаніи похода всѣ эти

²⁶⁷⁾ Тума есть слово черкесское, означющее *приблудный*, случайно или по рожденію попавшій въ чужую среду. Тумой на Дону называли выкрестовъ изъ татаръ и турокъ или рожденныхъ отъ нихъ.

²⁶⁸⁾ Насѣка—прямая палка, на которой были сдѣланы насѣчки, когда она еще росла на корню, по числу лѣтъ, атаманскихъ служеній, съ самаго возникновенія войска.

Перначъ—булава, мѣдная или серебряная, съ острыми шишками на утолщенномъ, шаровидномъ концѣ. Перначъ отъ слова *переть*, поирать, бить. Это орудіе нападенія, употреблявшееся еще *блглыми богатырями*. Донскіе атаманы перначъ употребляли иногда въ битвахъ, а иногда съ нимъ выступали и въ военныхъ кругахъ.

Трухменка—сѣрая папахъ изъ туркменскаго курпьяка съ краснымъ шлькомъ.

избранныя лица слагали съ себя званія и становились въ ряды простыхъ казаковъ.

Оружіе казаковъ состояло изъ малыхъ пушекъ, рушницъ или мищелей, пистолей, копій и сабель. Все это пріобрѣталось покупкой или добычей у непріятеля. Порохъ они отчасти выдѣлывали сами, а вполнѣдствіи, при наладившихся сношеніяхъ съ русскими царями, за военную помощь послѣднимъ, получали его, какъ и свинець и ядра, изъ Москвы. Успѣхъ казакамъ въ битвахъ съ непріятелемъ давали, главнымъ образомъ, быстрота и внезапность нападенія, сопровождаемая всегда особой, неподражаемой казачьей хитростью, приводившей врага въ недоуміе. Стойкость и вѣрность другъ другу были безупречны. Быстротѣ сухолутныхъ походовъ способствовали дивныя казачьи степныя лошади, не знавшія усталы и легко перелдывавшія самыя широкія рѣки. Опытные и смѣтливые слѣдопыты по степямъ и по татарскимъ сакмамъ, казаки старались дѣлать нападенія на непріятеля ночью и заставятъ его врасплохъ²⁸⁰). Но если вынужденной бой принимали въ открытомъ мѣстѣ и съ малыми силами, то слѣшивались, ложились въ каре и отстрѣливались, прикрывшись своими лошадьми. Къ этому способу они прибѣгали только въ самыхъ крайнихъ обстоятельствахъ, когда не было другого спасенія; въ противномъ случаѣ они разсыпались врозь и исчезали въ степи. Овраги и горы, рѣки и болота ими ставились ни во что. воины и кони всѣмъ умѣли пользоваться. Разсыпавшись врозь, они въ условленномъ мѣстѣ, болѣе защищенномъ, вновь соединялись въ партіи и внезапными новыми наскоками безошадно мстили врагу. Переправы черезъ рѣки — понтонъ изъ луковъ камыша, на который клали сѣдла и оружіе, а сами съ конями пускались вплавь. Это называлось у казаковъ переправляться на салазѣ.

Морскіе походы или поиски казаковъ поражаютъ своей смѣлостью и умѣньемъ пользоваться всякими обстоятельствами. Бури и грозы, мракъ и морскіе туманы для нихъ были обычными явленіями и не останавливали ихъ въ достиженіи задуманной цѣли. Въ легкихъ стругахъ, вмѣщавшихъ человекъ отъ 30 до 80, съ обшитыми камышемъ бортами, безъ компаса, они пускались въ Азовское, Черное и Каспійское моря, громили приморскіе города вплоть до Фарабада и Стамбула, освобождали своихъ плѣнныхъ братьевъ, смѣло и дерзко вступали въ бой съ хорошо вооруженными турецкими кораблями, сбѣливаясь съ ними на-абардажъ, и почти всегда выходили побѣдителями. Разметанные и носимые бурей по волнамъ открытаго моря, они никогда не теряли своего пути и при наступленіи затишья вновь соединялись въ грозную летучую флотилію и наслились къ берегамъ Колхиды или Румелии, приводя въ трепеть грозныхъ и непобѣдимыхъ по тому времени турецкихъ султановъ въ ихъ собственной столицѣ — Стамбулѣ.

Соль и оружіе, серебро и золото, товары и драгоценныя каменья, а также и прекрасныя черноокія плѣнницы ясырки, — все было ихъ добычей. Въ схваткахъ и битвахъ казаки были безошадны и жестоки: они мстили туркамъ и крымцамъ за безчеловѣчное обращеніе и угнетеніе христіанъ, за страданіе своихъ плѣнныхъ братьевъ-казачковъ.

²⁸⁰) Сакмы — древнее казачье названіе слѣдовъ, тропинокъ по травѣ, какъ и сакмы — переметная сумы — это послѣдніе Азовъ — Сакость. Въ татарскій языкъ перешла слова: сакъ — осторожный, сакаль — борода, корсакъ — брюхо, саксаулъ и др.

за вѣроломство и за не соблюденіе мирныхъ договоровъ. „Казакъ покланяется душою христіанскою и стоитъ на своемъ, а туро ъ покланяется душою магометанскою и солжетъ“, — говорили казаки. Стоя твердо другъ за друга, „*всѣ за одного и одинъ за всѣхъ*“, эзъ свое древнее *казацье братство*, казаки были неподкупны; предательство среди нихъ, среди природныхъ казаковъ, не было. Попавше въ плѣнъ тайнъ своего братства не выдавали и умирали подъ пытками смертью мучениковъ-героевъ.

Въ первый день осады Азова 24 іюня 1641 г. турки предложили казакамъ сдать крѣпость безъ боя, указывая на то, что имъ помощи отъ русскаго царя ожидать нельзя и устоять противъ ихъ превосходящихъ силъ невозможно обѣщая выдать за сдачу тотчасъ 12.000 червонныхъ и по выступленіи еще 30.000. На это доныи гордо отвѣчали: „Сами волею своею взяли мы Азовъ, сами и отстаивать его будемъ; помощи, кромѣ Бога, ни отъ кого не ожидаемъ; прельщеній вашихъ не слушаемъ и хотя не оремъ и не сѣемъ, но также, какъ птицы небесныя, сыты бываемъ. Жень же красныхъ и серебро и злато емлемъ мы у васъ за моремъ, что и вамъ вѣдомо. Будемъ и впредь также промышлять; и не словами, а саблями готовы принять васъ, невзванныхъ гостей“.

Въ этой страшной титанической битвѣ, длившейся до 26 сентября, когда казаковъ пало около половины (до 3.000), а турокъ до 50 тыс., когда храбрые защитники родного города, отчаявшись на побѣду, измученные и изурнуенные рѣшили умереть всѣ, до одного человѣка, но не сдаваться, покусеній на предательство или измѣну среди нихъ не было, да и не могло быть. Казаки въ два вѣка (XVI и XVII) своей боевой жизни въ борьбѣ съ турками и татарами, предателей не знали. Перебѣжчикамъ и выкрестамъ они не довѣряли и держали ихъ на учетѣ. Таковы были казаки стараго времени.

Добывъ *зипуны* за моремъ, казаки въ обыденной жизни были просты и наивы, какъ дѣти, набожны, суевѣрны, въ своемъ общежитіи привязаны другъ къ другу, какъ братья, гнушались воровствомъ и дѣлились между собой послѣдней крохой хлѣба, послѣднимъ достояніемъ. Трусовъ презирали и первѣйшими добродѣтелями считали: *чужомудріе и храбрость*²⁷⁰).

Къ туркамъ и особенно къ азовцамъ казаки относились съ презрѣніемъ; они считали даже безчестнымъ просить у нихъ мира и установили правило никогда не начинать первымъ переговоровъ о перемиріи, говоря: „мы даемъ миръ, а просить его намъ не пригоже“. Вѣроломство считали не достойнымъ чести казака и всегда, вынужденные начать противъ азовцевъ военныя дѣйствія, посылали имъ *различную* такого содержанія: „Отъ донскаго атамана и всего войска азовскому пашѣ (имя его) проздравленіе. Для дѣла великаго нашего государя мы были съ вами въ миру; нынѣ же все войско приговорили

²⁷⁰ Сваряжась въ походѣ, казаки говорили: *идемъ зипуны добывать*, отсюда назывались *зипунниками*. *Зипунъ*—видоизмѣненное *жупанъ*, польскій цвѣтной кафтанъ. Слово это древнее, встречающееся во многихъ южно-славянскихъ нарѣчіяхъ и въ языкѣ сайванъ (саковъ)—видусовъ: гопанъ, панъ, банъ, чепанъ, жупанъ—воевода. Гопанъ (сайванское)—воевода, вѣрнѣе—старство. Зипунъ или жупанъ—панская верхняя одежда.

съ вами миръ нарушить; вы бойтесь насъ, а мы васъ станемъ остерегаться. А се письмомъ и печатью войсковымъ»²⁷¹).

При заключеніи непрочнаго мира казаки, по издавна заведенному обычаю, утвержденному даже указомъ турецкаго султана, брали каждый разъ съ азовцевъ извѣстное число котловъ, соли, сѣтей и по тысячи золотыхъ.

Въ мирныя условія обыкновенно включали, чтобы казакамъ *чрезъ замирныя мѣста* не ходить на море, а азовцамъ на русскую Украину и казачьи городки. Иногда азовцы выговаривали, чтобы казаки всегда извѣщали ихъ о томъ, что будетъ писано въ грамотахъ русскаго царя на Донъ, обязываясь въ свою очередь увѣдомлять войско о намѣреніяхъ султана и крымскаго хана. Но казаки никогда не выдавали недругамъ своихъ тайнъ, хотя подробно знали о всѣхъ азовскихъ и крымскихъ дѣлахъ, отчего и сложилась на Дону пословица: *«разказывай донскому казаку азовскія вѣсти»*.

Вѣсти эти казаки знали *чрезъ прикормленныхъ людей* изъ среды самихъ азовцевъ. Всякое сообщеніе, какимъ бы путемъ оно не было добыто, тщательно провѣрялось, показанія прикормленниковъ сличались съ показаніями плѣнныхъ и добытыхъ *языковъ* и въ итогѣ всегда выходило такъ, что казаки почти никогда не ошибались въ истинныхъ намѣреніяхъ своихъ враговъ, принимали своевременно къ тому мѣры и извѣщали о томъ Москву *вѣстовыми станциями*. Словомъ, Донъ представлялъ тогда живую газету всѣхъ новостей, хотя и секретныхъ,

²⁷¹) Древняя войсковая печать была съ изображеніемъ бѣгущаго оленя, пораженнаго стрѣлой, съ надписью: «Печать войсковая, олень пораженъ стрѣлою». (Ригельманъ. Стр. 142.) Изображеніе этой печати можно видѣть въ Донскомъ музеѣ на старыхъ актахъ. Древняя печать Запорожскаго войска—бѣгущій олень, котораго догоняетъ пушечная стрѣла. Печать Буго-Гардовской паланки—стоящій олень, за которымъ въ наклонномъ видѣ копье, остриемъ вверхъ. На діадемѣ княжеской царицы, найденной въ 1864 г. въ курганѣ Холцбахъ, гдѣ нынѣ главный бассейнъ г. Новочеркасска изображены олени. Печать есть эмблема, характеризующая историческую жизнь и дѣятельность народа. Неужели жизнь и дѣятельность казачества состояла только въ охотѣ на оленей? Нѣтъ. Происхождение этой эмблемы нужно искать гораздо глубже, древнѣе. Диана была въ глубокой древности богиней Пріазовья. Культъ поклоненія ей Геты-Руссы (Этруски) изъ Пріазовья занесли въ Италію за 12 в до Р. Х. (Ист. Казач., стр. 70—112.) Диана была богиня цѣломудрія, охранительница лѣсовъ и звѣрей береговъ Азовскаго и Чернаго морей. Нѣкто Актеонъ, сынъ Аристея, охотникъ иностранецъ, случайно увидѣлъ наготу богини во время купанья, за что разгнѣванная дѣвственница обрѣла его въ оленя и пустила въ него свою смертоносную стрѣлу. Древнее казачество представляло изъ себя военный орденъ, высшими добродѣтелями котораго были храбрость и цѣломудріе. Нарушеніе цѣломудрія каралось смертью. Казачество знало, изъ преданій, о своемъ древнемъ, до-историческомъ происхожденіи и сохранило въ памяти народную мѣю о своей дѣломудренной богини Дианѣ и о наказанномъ нарушителѣ этой добродѣтели Актеонѣ. Следовательно, эмблема, изображенная на казачьей войсковой печати, гласитъ: *«Казакъ, будь цѣломудріе, иначе будешь наказанъ, какъ Актеонъ»*. Что цѣломудріе на Дону считалось великой добродѣтелью въ древнія времена, можно судить еще по слѣдующему разсказу Цесва-Влаутаря, историка I вѣка (Танансы. Гл. XIV, 1—2) *«У одного героя богатыря Беросса (Бе-россъ) отъ амазонки Лисиппы родилась сыновъ, котораго звали Танансомъ (Танъ, Данъ, Донъ) Танансъ, возмужавъ, сталъ проявлять великія военныя способности и поклонялся одному богу Марсу, далъ обѣтъ цѣломудрія. (Марсъ Ма-росъ, великій Россъ, богъ Пріазовья, культъ поклоненія которому Геты-Руссы занесли въ Италію. (Ист. казачества* стр. 70—112). Но завистливая Венера возбудила въ немъ любовь къ зоботвенной матерн. Танансъ долго боролся съ своею страстью, но, наконецъ, больше не могъ владѣть собой и, желая остаться невиннымъ, бросился въ р. Амазоній, отчего послѣдняя и получила названіе Тананса, т. е. Дона»* Эта легенда ясно характеризуетъ древнее казачество, какъ дѣвственниковъ и поклонниковъ бога Марса или Арея, т. е. бога войны.

Съ войсковой печатью посылались грамоты по Войску, иногда безъ всякой скрѣпы, т. е. подписи, что принималось *«за повелѣніе Войска»*.

о южныхъ сосѣдяхъ Россіи, и сюда присылали за всѣми вѣстями изъ русскихъ украинскихъ городовъ, Запорожья, Астрахани, Царицына и друг. мѣсть.

Многіе историки, не понимая духа казачества, этихъ идейныхъ борцовъ за вѣру и свободу личности, рыцарей въ полномъ значеніи этого слова, ничего общаго съ западными рыцарскими орденами, этими угнетателями мирнаго земледѣльческаго люда, не имѣвшими, упрекаютъ ихъ въ корысти, жадности къ наживѣ, грабежамъ. Это невѣрно. Однажды турецкій султанъ, доведенный до крайности страшными набѣгами казаковъ, задумалъ купить дружбу войска выдачей ежегоднаго жалованья, вѣрнѣе — ежегодной дани. Султанскій посоль Кантакузинъ въ 1627—37 г.г. употреблялъ къ тому всѣ усилія, но казаки остались непреклонными и только смѣялись надъ этой затѣей, даже сочили подобное предложеніе за оскорбленіе казачьей чести и отплатили новыми набѣгами на турецкія владѣнія. Послѣ этого, дабы склонить казаковъ къ миролюбію, султанъ прислалъ съ тѣмъ же посломъ въ подарокъ войску четыре золотыхъ кафтана, но казаки съ негодованіемъ отвергли этотъ даръ, говоря, что *султанскіе подарки имъ нендобны*.

Походная одежда казаковъ состояла изъ грубаго суконнаго зипуна кавказскаго покроя, подпоясаннаго ременнымъ поясомъ, и широкихъ шароваръ, убранныхъ въ голенища. На головѣ барашковая шапка. Любимыми цвѣтами были синій и красный. Въ свободное же время, въ дни войсковыхъ круговъ, праздниковъ и дружескихъ бесѣдъ или приема пріѣзжихъ гостей, старые донцы любили блестнуть своими дорогими нарядами. Одинъ являлся въ лазоревомъ атласномъ кафтанѣ съ частыми серебряными нашивками и въ жемчужномъ ожерельѣ; другой—въ камчатномъ или бархатномъ полукафтанѣ безъ рукавовъ и въ темно-гвоздичномъ зипунѣ, опушенномъ голубою камкою съ шелковою гвоздичнаго цвѣта нашивкою; третій—въ камчатномъ кафтанѣ съ золотыми турецкими пуговками, съ серебряными позлащенными застежками и лазоревомъ *настрафьяльномъ* зипунѣ. У всѣхъ шелковые турецкіе кушаки, съ висящими булатными ножами съ костяными черенками рыбаго зуба, въ черныхъ ножнахъ, оправленныхъ серебромъ, въ красныхъ или желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ, въ куньихъ шапкахъ съ бархатнымъ краснымъ, со шлыкомъ, верхомъ. Пировали на разостланномъ узорчатомъ коврѣ, лежа на шелковыхъ подушкахъ, шитыхъ золотъ и серебромъ по червчатому атласу. По срединѣ становили серебряныя чаши съ виномъ, изъ которыхъ черпали серебряными чарками и ковшами. Въ кругу близкихъ друзей часто снимали верхніе наряды, оставаясь въ однихъ тафтяныхъ рубашкахъ. При до стороннихъ же, въ особенности въ присутствіи московскихъ бояръ и дворянъ, желая показать пренебреженіе къ своимъ богатымъ нарядамъ, сановитые воины садились въ кружокъ посреди грязной улицы, какъ на мягкомъ коврѣ, и продолжали свою *бесѣду*. Накормить и напоить и, главнымъ образомъ, виномъ пріѣзжаго считалось священной обязанностью каждаго казака ²⁷²⁾.

Все свободное время старики проводили въ станичной *набѣ* или на майданѣ, играя въ шахматы и зерны, плели сѣти, вели рассказы о своихъ походахъ и пѣли былины-пѣсни о подвигахъ предковъ, а мо-

²⁷²⁾ Общежитіе Донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII стол. В. Д. Сухорукова. Изд. А. Корниловича. 1824 г.

лодые на площади близъ майдана играли въ бабки или кости (ладышки). Игра эта считалась самою любимою у казаковъ съ древнѣйшихъ временъ. При этой игрѣ развивалась такая мѣткость въ бросаніи плоскихъ, округленныхъ или квадратныхъ камешковъ въ поставленныя въ рядъ ладышки, что казаки могли ими убивать и птицъ и зайцевъ на значительное разстояніе.

Въ походахъ, пограничныхъ городкахъ и на кардонахъ казаки вели жизнь холостую и строго соблюдали между собой цѣломудріе. Казачье товарищество для продовольствія раздѣлялось по *срмамъ*, въ которыхъ хранились казачкія *тарчи*, какъ въ Запорожѣ казаки раздѣлялись по *казанамъ*, а въ 1-й половинѣ XIX в. въ казачьихъ полкахъ по кашамъ (артелямъ). Вотъ почему близкихъ друзей и сослуживцевъ и теперь еще называютъ *односумами*, а жены ихъ другъ другу односумками.

Въ удаленныхъ отъ границы городкахъ казаки жили семейной жизнью.

Объ обрядахъ брака казаковъ на майданѣ, заимствованныхъ у новгородцевъ, уже было говорено на стр. 160 и 161; теперь коснемся обыденной семейной жизни донского казачества г. Черкаска и другихъ населенныхъ мѣстъ, удаленныхъ отъ границы.

Въ XVI и въ первой половинѣ XVII в. власть мужа надъ женой была неограничена. Это вліяніе востока. Бракъ заключенный на майданѣ, даже скрѣпленный вѣнчаніемъ въ церкви, былъ непочтенъ и мужъ всегда имѣлъ право вывести свою жену вновь на майданъ и сказать: „атаманы молодѣ! она была мнѣ услужливая и вѣрная супруга; теперь она мнѣ не жена, а я ей не мужъ“. Тѣмъ дѣло развода и оканчивалось. Отказанную жену тутъ же могъ взять другой, прикрывъ ее полой платья и публично заявить: „ты будь мнѣ жена“ а она должна отвѣтить „ты будь мнѣ мужъ“ и поклониться избраннику ее въ ноги въ знакъ подчиненія. Но несмотря на все это въ военное время при нападеніи враговъ на казачьи городки, жены казаковъ брались за оружіе и становились въ ряды защитниковъ своей родины, дѣлаясь такимъ образомъ вполне полноправными членами казачьей военной общины. Казаки дѣлили семейную жизнь и къ женатымъ относились съ большимъ уваженіемъ, и только постоянныя военные походы заставляли ихъ быть холостыми. Развратниковъ, какъ давнѣе объѣтъ цѣломудрія, холостые казаки въ своей средѣ не терпѣли. Развратники наказывались смертію. Ермакъ требовалъ отъ своихъ сподвижниковъ полнаго цѣломудрія. Степанъ Разинъ на Волгѣ велѣлъ бросить въ воду казака и бабу за нарушеніе цѣломудрія, а когда ему самому напомнили о томъ же, то онъ бросилъ въ Волгу лѣтнюю персидскую княжну. Рожденного младенца холостые станичники нянчили всѣ, и когда у него показывался первый зубокъ, всѣ наперерывъ приходили смотрѣть его, и восторгамъ этихъ закаленныхъ въ бояхъ воиновъ не было конца. Таковы были казаки стараго времени: страшные и безнощадные въ бояхъ съ врагами ихъ вѣры и гонителями христіанства и простые и чуткіе, какъ дѣти, въ обыденной жизни. При крещеніи младенца всѣ молились и пировали, пировали и молились о дарованіи рожденному казаку здоровья и казацкой удали и крѣпости.

Въ концѣ XVII в. хсяйки и особенно пожилыя стали уже пробѣгать большее вліяніе въ домашнемъ быту и частенько одушевляли

бесѣды старыхъ рыцарей своимъ присутствіемъ и когда тѣ увлекутся — своимъ вліяніемъ. Жены домовитыхъ казаковъ и старинныхъ нерѣдко одиѣ собирались на свои „бабы“ бесѣды съ сладкимъ медомъ и пѣвн-
стымъ донскимъ виномъ, которое разносили веѣмъ *собесѣдницамъ* пѣв-
ныя турчанки-ясырки.

Старочеркасскіе *матроны* — типъ красавицъ, вѣками сложившіяся, какъ естественный подборъ, изъ пѣвннхъ черкешенокъ и турчанокъ, поражаѣт своей милодидностью и привлекательностью. И вотъ такая-то матрона, воспитавшая своей грудью не одного казака рыцаря, на своихъ *бесѣдахъ*, держа въ одной рукѣ стаканъ съ пѣвнстымъ виномъ или медомъ, а другой, взявшись подъ *крутой бокъ* и пристукивая каблуками желтыхъ туфель, въ шелковомъ съ цвѣтами кубелекѣ, подпоясанномъ жемчужнымъ поясомъ, въ цвѣтныхъ шелковыхъ шароварахъ, ходила по комнатѣ, припѣвая: „*Турѣли къ милому глядятъ, полюбить его хотятъ*“.

Таковы были матери и воспитательницы грозныхъ донскихъ рыцарей стараго времени. Люди богатыря, какъ матери, такъ и отцы.

Дѣвушки казачки въ станицахъ пользовались полной свободой и росли вмѣстѣ съ своими будущими мужьями. Чистота нравовъ, за которою слѣдила вся казачья община, была достойна лучшихъ временъ Рима, гдѣ для этого избирались изъ семьихъ благопачежныхъ гражданъ особые цензоры. Въ столицѣ же донскаго казачества, въ такъ называемомъ домовитомъ и старинномъ кругу, за благоправіемъ дѣвушекъ была, подъ вліяніемъ *московщины*, заведенъ особый надзоръ. Съ 13 лѣтъ онѣ брались подъ опеку мамушечь и нянюшекъ и воли ихъ ограничивалась самымъ строгимъ приличіемъ. Только на однихъ свадебныхъ празднествахъ онѣ могли быть вмѣстѣ съ мужчинами, въ остальное же время проводили въ одиночествѣ въ кругу своихъ подружекъ чеберокъ²⁷³). Шили кубелеки (варядное женское платье), вышивали кафтаны, выстигивали одѣяла, ожерелья, но праздникамъ играли въ кремущки, жмурки, пѣли и плясали подъ пѣсни, варганъ и гребешокъ, *водили* подъ при-
смотромъ бабушекъ танки (хороводы) и т. п. Грамотность ограничивалась чтеніемъ акафистовъ, каноновъ и пр. Къ началу XVII в. эта затворническая жизнь городевой женщины постепенно ослабла и она стала появляться на улицахъ и принимать участіе въ общественной жизни. Къ чести донскихъ женщинъ-хозяекъ надо отнести ихъ заботливостею о чистотѣ своихъ жилищъ и опрятности въ одеждѣ. Эта отличительная черта въ характерѣ донской женщины сохраняется и до сего времени.

Татарскій языкъ былъ въ большой модѣ какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ *бесѣдахъ*.

Почтенно къ старшимъ и въ особенности испытаннымъ въ бояхъ воинамъ была обязанностью для молодого поколѣнія. Молодежь не имѣла права садиться въ присутствіи стариковъ.

Военныя игры за городомъ и стрѣльба въ цѣль были любимыми занятіями молодежи въ свободное время. Эти упражненія развивали такую мѣткость въ стрѣльбѣ, что многіе изъ казаковъ могли на значительномъ разстояніи выбивать пулею изъ рукъ монету, зажатую между

²⁷³ Чеберка, себерка, себры, набра — слово древне овгородск. псковское встрѣчаемое въ древнихъ актахъ, а на Дону даже до послѣдняго времени; въ особенности въ 1-мъ Донскомъ округѣ. Корень этого слова происходитъ отъ *себъ*, каждый самъ по себѣ, сидящій на своей части, займкъ. Въ древнемъ Псковѣ *сыбры* — сидящие или владеющіе своей частью общественнаго имущества. Себро — моя часть, шагры — сосѣди, чеберка — товарка, подруга.

пальцевъ, не задѣвъ руки. Казакъ рождался воиномъ; съ появленіемъ на свѣтъ младенца, начиналась его военная школа: новорожденному всѣ родные и *односумы* отца приносили въ даръ *на зубокъ* ружье, патронъ пороха и пулю, лукъ и стрѣлу; даренныя вещи *равѣш*ивались на стѣнѣ, гдѣ лежала родильница съ младенцемъ. По истеченіи сорока дней, послѣ того, какъ мать, взявъ очистительную молитву, возвращалась домою, отецъ надѣвалъ на ребенка саблю, подстригалъ ему волосы въ кружочекъ и сажалъ на лошадь, а потомъ возвращая сына матери, поздравлялъ съ *казакомъ*. Когда же *прѣрѣз*ывались у новаго казака зубы, отецъ и мать сажали его внѣсь на лошадь и везли въ церковь служить молебень Ивану воину. Первыми словами малютки были *чу* и *пу* (понукавъ лошадь и стрѣлять). Трехлѣтніе дѣти уже свободно ѣздили на лошадяхъ по двору, а въ 5 лѣтъ скакали по степи²⁷⁴). Р.р. Донъ и Донецъ для дѣтей казаконъ были родной стихіей: въ нихъ они купались и плавали, какъ утки, съ младенческихъ лѣтъ, катались въ *каюкахъ* и баркасахъ (*лодкахъ Азовъ*), пріучаясь быть отважными и храбрыми моряками.

Долины Дона и Донца, а также ихъ притоковъ въ старое время представляли изъ себя полную чашу всякихъ природныхъ богатствъ, были полны изобиліемъ; въ лѣсахъ, покрывавшихъ долины, росли дикія яблони, груши, черешни, орѣхи, терны; въ землѣ всякіе сладкіе коренья, въ садахъ виноградники, дававшіе сладкія шипучія вина. Широкія степи и густые лѣса были естественнымъ убѣжищемъ и хранилищемъ дикихъ звѣрей и птицъ. Донъ, о которомъ казаки говорили, что у него золотое дно, а также и другія рѣки кишмя-кишели рыбой, съ которой не могли сравниться по вкусу рыбы Волги и Днѣпра. Осетръ, бѣзуга, северуга, стерлядь, сазанъ, сула (судакъ), сельдь и въ особенности тарань водились въ такомъ изобиліи, что ихъ во время хода можно было брать руками или засѣкать саблями и закалывать копьями.

Казаки, какъ народъ военный, всегда готовый поголовно выступить на защиту родины, чуждались земледѣлія и говаривали: „Кормить насъ, молодцовъ, Богъ, какъ птицъ небесныхъ. Мы не седемъ и не собираемъ въ житницы, а всегда сыты бываемъ“. Любимымъ ихъ промысломъ въ свободное отъ войны время была охота или *гулеба*. *Гулебичики* отрядами человекъ по ступе рыскали по здонскимъ степямъ, пробирались даже на Куму и Кубань. Тамъ они иногда stalkивались съ когайскими и черкесскими наѣздниками и привозили вмѣстѣ съ убитыми звѣрями плѣнныхъ ясирокъ или черкесскихъ узденей, а также пригоняли ихъ табуны лошадей и стада рогатаго скота.

Привольная и братская жизнь сильно привязывала казаконъ къ родинѣ. Они любили свой Донъ и называли его *батюшкой* и *кормильцемъ родимымъ*.

Въ плѣну или на чужбинѣ, умирая сраженный вражеской пулей, казакъ всегда мысленно взывалъ къ своему кормильцу: „Прости, мой батюшка Тихій Донъ Ивановичъ! мнѣ по тебѣ теперь не ѣздити, дикаго звѣря не стрѣливати, вкусной рыбки не лавливати“. Эта же страстная любовь къ своему кормильцу Дону связывала во всѣхъ старинныхъ плѣникахъ и даже въ войсковыхъ грамотахъ по Дону и отпискахъ въ Москву. Даже въ соседнихъ странахъ, гдѣ лежатъ кости павшихъ геройскою смертью донцовъ, защищавшихъ честь Россіи, какъ-то: въ Финляндіи, Швеціи, островахъ Балтійскаго моря, Ливоніи и др., и теперь

²⁷⁴) „Общезнатіе Донскихъ казаконъ въ XVII и XVIII ст.“.

существуют древнія легенды о томъ, что во время ночныхъ осеннихъ бурь, когда вся сѣверная природа стонетъ отъ непогоды, донскіе витязи встають изъ своихъ забытыхъ ихъ потомствомъ могилъ, садятся на своихъ боевыхъ коней и съ воємъ и стономъ несутся въ облакахъ на родимый имъ Донъ. Тяжело имъ лежать въ сырыхъ могилахъ на чужой сторонѣ вдали отъ своего кормильца Тихаго Дона Ивановича. Свободныя и пылающія старымъ казачьимъ огнемъ ихъ души сизшатъ сѣяться со своимъ *братствомъ-товариществомъ* и просятъ перенести ихъ кости на дорогу родину. Многіе изъ сѣверныхъ жителей не разъ во время бурь видѣли это явленіе, какъ казаки, прижавъ къ луку, съ длинными пиками и сверкающими саблями неслись на своихъ боевыхъ коняхъ среди волнующихся грозовыхъ тучъ на теплый югъ, и отъ суетѣрнаго страха прятались въ свои убогія хижины.

Такова была любовь къ Дону старыхъ донскихъ казаковъ.

Казаки отъ природы были народъ религіозный, безъ ханжества и лицемерія: клятвы соблюдали свято и данному слову вѣрны. Все историческіе акты объ этомъ свидѣлствуютъ положительно. Чтили праздники Господни и строго соблюдали посты.

Во время „*Азовскаго сидѣнья*“ въ 1641 г., казаки дали клятву другъ другу лечь костымъ, но не сдавать древній свой городъ сильному врагу, и свято исполнили свою клятву. Во время этихъ титаническихъ битвъ, усталые и обезсилевшие отъ бессонныхъ ночей, съ обожженными лицами отъ порохового огня и дыма они, любящая носимую по ихъ рядамъ древнюю икону Іоанна Предтечи, плакали, какъ дѣти, и просили святого угодника Божія защитить ихъ древнюю родину отъ агарянскихъ полчищъ. Тогда же они дали обѣтъ построить въ гор. Черкасскъ деревянную церковь во имя Воскресенія Христова и исполнили это обѣщаніе въ 1653 г. Въ 1670 г., въ виду скученности построекъ, большею частью деревянныхъ, церковь эта вмѣстѣ съ многими домами сгорѣла. Черезъ два года выстроена была новал, но и эта сгорѣла въ 1687 году. Тогда казаки рѣшили построить въ г. Черкасскъ двѣ новыхъ церкви, но уже каменныхъ, одну во имя св. апостоловъ Петра и Павла, оконченную въ 1692 г., другую соборную во имя Воскресенія Христова, оконченную въ 1719 г.; эти церкви существуютъ и до нынѣ.

Въ 1656 г. донскіе казаки, находясь въ царскихъ войскахъ въ Польшѣ, взяли подъ гор. Вильною на р. Вилинъ древній православный образъ Богородицы Одигитрии, животворящій крестъ, евангеліе и книги и все это съ великимъ торжествомъ привезли въ г. Черкасскъ, гдѣ въ честь этой иконы была по обѣту казаковъ построена церковь. Вскорѣ многимъ казакамъ было видѣніе: Богородица просила отвести ея икону обратно въ г. Вильну, гдѣ она стояла уже много вѣковъ. Казаки сначала этому не вѣрили, но когда въ 1661 г. они, возвращаясь съ моря, были на р. Тузловѣ окружены крымскимъ царевичемъ и безнадежно отбивались въ теченіе нѣсколькихъ дней въ окопахъ, явленія повторились: Божія Матерь вновь просила поставить ея икону на старомъ мѣстѣ, а если они этого не исполнятъ, то имъ не будетъ Божіей помощи. Казаки дали обѣтъ и вмгъ одолѣли враговъ. Вскорѣ икона являлась въ послѣдній разъ казаку Ивану Стародубцу, обѣщая свое заступничество, если казаки исполнятъ своей обѣтъ.

Собрался Войсковой Кругъ и на немъ рѣшили: украсивъ икону Богородицы, съ великою честью отпустить въ Москву; вмѣстѣ съ нею

послать отъ войска станицу съ священникомъ и діакономъ, которые бы ежедневно служили предъ этой иконою Божественную службу ²⁷⁵⁾.

По заключеніи мира съ Польшею икона эта, по желанію казаковъ, была изъ Москвы перевезена въ г. Вильну. Тамъ некрепко вѣрили до-скіе казаки въ помощь Божию и по вѣрѣ ихъ давалось просимое.

Казаки имѣли и свои монастыри, куда престарѣлые и увѣчно болны уходили доживать остатокъ дней своихъ; изъ нихъ извѣстны: Никольскій, ниже Воронежа, въ Борщовѣ, Рождественскій Чериѣвъ въ Шацкѣ и др. Въ монастыри и церкви они жертвовали все свои драгоценности и старались украшать иконы золотомъ, серебромъ и дорогими камнями. Во многихъ доeskіхъ городкахъ были церкви и часовни въ честь любимыхъ ими святыхъ: тамъ, гдѣ осѣли новгородскіе новольники изъ самой свободолюбивой братовщины *никольщины*, по среднему Дону, — во имя св. Николая Чудотворца, котораго они считали своимъ покровителемъ, надѣляя его качествами смѣлости и безстрашия, подобно тому, какъ предки ихъ Геть-Руссы почитали бога Марса; во имя Іоанна Предтечи, въ нижнихъ городкахъ, въ память бывшаго Предтеченскаго храма въ Азовѣ; во имя Покрова Богородицы, въ память взятія казаками г. Казани 1—2 октября 1552 г. ²⁷⁶⁾. Церкви и часовни были не большія, т. е. казаки тщательно скрывали свои городки отъ непріятельскаго глаза и вообще географію своей страны. Даже при проздѣ Дономъ крымскихъ и турецкихъ послы они требовали отъ нихъ свидѣть предъ палубой судовъ или забивали палубы досками и полотномъ, чтобы они не знали дорогъ по Дону и не высматривали, какъ стоятъ ихъ городки, говорили казаки. Городки были расположены большей частью въ островахъ Дона, недоступныхъ для нападеній, и состояли изъ многихъ куреней, виденныхъ изъ хвороста или камыша и обмазанныхъ глиной. Городокъ обоесять тыномъ или землянымъ валомъ съ пушками по угламъ. Курени стояли плотно другъ къ другу безъ всякаго порядка. За городкомъ, иногда за протокою или рукавомъ Дона, устраивались *базы* для загона на зиму скота. Остатки мѣстоположеній этихъ базовъ теперь называютъ *базками*. Казаки гордились своей бѣдностью и однажды подобно древнимъ евреямъ, стѣтнпмъ крымскому хану на угрозу придти опустошить ихъ жилища: „Донскіе казаки угрозы твоихъ не боятся: хотя ихъ городки некорыстны, оплетены прѣтнями и обвѣшены тарномъ; но оставлять ихъ нужно твердыми головами; стадь же и табуновъ у насъ мало, — напрасно забьешься ты въ какую даль“.

Въ 1672 г. только на одномъ Дону считалось до 48 казачьихъ городковъ. ²⁷⁷⁾.

²⁷⁵⁾ „Вѣла Донскія“. Отписка казаковъ, привезенная въ Москву 16 дек. 1662 г.

²⁷⁶⁾ „Исторія казачества“, ч. II, гл. IV—„Новгородскіе новольники на Дону“, стр. 282—283.

²⁷⁷⁾ „Вѣла Донскія“ Показаніе атамана Фрла Минаева въ Носольскомъ приказѣ 7 декабря 1672 г.

„А донскіе де городы состоятъ отъ Коротокъ:

1) Мигулинъ.	11) Сиротинъ-Новой.	21) Ясаудовъ.	29) Ромачовской
2) Тишаской.	12) Сиротинъ-Строй.	22) Зимовейко (нынѣ ст. отемкинская).	30) Каргалы-Верхней
3) Вешки.	13) Иовля.		31) Камышкинъ-Ивановъ.
4) Усть-Хопра.	14) Качалинъ.	23) Нагайкинъ.	
5) Усть-Медвѣдица.	15) Цащинъ.	24) Курманъ-Яръ.	32) Быстрянскій (нынѣ ст. Маринская).
6) Распопанъ.	16) Голубые.	25) Курманъ-Яръ	
7) Каской.	17) Сятинъ.	Нижній.	33) Нижней аргалы.
8) Перекоской.	18) Чирь-Вердней.	26) Терновые.	34) Михалъ-въ (Николаевская станица)
9) Кременской.	19) Чирь-Нижней.	27) Цыма.	
10) Григорьевской.	20) Кабылкинъ.	28) Кумшакъ.	(см. сѣдъ страницу).

Къ концу XVII в. городки были по р. С.-Донцу и его притокамъ: Бахмутскъ, Красной, Жеребцу, Айдару, Лугани, Деркузу и др. Изъ нихъ извѣстны: Бахмутскій, Старо и Ново Айдарскіе, Шулъгинъ, Бѣленскій, Осиповый, Закопный, Кабаній, Сухаревъ, Ревенекъ, Мотыкинъ или Мптыкинъ, Гундари и др. По р. Хопру было 8 город., по Медвѣдицѣ - 17. По картамъ Крюйса, къ 1699 г. казачьихъ городковъ по Дону считалось 84, а всего по р. Дону и его притокамъ болѣе 125.

Глава IV

Бѣглые крестьяне и старообрядцы на Дону.

Крестьянство въ древней Руси, подъ какимъ бы названіемъ оно не встрѣчалось и на какихъ бы земляхъ оно не сидѣло, — казенныхъ, волоостныхъ, княжскихъ, монастырскихъ и другихъ владѣльцевъ, пользовалось полной свободой переходить съ одной земли на другую въ извѣстный срокъ въ году, осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, въ Юрьевъ день, и подчинялось общему суду наравнѣ съ другими сословіями, было обязано платить казенныя подати и отправлять другія государственныя повинности и въ то же время платить оброки и исполнять работы на землевладѣльца.

Въ XVI в. крестьянскія общины получили полное свое развитіе, какъ состоявшія изъ людей свободныхъ и полноправныхъ. Крестьяне (христіане) составляли изъ себя особый самостоятельный классъ. Законъ признавалъ за ними все ихъ права, выработанныя жизнью въ теченіе нѣковъ. Личность крестьянина, какъ полноправнаго члена общества, приобрѣла сильную опору въ равенствѣ суда для всехъ классовъ. Кромѣ того, крестьянскія общины, на какой бы землѣ онѣ не сидѣли, на владѣльческой или казенной, получили такую самостоятельность и такія права собственнаго суда, какими рѣдко пользовались самые богатые и сильные землевладѣльцы, и почти совершенно сравнялись съ городскими обществами, — горожанами, гражданами ²⁷⁸). Самое владѣніе землей получило больше прочности и самостоятельности. Но скоро московскіе государи, начиная съ Ивана III, такъ много сдѣлавшіе для крестьянской самостоятельности, стали мало-по-малу забирать земли въ руки правителя и раздавать ихъ своимъ служилымъ людямъ. лично къ земледѣлю никакого отношенія не имѣвшимъ. Общинныя земли стали неаппетитно ускользать изъ рукъ крестьянъ. Въ прежнее время удѣльные князья получали земли изъ рукъ народа, къ концу XVI в. народъ уже

35) Троицкѣ	} имѣ ст. Богоуказн.	37) Ведерниковъ	} имѣ ст. Константиновская	40) С микаракорскѣ	44) Багай.
36) Кагальникѣ		38) Бабей		41) Рздоры.	45) Манычъ
		39) Гочетовъ.		42) Мелеховъ	46) Черкаской.
				43) Бессергеньевъ.	

Въ этомъ показаніи пропущены город. Золотой, имѣ Златовская станица, и Казанскій. Списокъ населенныхъ мѣстъ, изд. Центр. Ст. Комитетомъ XII. Земля в. Дон. Спб. 1864 г. стр. XXII). См. рил 1—О донскихъ казачьихъ городкахъ.

²⁷⁸ съ члена общины пользовались равными правами и никто не былъ исключенъ изъ права земельной собственности, только бы имѣлъ силъ и средства приобрести и воздѣлать ее. Земельная собственность никогда не была исключительнымъ правомъ привилегированныхъ классовъ. Это явленіе считается отличительной особенностью исторіи России отъ исторіи другихъ государствъ Европы. „крестьянскій вопросъ на Дону“. Стр. 7—11 1907 г. Новочеркасскъ Е. Савельевъ.

стать смотрѣть изъ рукъ царей и, какъ милость, получать отъ нихъ утвержденіе неприкосновенности своихъ правъ. Послѣ покоренія и присоединенія къ Москвѣ Новгорода, Пскова, Смоленска, Рязани, Твери и Каваяи большая часть земель была отдана или на казенный оброкъ, или роздана служивымъ людямъ въ помѣстья, вотчинныя дачи и другія виды владѣнія, т. е. требовались громадные средства на веденіе войнъ съ Литвою, Польшею и Швеціей. Почти всея земли обширнаго Московскаго государства введены были въ тягло. Положеніе крестьянъ сдѣлалось тяжелымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже невыносимымъ, въ особенности тамъ, гдѣ происходили военныя дѣйствія, сопровождавшіяся, по обычаю того времени, страшнымъ грабежомъ и опустошеніями. Но терпеливъ и трудолюбивъ русскій крестьянинъ. Онъ любилъ воздѣлывать имъ землю и лелѣялъ ее. Правомъ перехода съ одной земли на другую онъ пользовался только въ исключительныхъ случаяхъ. Переселенія для него были отяготительны и разорительны. Борисъ Годуновъ, желая привлечь на свою сторону бояръ и дворянство, въ угоду имъ между 1592 и 1597 г.г. издалъ указъ о прикрѣпленіи свободныхъ крестьянъ къ землѣ; окончательное прикрѣпленіе совершилось уже въ первой половинѣ XVII в. Нарушившіе этотъ законъ стали считаться бѣглецами. Указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ раздѣлялъ это сословіе на два разряда: на крестьянъ дворцовыхъ и черныхъ земель (казенныхъ) и на крестьянъ владѣльческихъ или частныхъ земель. Владѣльцы стали смотрѣть на крестьянъ, посеянныхъ на ихъ земляхъ, какъ на свою собственность: одни отыскивали бѣглыхъ судомъ и водворяли ихъ въ свою вотчину силой, другіе, владѣльцы земель младодѣльныхъ, старались переманить къ себѣ и укрыть бѣглыхъ; въ свою очередь крестьяне смотрѣли на чинимыя надъ ними насилія какъ на нарушеніе своихъ неконныхъ народныхъ правъ. Обидамъ, притѣсненіямъ и тяжбамъ не было конца. Въ такихъ неурядицахъ прошелъ весь XVII в.

Взглядъ помѣщиковъ на крестьянъ, какъ на свою неотъемлемую собственность, сталъ окрѣпать, въ особенности послѣ самозванщины, когда русскіе бояре ближе познакомились съ крѣпостнымъ правомъ въ Польшѣ, и свободный русскій крестьянинъ-общинникъ въ концѣ концовъ превратился въ безправнаго и безгласнаго раба; свобода личности и прежнее равенство крестьянъ предъ судомъ отошли въ область преданій. Крестьянъ стали продавать и оптомъ, и въ розницу, какъ домашній скотъ. Даже самъ Петръ I, изучившій послѣ работъ первой ревизіи 1719 г. истинное положеніе вещей, пришелъ въ недоумѣніе и въ указѣ отъ 15 апрѣля 1721 г. писалъ: „продають людей, какъ скотовъ, въ рознь... оную продажу пресѣчь...“ Но вида, что такой порядокъ укоренился очень глубоко, оговаривается: „а ежели не возможно будетъ того вовсе пресѣчь, то хотя бы по нуждѣ продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не врознь“.

Эти-то московскіе порядки и заставили многихъ изъ крестьянъ, болѣе свободныхъ и сильныхъ духомъ, покидать свое отечество и искать мѣстъ для новыхъ поселеній, гдѣ личность челоуѣка была свободна отъ насилій. Одни изъ нихъ бѣжали въ пограничныя мѣста, на Украйну, Волгу, другіе на далекій Донъ, гдѣ они впервые появляются вскорѣ послѣ „Азовскаго сидѣнья“. Крестьяне шли на Донъ паргіями, приставая къ возвращавшимся изъ Москвы казачьимъ зимовымъ станицамъ. Нерѣдко сами атаманы этихъ станицъ

подговаривали московских людей идти съ ними, т. к. на Дону въ рабочихъ рукахъ по укрѣпленію городковъ ощущался большой недостатокъ. На требованіе воронежскихъ воеводъ не принимать и не уводить бѣглыхъ к заки всегда отвѣчали отказомъ. Напримеръ, въ 1646 г. 26 іюня дворянинъ Давида Мясной и воевода Андрей Батурланъ писали царю изъ Воронежа: „И отоманъ Иванъ Каторжной (зимовой станицы) и казаки твоего государева указу (о возвратѣ бѣглыхъ, приставшихъ къ нимъ) не послушали и мамъ, холопамъ твоимъ, отказали, что имъ бѣглыхъ боярскихъ людей, которые у нихъ есть, не выдавать. А твои государевы грамоты и наказы они лживили, а мнѣ, холопу твоему, Давидку, говорили, что я посланецъ съ Москвы не отъ тебя, государя... а кто-де для бѣглыхъ людей пойдетъ къ Ивану (атаману) въ слободу (въ стан.) вынимать и имъ-де тѣхъ людей (воеводскихъ слугъ) побивать до смерти изъ пищалей“... Далѣе Мясной пишетъ, что когда атаманъ былъ вызванъ въ сѣзжую избу для выслушанія царскаго каза, то явился туда со всей станицей и въ присутствіи головъ, дворянъ и торговыхъ людей, ударивъ его, Мясного, „въ душу“, вырвалъ изъ рукъ его царскій указъ и засунулъ за голенище, пригрозивъ, что „придетъ къ нему на дворъ и убьетъ его“²⁷⁹).

Вотъ какъ казаки, изнуренные непрерывными войнами съ турками и татарами, вербовали для себя рабочий людъ внутри московскаго государства.

Къ концу XVII в. притокъ бѣглыхъ на Донъ, въ верхніе городки, расположенные по рр. Хопру и Медвѣдицѣ, усилился до того, что это стало беспокоить и Главное войско, т. к. съ притокомъ бѣглыхъ крестьянъ въ тѣхъ мѣстахъ стало развиваться нежелательное въ военномъ быту земледѣліе, въ виду чего туда была послана въ 1690 г. отъ Войскавого Круга строгая грамота: „а если стануть пахать и того бить до смерти и грабить“²⁸⁰). Эта мѣра до нѣкоторой степени сократила приливъ земледѣльческаго элемента на Донъ и многіе изъ бѣглыхъ успѣли возвратиться на свои прежнія мѣста. Помимо крестьянъ московскихъ областей на Донъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. стали усиленно переселяться малороссійскіе черкасы, недовольные порядками на Украинѣ, гдѣ во время „гетманщины“ сталъ быстро выдѣляться классъ старшинъ, классъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и прежде свободное малороссійское реестровое казачество стало обезземеливаться, порабощаться и обращаться въ крѣпостныхъ холоповъ.

На требованіе московскаго правительства не подговаривать и не принимать въ свою среду бѣглыхъ крестьянъ Донское войско, твердо держась своихъ старыхъ традицій „съ рѣки не выдавать“, отвѣчало или отказомъ или уклончиво, что „таковыхъ де на Дону не разыскано“²⁸¹).

²⁷⁹) Тамъ же. Стр. 16 и др. Донскія Дѣла. Ч. II, стр. 1106—1107.

²⁸⁰) Дѣла Донскія. Грамота на Донъ 9 марта 1690 г.

²⁸¹) Акты А. Лишина, т. I, № 71 и 83. Соловьевъ. Истор. Россіи, т. XIV, стр. 285. Полное соб. зак., т. III, № 1644.

Видѣтъ съ крестьянскимъ элементомъ на Донъ во 2-й половинѣ XVII в. стали появляться и бѣгле старобрядцы и сектанты. Тѣ и другіе на первыхъ порахъ вели себя чрезвычайно осторожно и съ открытою проповѣдью выступать не рѣшались, т. к. хорошо знали, что казачеству при постоянныхъ походахъ и битвахъ входить въ церковныя тонкости нѣтъ охоты и времени; казачество исповѣдывало православіе въ широкомъ значеніи этого слова и за еретическія ученія карало смертью. Первыми появились на Дону старообрядческіе чернецы и старцы, спасаясь отъ преслѣдованій московскаго правительства. Скиты ихъ, человѣка по 3—4, были разбѣяны по всему Дону, большею частью въ глухихъ мѣстахъ, вдали отъ казачьихъ городковъ, по р. Чиру, Хопру, Медвѣницѣ и др. малонаселеннымъ рѣкамъ. Станцы имѣли между собой постоянное сношеніе и, такимъ образомъ, какъ бы составляли изъ себя одну большую религіозную общину съ немногочисленными приверженцами изъ казачьихъ городковъ. Главное Войско о существованіи пріютившихся на его землѣ старообрядческихъ скитахъ узнало совсѣмъ случайно, когда чернецы одного изъ скитовъ на р. Чиру, разсорившись между собой, донесли, что одинъ изъ ихъ товарищей не молитъ Бога за царя и патріарха. Войско приказало схватить дерзкаго старца и его, по рѣшенію Войскаго Круга, сожгли, какъ еретика, въ г. Черкасскѣ въ 1676 г.²⁸²⁾ Это событіе не прошло для Дона безслѣдно. Въ сожженіи старца приняла участіе партія казаковъ, приверженная Москвѣ, но противная, стоявшая за самобытность Дона, усмотрѣла въ этомъ старообрядческомъ движеніи противъ царя и патріарха нѣкоторую для себя надежду освободиться при помощи старообрядцевъ отъ пагубнаго московскаго вліянія и хотя и не раздѣляла казуистическихъ взглядовъ приверженцевъ старшины на православіе, однако, стало открыто сочувствовать имъ и оказывать сначала тайное, а потомъ и явное покровительство. На Дону вновь стало цахнуть „разинощиной“²⁸³⁾. Во главѣ этого движенія стали старшины Оома Севастьяновъ, Павелъ Чекуновъ, Самойла Лаврентьевъ, Кирѣя Чурносковъ и др. Странники ихъ день ото дня умножались и въ Войсковомъ Кругу имѣли уже значительный перевѣсъ. Покровительствуемые ими бѣгле старообрядческіе пошы Досифей, Евтихій, Оеодосій и Самойла открыто разъѣзжали по казачьимъ городкамъ и проповѣдывали о чистотѣ с араго православія и объ ереси царя и патріарха. Старый войсковой атаманъ Фроль Минаевъ, пользовавшійся въ войскѣ большимъ вліяніемъ, рьяный приверженецъ Москвы, и домовитые старшины и казаки приходили въ отчаяніе. Въ Войсковомъ Кругу въ

²⁸²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIII, М. 1879 г. стр. 286. Показаніе атамана зимовою станицы Потапа Панкратьева, бывшаго въ то время въ Москвѣ.

²⁸³⁾ Тамъ же. Стр. 360.

августѣ мѣсяцѣ 1683 г., по прочтеніи подложной грамоты, присланной на Донъ будто-бы царемъ Иваномъ Алексѣевичемъ къ какимъ-то слѣдымъ старцемъ о томъ, что бояре его не слушаютъ „и не воздаютъ достойной чести“, многіе изъ казаковъ требовали побить атамановъ и старшинъ и идти на Москву для освобожденія царя. Кругъ шумѣлъ; многіе вѣрили въ подлинность грамоты: царь призывалъ казаковъ къ Москвѣ. Атаманъ Фроль Минаевъ много разъ издалъ наѣмку, заявляя, что онъ готовъ скорѣе умереть, чѣмъ измѣнить своей присягѣ. Обо всемъ этомъ скоро узнали въ Москвѣ и потребовали выдачи мятежнаго старца съ его „воровскими письмами“, напоминая, между прочимъ, казакамъ о казни Степана Разина. Новый Кругъ собравшійся 6—7 сентября, пришелъ въ сжесточеніе къ казни старца и его сообщниковъ въ авать не хотѣли, заявляя, что „и безъ нихъ на Москвѣ много мяса!“. Однако, по настоянію войскового атамана и многіхъ старшинъ явились охотники, Гуда Золотаревъ, Василій Голый и др., пожелавшіе вмѣстѣ съ царскимъ посланцемъ Тарасомъ Ивановымъ ѣхать розыскивать мятежниковъ для отправки въ Москву. Атаманъ Фроль Минаевъ, провожая посла, тайно сообщилъ ему о всѣхъ сочувствующихъ мятежу старшинахъ, въ томъ числѣ и о Самойлѣ Лаврентьевѣ, а также о томъ, что его, атамана, за вѣрность Москвѣ казаны обвиняютъ въ утайкѣ царскаго жалованья, а между тѣмъ недостача въ деньгахъ будто-бы произошла отъ большого количества участниковъ въ дѣлежѣ. Кромѣ того, боясь мести со стороны противной ему партіи, во главѣ которой стояли старшины Лаврентьевъ, Чекуновъ, Севастьяновъ и др., Фроль сла авъ всю вину на бѣглыхъ старообрядцевъ и просилъ посла ходатайствовать предъ правительствомъ о воспрещеніи ссылки мятежниковъ въ пограничные съ Дономъ города.

Такимъ образомъ, религиозное движеніе въ Москвѣ стрѣльцовъ-старообрядцевъ въ 1682 г. отозвалось и на Дону, гдѣ оно приняло уже чисто политическій характеръ—освободиться отъ вліянія Москвы, возстановить свое древнее казачье право „съ рѣки не выдавать“ и чтобъ никто не вмѣшивался во внутреннія дѣла Войска. Теченіе это настолько было сильно, что многія царскія грамоты о выдачѣ бѣглыхъ старообрядцевъ и о разореніи ихъ пустынь оставались безъ исполненія. Но въ Москвѣ этого движенія не поняли и, узнавъ, что за вѣнованна въ распространеніи подложной царской грамоты, за бѣглымъ стрѣльцомъ Костякой и нѣкіемъ Куземкой Косымъ, укрывавшимися на устьѣ р. Медвѣдицы, посланы ещичка, обратили все вниманіе на самый фактъ принесенія на Донъ грамоты, считая его простымъ отгосодскомъ московскаго стрѣльческаго мятежа, а потому съ спокойнымъ сердцемъ послали на Донъ 10 сентября 1683 г. „за вѣрность службы“ похвальную грамоту, съ наставленіемъ и

увѣщаніемъ „помнить свою присягу“ и не слушать скитающихся по городамъ „предестинковъ“, воровъ-раскольниковъ, не желающихъ „принести святой соборной и апостольской церкви повинненія“. При этомъ вновь сочли нужнымъ напомнить казакамъ о рыскалѣ съ Дона воровъ Стеньки Разина и его брата Фролки.

А между тѣмъ на Дону противная Москвѣ партія дѣятельно готовилась поднять знамя открытаго бунта. Проповѣдь старообрядчества и есектанства росла, принимая рѣзко политическій характеръ. Главари выжидали лишь благоприятнаго случая для начала.

Случай этотъ скоро представился. Въ 1686 г. Войско стало снаряжать зимовую станицу въ Москву за ялаовальемъ. Желая избавиться отъ вліянія на умы домовитыхъ казаковъ атамана Фрола Минаева, Кругъ атаманомъ этой станицы избралъ его, а на его мѣсто поставилъ противника Москвы, старшину Самойлу Лаврентьева, несмотря на то, что Минаевъ въ подобныхъ случаяхъ всегда зачислялся сторонникомъ его, старшина Иванъ Семеновъ. Избраніе это было не случайнымъ, а строго обдуманымъ. Фролъ Минаевъ съ станицей уѣхалъ въ Москву. Лаврентьевъ сталъ осторожно приводить свой планъ въ исполненіе. Въ Черкасскѣ появился бѣглый попъ Самойла, вызванный изъ Манчжскаго городка; ему разрѣшено было служить въ соборномъ предѣлѣ во имя св. Іоанна Предтечи. Самойла обратился къ старшинамъ съ вопросомъ о томъ, по какимъ книгамъ служить—по старымъ или новымъ; старшины, по наущенію атамана, приказали служить по старымъ. Въ старомъ служебникѣ поминанія царя и патріарха на большомъ выходѣ не было, а потому попъ Самойла ихъ и не поминалъ. Московскую партію это сильно раздражало. Желая имѣть на своей сторонѣ больше приверженцевъ, атаманъ Лаврентьевъ настоялъ предъ Войскомъ, чтобы для предстоящаго крымскаго похода былъ заключенъ договоръ съ намяцкимъ тайшей Чаганомъ и чтобы для этого дѣла былъ посланъ тайный сторонникъ его, старшина Кирѣй Матвѣевъ.

По дорогѣ Кирѣй весной 1687 г. объѣхалъ многие донскіе городки, переговорилъ съ приверженцами старины, посвятить ихъ въ свои планы, потомъ заключилъ мирный договоръ съ Чаганомъ, подружился и даже побратался съ нимъ, взявъ съ него слово стоять одинъ за другого, хотя бы противъ царя. Сплотивъ, такимъ образомъ, свою партію изъ приверженцевъ старины, атаманъ съ своими сторонниками созвалъ изъ нихъ Войсковой Кругъ и на немъ политично рѣшилъ: „великимъ государямъ служить попрежнему и чтобы впредь по всему Дону было емирно, а раскольщичковъ раскольщичками не называть и сверхъ старыхъ книгъ ничего не прибавлять и не убавлять и новыхъ книгъ не держать, а если станеть кто тому приговору быти противенъ, или учить говорить непристойныя слова и тѣхъ побивать до смерти“. Слѣдовательно, Кругъ постановилъ царя и патріарха на большомъ выходѣ не поминать. Противники этого рѣшенія подверглись гоненію и избиенію. Попъ Самойла и другіе приверженцы старины, почувствовавъ себя сильными, потребовали отъ соборнаго протопопа Василия и попа Германа, посвященныхъ, первый патр. Никономъ, а второй блгородскимъ митрополитомъ, служенія по старымъ книгамъ, а ослушавшагося ихъ діакона „отодрали за волосы“. Старообрядцы торжествовали.

При такихъ обстоятельствахъ возвратился изъ Москвы Фролъ Минаевъ съ царской грамотой, призывавшей казаковъ въ крымскій походъ.

въ помощь князю Голицыну. Собравшіеся Войсковой Кругъ, въ которомъ большинство было противниковъ Москвы, успѣли избрать походнымъ атаманомъ того же Минаева, а полковниками Ивана Семенова (бывшій замѣститель Минаева и его сторонникъ) и Иурія Матвѣева; послѣдній для наблюденія за дѣйствіями Фрола и на случай противодѣйствія ему, хорошо зналъ, что въ случаѣ столкновенія съ Москвой крымскій ханъ всегда готовъ принять ихъ сторону. Отправляясь въ походъ, Курій открыто говорилъ: „надобно тутъ первое очистить; лучше де пылъ крымской (ханъ), нежели наши царя на Москвѣ. Для чего и куды ходить? у насъ своей горше Крыма“.

Атаманы и казаки ушли. Хозяевами Дона вновь остались Самойла Лаврентьевъ и его сторонники. Попъ Самойла царей и патриарха публично въ своихъ проповѣдяхъ называлъ кровопійцами и антихристами, хлопоталъ объ избраніи „помощью 7—8 поповъ“ епископа, отъ котораго бы пошло преемственное священство, и въ то же время утверждалъ о мривытіи на Донъ звѣстнаго епископа Павла Коломенскаго, будто-бы бѣжавшаго изъ заточенія.

Торжествовали старообрядцы и на Хопрѣ и Медвѣдицѣ, гдѣ Кузька Косой проповѣдывалъ скорый конецъ царской власти и даже кончину міра.

Такимъ образомъ религіозная рознь съ Москвой была достигнута. Противники Москвы и проповѣдники внушали казакамъ, что существованіе на Дону древняго благочестія несомнѣнно съ подданствомъ Москвѣ. Неудачный походъ на Крымъ князя Голицына въ 1687 г. вселилъ въ казакахъ еще больше увѣренности въ томъ, что при помощи могущихъ возникнуть въ Москвѣ отъ неудачнаго похода волнений, они могутъ добиться полной независимости. На Хопрѣ и Медвѣдицѣ подъ влияніемъ ученія Кузьмы Косого казаки вышли изъ повиновенія Войска. Кузьма ихъ увѣрялъ, что у него въ горахъ на Медвѣдицѣ находится царь Михаилъ, „имѣющій вмѣстѣ съ вѣрными очистить вселенную отъ невѣрныхъ“. Въ разныхъ мѣстахъ тамъ стали появляться сборники религіозно-политическаго характера. Атаманъ Лаврентьевъ велѣлъ привести Кузьму въ Черкасскъ. Тотъ незамедлительно явился. Пошли тайные переговоры между атаманомъ, Кузьмой и попомъ Самойломъ. Открытая проповѣдь Кузьмы о царѣ Михаилѣ и объ избіеніи всѣхъ невѣрныхъ при тайной поддержкѣ атамана и его сторонниковъ возымѣла свое дѣйствіе. Пошли драки и убійства. Въ это время внезапно вернулся изъ похода Фролъ Минаевъ; увидѣвъ серьезность положенія, онъ принялъ энергичныя мѣры: экстренно былъ собранъ Кругъ; произошла борьба партій. Фролъ остался побѣдителемъ; Кузьму заковали въ цѣпи и отвезли въ Москву съ атаманомъ Иваномъ Семеновымъ; кузьминцы разбѣжались; атаману Самойлу Лаврентьеву пришлось, „покидая атаманство, ухорониться“. Попъ Самойла ушелъ на Манушъ. Фролъ Минаевъ не ограничился этимъ: онъ настоялъ на приводѣ всѣхъ казаковъ, бывшихъ въ

Кругъ, къ присягѣ на вѣрность царямъ. Во всѣ казачьи городки были посланы грамоты съ подтвержденіемъ, чтобы всѣ казаки „дѣловали крестъ и служили на ямъ всюю правдою за одно“. Въ церк-вахъ восстановлено было служеніе по новымъ книгамъ, съ помина-ніемъ царя и патріарха.

Казалось, полная побѣда была на сторонѣ войскового атамана и московской партіи: виновникъ мятежа былъ арестованъ и выданъ голо-вой Москвѣ, а не казненъ, какъ это дѣлалось прежде, въ Войсковомъ Кругу, по старому войсковому праву. Присяга царямъ и служеніе по новымъ книгамъ, съ поминаніемъ царя и патріарха тоже, казалось, были залогомъ той же побѣды. Но на дѣлѣ оказалось, что противная Москвѣ партія была довольно сильна и только прикрывалась старообрядчествомъ, а въ дѣйствительности носила чисто политической характеръ. Доказа-тельствомъ тому можетъ служить то обстоятельство, что кромѣ безумнаго изувѣра Кузьмы Косого, которому казаки въ сущности не вѣрили, и бѣлаго попа Самойлы, никто изъ пришлыхъ московскихъ старообряд-цевъ въ казачьемъ противомосковскомъ движеніи никакого участія не принималъ. Кузьма Косой при пыткахъ назвалъ своихъ сообщниковъ— атамана Лаврентьева и попа Самойлу. Москва потребовала ихъ выдачи, но казаки, подъ давленіемъ верховыхъ городковъ, отказали. Городъ Чер-касскъ въ 1687 г. горѣлъ два раза: въ первый разъ пожаръ начался съ Татарской станицы и перекинулся на Прибылау и Дурновскую, во второй—выгорѣлъ дотла.²⁸⁴⁾ По случаю пожара и для улаживания дѣла о выдачѣ названныхъ лицъ, Кругъ снарядилъ въ Москву станицу; ата-маномъ станицы изъ политическихъ расчетовъ, чтобы высмотрѣть истин-ное положеніе вещей, выбрали старшину Кирѣя Матвѣева, непримиримого противника Москвы, открыто называвшаго царей и патріарха „про-дами“, а войско ихъ „силой голядекою“. Царское жалованье онъ ста-вилъ на то что: „то де съ міру взято,—въ жалованье почитать не для чего; и если ли де впередъ не пришлютъ, то я знаю, гдѣ хлѣбъ мо-лотить были-бъ де зубы, я де знаю и самъ, гдѣ то брать“. Онъ подстрекалъ голутвенныхъ казаковъ къ походу на Волгу, по слѣдамъ Разина. Но въ Москвѣ объ этомъ ничего не знали, а провинникъ его доноситъ о томъ не рѣшались, боясь месть, т. е. верховые городки явно держали сторону Кирѣя.

Несмотря на явное ослушаніе царскихъ указовъ, донская станица была истрѣбена въ Москвѣ съ великимъ почетомъ и одарена обычнымъ жалованьемъ. Атаманъ Кирѣя „въ распросныхъ рѣчахъ“ въ Посоль-скомъ приказѣ 25 декабря 1687 г. держалъ себя съ большимъ достоин-ствомъ и настаивалъ на томъ, чтобы на Донъ съ новой царской грамотой о выдачѣ мятежниковъ посланы были казаки изъ его же станицы.²⁸⁵⁾ Это ободрило его сторонниковъ, какъ бывшихъ съ нимъ въ Москвѣ, такъ и на Дону. Они поняли, что съ ними и ихъ главаремъ Москва считается.

²⁸⁴⁾ Къ 1687 г. городъ Черкасскъ состоялъ уже изъ 11 станицъ: Черкасской, Средней, Павловской, Прибылянской, Дурновской, Скородумовской, Тюттеревской, Верхне-Рыковской, Старо-Рыковской, Нижне-Рыковской и Татарской. Эта послѣдняя была населена татарами, принятыми въ казаки.

²⁸⁵⁾ „Распросная рѣчь въ Москвѣ 25 дек. 1687 г.“ Донскія Дѣла. Связка XVI, 1687 г., № 13, л. 3—27.

Всѣ предшдущія свѣдѣнія взяты изъ Исследованія В. Г. Дружинина „Расколъ на Донѣ“. Спб. 1889 г. Стр. 67—213.

Царская грамота отъ 2 января 1688 г. была полна укоровъ и даже угрозъ за ослушаніе. Въ ней повторены были требованія о выселкѣ мятежныхъ казаковъ и поповъ и прибавлялось, что въ случаѣ ослушанія, не будетъ прислано жалованья на 1688 г. и что станица будетъ задержана въ Москвѣ до исполненія указовъ. О положеніи дѣлъ въ Москвѣ и о ласковомъ примѣѣ станицы посланцы Кирѣя, по его паущенію, разнесли по всему Дону отъ верху и до низу; причѣмъ предупредили бывшаго атамана Самойлу Лаврентьева, чтобы онъ въ Москву не ѣхалъ.

По настоянію атамана Фрола Минаева Кругъ вынужденъ былъ выслать въ Москву съ легкой станицей лишь одного попа Самойлу; Самойлу же Лаврентьева оставилъ, будто бы „ради его болѣзни и пожарнаго разоренія“.²⁸⁶⁾

Московское правительство, вновь обманутое казаками, вынуждено было настаивать на выполненіи предъявленныхъ къ нимъ требованій. Положеніе дѣлъ на Дону было крайне тягостно для сторонниковъ Москвы. Съ одной стороны, угрозы Москвы, а съ другой—боязнь своихъ противниковъ, продолжавшихъ усиленно вести свою пропаганду. На Донъ тѣмъ временемъ воротился станичный атаманъ Иванъ Семеновъ, пожалованный за доставку Кузьмы Косого большими мздоимствами и тайно получившій обѣщаніе на еще большія награды, если добьется присылки атамана Лаврентьева и сообщниковъ Кузьмы. При такихъ обстоятельствахъ получена была на Дону новая царская грамота, отъ 7 февраля 1688 г., въ которой цари Іоаннъ и Петръ, жалуя и мздоимство похваливъ Войска за выселку попа Самойлы, требовали выселки „безъ всякаго мотанія“ атамана Самойлы и другихъ мятежниковъ. По поводу этой грамоты было большое волненіе въ Войскѣ; Войсковой Кругъ собирался пять разъ и наотрѣзъ отказался выдать требуемыхъ лицъ. Атаманъ Фролъ Минаевъ, опасаясь за свою жизнь, клялъ насѣку и уходилъ домой, по его порочали и вновь водворили въ Кругъ.

Такимъ образомъ, эта новая попытка московскаго правительства о выдачѣ донскихъ казаковъ, желавшихъ возвратити Дону его прежнюю свободу, осталась безуспѣшной. А между тѣмъ противники Москвы съ нетерпѣніемъ ждали скорѣйшаго возвращенія атамана зимовой станицы Кирѣя Матвѣева и готовились весной двинуться на Волгу добывать себѣ „цѣлѣные вѣпунъ“²⁸⁷⁾. Но обстоятельства скоро и круто измѣнились. Изъ усердія къ Москвѣ и, главнымъ образомъ, расчитывая „на послуженія награды“, Иванъ Семеновъ и Фролъ Минаевъ тайно, съ особымъ гонимомъ, переодѣтымъ монахомъ, донесли князю Голицыну объ истинномъ положеніи дѣлъ на Дону и выдали головой всѣхъ руководителей мятежа, въ томъ числѣ и атамана станицы Кирѣя Матвѣева, бывшаго въ Москвѣ, Самойлу Лаврентьева, Павла Чекунова и многихъ друг.²⁸⁸⁾ Кирѣя и многихъ казаковъ его станицы арестовали и подвергли пыткамъ. На Донъ была послана съ толмачемъ Никитинимъ строгая царская грамота о немедленной выдачѣ мятежниковъ. Поспѣшно собрался Кругъ изъ ближайшихъ станицъ. Противники Москвы подверглись избіенію. Во главѣ избивающихъ были самъ атаманъ Фролъ Минаевъ и

²⁸⁶⁾ Донскія Дѣла. Связка XVII, № 2, л. 5—17. „Распросныя рѣчи атамана легкой станицы Филипова.

²⁸⁷⁾ Дон. Дѣла „Распросныя рѣчи атамана Якима Филипова и войсковая отписка, полученная въ Москвѣ съ тѣмъ же атаманомъ 5 марта 1688 г.

²⁸⁸⁾ Письма Фрола Минаева, Ивана Семенова отъ 12 апрѣля и Яна Гречанина отъ 5 апрѣля кн. В. В. Голицыну. Допол. къ А. И. т. XII, № 17, стр. 147—154, 197—201.

старшина Иванъ Семеновъ. Руководители мятежа были арестованы и отосланы въ Москву. Остальные казаки были приведены къ цѣлованію креста. 18 апрѣля изъ войска была послана станица въ 1000 человѣкъ для приведенія къ присягѣ всѣхъ казаковъ, жившихъ выше по Дону. Нежелавшихъ принять крестное цѣлованіе повелѣно казнить. Узнавъ объ этомъ, приверженцы старой вѣры двинулись на р. Медвѣдицу и засѣли на Запоянскомъ островѣ. Оттуда часть ихъ во главѣ съ Левкой Маноцкимъ въ концѣ апрѣля двинулась на Куму. Остальные, послѣ многихъ стычекъ съ карательной станицей, пошли темъ же дорогой²⁸⁹⁾. Въ Запоянскомъ городкѣ остались немногіе, кому не хотѣлось разставаться съ дорогой родиной; но скоро они тамъ, послѣ штурма городка при помощи царскихъ войскъ и казаковъ, были все уничтожены. Непринявшіе крестнаго цѣлованія въ остальныхъ городкахъ были избиты; въ этомъ проявилъ рвеніе, въ числѣ другихъ, старшина Иванъ Семеновъ, впоследствии откровенно сознавшійся, что онъ дѣйствовалъ такъ, рассчитывая на посуленные подачки изъ Москвы²⁹⁰⁾.

Съ казаками на Куму ушли и старцы Черекской пустыни Досифей, Θεодосій, Пафнутіи и др.

Судьба этихъ бѣглецовъ была печальна. Черкасскій князь Шевчалъ первоначально принялъ ихъ подъ свое покровительство, рассчитывая при помощи ихъ расширить свои владѣнія, и поселилъ на р. Аграхани. Потомъ съ ними вошелъ въ переговоры терекскій атаманъ Иванъ Кукля и предлагалъ имъ переселиться на Терекъ, т. е. видѣлъ въ нихъ поборниковъ старой казацкой воли и носителей исконнаго казацкаго войскового права. Онъ вслѣдствіе поносилъ сторонниковъ Москвы, называя ихъ станичными болванами и воеводами, предателями своихъ братьевъ, сыновъ родного Дона. Но московское правительство зорко слѣдило за своими врагами и помѣшало Кукля объединять бѣглецовъ на Терекѣ. Часть ихъ ушла въ урочище Мажары, близъ Большой Кабарды, а оттуда на Кубань. Большая часть ихъ, по прискамъ Москвы, дѣйствовавшей гдѣ подкупомъ, гдѣ угрозами, погибла въ стычкахъ съ черкесами и другими горскими народами.

На Дону партія Москвы торжествовала. По Медвѣдицѣ старообрядческіе городки были разорены, заводчики переловлены, частью въ цѣпяхъ перевезены въ Черкасскъ, частью казнены на мѣстѣ. Таковой же участи подверглись старообрядцы и въ другихъ городкахъ земли Донецкой.

Выданные Москвѣ погибли тамъ ужасной смертью: атаманъ Кирѣй Матвѣевъ и Самойла Лаврентьевъ, старшина Павелъ Чекуновъ, полкъ Самойла и другіе были четвергованы; другихъ казаковъ, по московскому обычаю, били плутомъ, „съ урѣзаніемъ явца“, а потомъ разослали по дальнимъ тюрьмамъ и Сибири²⁹¹⁾.

Такую политику по отношенію Дона вежъ московское правительство, разлагая до того времени стойкую и сплоченную казацкую общину, дѣйствуя гдѣ угрозою, гдѣ подкупомъ и посулами, а гдѣ просто насил-

²⁸⁹⁾ Это движеніе донскихъ старообрядцевъ, противниковъ Москвы, сильно тревожило Саратовскаго и Царицынскаго воеводъ, боявшихся за свои города. Вотъ почему они тщательно слѣдили за ихъ движеніемъ и немедленно доносили о всемъ въ Москву. „Доп. къ А. И., т. XII, № 17, стр. 220—223 и 262—263“, „Отписки царн. воеводу Дмитріева-Мамонова, полученная на Москвѣ 25 июля, 1 и 29 августа 1688 г., и саратовскаго—Кологривова 27 августа“. Дон. Цѣль, св. XVII, 1688 г., л. 13—14.

²⁹⁰⁾ Иванъ Семеновъ, въ письмѣ къ кн. Голицыну. Доп. къ А. И., т. XII, № 17, стр. 198.

²⁹¹⁾ „Расколъ на Дону“ В. Г. Дружининъ. Стр. 170—213.

ліємъ, вливая ідѣ ехидны въ честныя казачьи сердца. Донъ расколотся на двое.

Старое казачье право войскового оуда и „съ рѣки не выдвѣать“ отлетѣли въ область преданій. Прежнія царскія грамоты съ просьбой „а вы-бы намъ, атаманы-молодцы, послужили“ стали замѣняться указами изъ Посольскаго приказа.

За предательство своихъ братьевъ-казаковъ, а также за разореніе казачьихъ городковъ по Медвѣдицѣ донскіе „атаманы и казаки“ получили похвальныя царскія грамоты съ усиленнымъ жалованьемъ „за елужбу и радѣніе“, между тѣмъ какъ тысячи ихъ собратьевъ, спасаясь отъ руки палачей, скитались по Кумскимъ и Кубанскимъ степямъ и предгорьямъ Кавказа, ища покровительства у чуждыхъ и враждебныхъ имъ народовъ и погибая, по проискамъ Москвы, отъ ихъ же руки и голода²⁹⁹. Донъ, какъ и казачья умы, бурлил и волновался. Разанъ его въ 1689 г. былъ страшный, небывалый. Многие казачьи городки, сидѣвшіе на островахъ, какъ и г. Черкасскъ, сгорѣвшій до-тла въ 1688 г., были окончательно опустошены и смыты водой.

Въ грамотѣ 1 го іюля 1689 г. „отъ великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великіе государыни благовѣрные царевны и великіе княжны Софіи Алексѣевны, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, на Донъ, въ нижніе и верхніе юрты, атаманомъ и каракомъ, войсковому атаману Фролу Минаеву и всему Войску Донскому“ даровано было ихъ, царскаго величества, милостивое слово и изъявилася похвала за посылку казаковъ во 2 й крымскій походъ князя Голицына (неудачный, какъ и въ 1687 г.), сухимъ путемъ 500 чел. подъ начальствомъ походнаго атамана Ивана Семенова и морскимъ 700 чел. на 45 стругахъ, а также указывались мѣры къ возвращенію казаковъ съ Кумы и о предоставленіи имъ свободно жить въ прежнихъ своихъ мѣстахъ, если „они имъ, великимъ государямъ, вины свои принесутъ и обратятся на истинный путь и къ воровству приставать не будутъ, а которые придуть и повинности своего приносить не станутъ или и за повинненіемъ объявятся кто въ какомъ воровствѣ и расколѣ, и вы-бъ такимъ чинили у себя въ войскѣ войсковое наказаніе и казнь, а пущихъ воровъ и заводчиковъ отсылала въ Козловъ и отдавали стольнику нашему и воеводѣ Федору Давыдову“...

Этими царскими милостями немногіе рискнули воспользоваться и возвратиться въ родныя мѣста. На ходатайство станичнаго атамана Петра Мурзенка, бывшаго съ станицей въ Москвѣ въ сентябрѣ мѣс. 1689 г., о дарованіи бѣглецамъ амнистіи и свободного отправленія старшихъ обрядовъ положена резолюція, „что имъ, воровъ, креститься по старому“, великіе государи, „писать не велѣли“³⁰⁰.

Въ такомъ положеніи былъ Донъ при вступленіи на престолъ сдѣланнаго самодержца Петра I-го.

²⁹⁹ Похвальныя грамоты на Донъ: 8 мая, 26 іюня, 23 сентября, 25 декабря 1688 г., 22 мая и 1 іюля 1689 г. Акты А. Лищина, №№ 95—104. Т. 1-я

³⁰⁰ Дон. Дѣла, св. XVIII, 1689 г., № 13, л. 86—88. Резолюція на челобитной атамана Петра Мурзенка 14 сент. 1689 г.

Глава V.

Участіе казаковъ въ азовскихъ походахъ Петра I-го.

Въ концѣ 1689 г. войско Донское вынуждено было заключить съ азовцами невыгодный для него миръ, съ условіемъ не нападать на казачьи городки и южные предѣлы Россіи. Азовцы были рады этому и втихомолку готовились къ новымъ стычкамъ. Миръ этотъ продолжался до 1691 г. Главныя причины заключенія такого продолжительнаго мира были: внутреннія неурядицы въ Войскѣ, постоянныя ссоры съ калмыками, ногайцами и черкесами, которыхъ подстрекали къ тому бѣжавшіе съ Дону противники Москвы во главѣ съ Левкою Маноцкимъ и Петромъ Мурзенкомъ. Этотъ послѣдній, не добившись въ Москвѣ амнистіи для старообрядцевъ, передался въ числѣ многихъ другихъ на Куму. Скоро они нашли могущественнаго для себя покровителя въ лицѣ крымскаго хана. Великій Донъ, незнавшій раньше среди своихъ сыновъ предателей, теперь, подъ гнетворнымъ вліяніемъ Москвы, вынужденъ былъ терпѣть равная невзгоды отъ тѣхъ, кого онъ поспѣлъ, вскормилъ и взлелеялъ, кому онъ влилъ въ теченіе минувшихъ вѣковъ гордый казачій духъ, жажду къ равенству, братству и свободѣ. Маноцкій и Мурзенко при помощи исконныхъ враговъ казачества хотѣли вернуть Дону его старую казачью волю, его прежнюю независимость. Въ Азовѣ готовилась гроза для Дона. Калмыки, ногаи и владѣлецъ кабарды Шамхальъ вмѣстѣ съ крымцами готовились смести казачьи городки и подчинить Донскую землю турецкому султану. Но они не усчитали, что въ Черкасскѣ сидѣлъ атаманомъ, хотя и преданный рабаки Москвѣ, но старый, испытанный въ бояхъ воинъ, могущій постоять за цѣлость Дона и честь казачью,—это Фролъ Минаевъ. Онъ поздно и случайно узналъ о готовящейся для Дона опасности и принялъ всѣ мѣры предосторожности. Въ Москву была послана легкая станица просить помощи, а азовцамъ *размирная*.

Весной 1691 г. струги казачьи полетѣли въ море громить крымскіе и ногайскіе улусы, а конница сухопутьемъ подъ Перекопъ ²⁸⁴⁾.

Набѣгъ былъ для донцовъ удаченъ. Планъ враговъ разстроился. Въ слѣдующемъ году 1200 казаковъ на 76 стругахъ неожиданно явились подъ Темрюкомъ и Казылташей, разгромили татарскіе улусы и освободили многихъ своихъ плѣнныхъ; на возвратномъ пути приняли бой въ Азовскомъ морѣ съ сильнымъ турецкимъ флотомъ, шедшимъ въ Азовъ, потомъ разорили предмѣстья Азова и возвратились съ добычей и плѣнными во-всюенъ.

Въ то время, какъ казачья флотилія громила татарскіе улусы, азовцы промышленны въ окрестностяхъ Черкасска и успѣли угнать часть донскихъ табуновъ, но захваченные врасплохъ, въ числѣ 500 человекъ, на р. Аксаѣ, противъ нынѣшней Аксайской станицы, казаками Черкас-

²⁸⁴⁾ Дѣла Дон., св. XVIII, 1690 г., № 10, л. 1—17. Грамота на Донъ 22 сентября 1690 г. Тамъ же. Грамота на Донъ 23 января 1691 г.

Грамота на Донъ 28 апрѣля 1691 г. Акты А. Лихина, Т. I-я, № 107.

Грамотой этой повелялось „надъ азовымъ и крымцы чинить воинскіе промысли“ по государеву указу.

скихъ станицъ и Малычской, были почти все уничтожены; остальные 60 чел. попали въ плѣнъ. 1693 и 94 г. прошли въ устьинныхъ схваткахъ съ тѣми же азовцами, калмыками и ногайцами, а также въ морскихъ поискахъ подь Темрюкъ и крымскіе берега.

Въ 1694 г. возвращаясь на 60 стругахъ изъ морского похода, казаки дали въ устьяхъ Дона бой сильному турецкому флоту, состоявшему изъ 30 кораблей и многихъ мелкихъ судовъ, отбили одинъ корабль и одно судно, потерявъ при этомъ 20 человѣкъ убитыми, и, не имѣя силъ прорваться сквозь эту стѣну, возвратились въ Черкасскъ чрезъ Миусъ, затопивъ свои струга въ лиманѣ этой рѣки.²⁹⁵⁾

Давъ повелѣніе Дону „чинить промыслъ надъ азовцами и крымцами“ Петръ I-й, объявившій себя въ 1689 г. единодержавнымъ государемъ, дѣятельно готовился къ войнѣ съ этими врагами Россіи. Не дожидаясь окончанія постройки новаго флота, лачагаго въ Воронежѣ, онъ двинулъ его тысячную армию подь командой боярина Шереметьева р. Днѣпромъ на Крымъ, а 31 тыс. подь Азовъ. Войско это собралось въ Тамбовѣ, откуда по первому весеннему пути двинулось на р. Холеръ, а потомъ правую сторону Дона къ Черкаску. Войску Донекому предіеано было, чтобы все казаки какъ верховыхъ городковъ, такъ и ниже лежащихъ, по мѣрѣ приближенія русскаго передоваго отряда, присоеди- нялись къ нему и поступали въ распоряженіе его начальника, генерала Гордона. Атаману Фроду Минаеву секретнымъ приказомъ повелѣно было пходъ этотъ хранить въ тайнѣ и никому, кромѣ лучшихъ старшихъ, не объявлять.²⁹⁶⁾ Изъ этого походу призваны были также казаки малороссійскіе, терскіе и гребенскіе. Но какъ не скрытно проеходили эти приготовленія, азовцы чрезъ враждебнаго Москвѣ калмыцкаго Аюку- тайшу провѣдали о намѣреніяхъ царя и приготовились къ защитѣ.

Казаки встрѣтили русскія войска на своей землѣ съ недоумѣ- ніемъ и тревогой. Недавнее броженіе среди нихъ еще не улеглось. Подчиненіе московскому военнопачальнику, да еще иностранцу, вы- звало среди нихъ броженіе. Историки Петра I-го говорятъ, что казаки подумывали даже объ измѣнѣ.²⁹⁷⁾ Въ первыхъ числахъ іюня 1695 г. (по другимъ даннымъ—іюля) русскіе войска достигли г. Черкаска, а 8 числа прибылъ и самъ царь и приказаль двинуть все силы подь Азовъ.

Нужно замѣтить, что эта русская армія состояла большей частью изъ войскъ новыхъ, устроенныхъ по иностранному образцу, съ коман- дирами иностранцами, а также изъ прежнихъ потѣсныхъ преобра- женскаго и семеновскаго полковъ. Царь былъ среди этихъ послѣд- нихъ въ званіи „бомбардира“ преображенскаго полка. подь именемъ Петра Алексѣева. Весь отрядъ, по оригинальнѣйшему распоряженію, находился подь командой „консиліи“ трехъ лицъ: Головина, Лѣфорта и Гордона; ихъ приказанія утверждалъ самъ царь. Соперничество и разногласіе между этими начальниками слабая дисциплина и ропотъ отдѣльныхъ частей на командировъ иностранцевъ, неопытность царя

²⁹⁵⁾ Яла Дон. Грамота на Донъ 1693 г. февраля.

Отписка в. Дон., привезенная въ Москву атам. Лук. Максимовымъ 1692 г. въ декабрь.

Распросныя рѣчи атамана Вас. Горбунова 5 авг. 1691 г.

Распросныя рѣчи атамана Тим. Фед. р ва 2 окт. 1694 г.

Отпис. а в. Дон., пр. везенная въ Москву въ декабрь 1695 г.

²⁹⁶⁾ Грамота на Донъ 16 ар а 1695 г.

²⁹⁷⁾ „Исторія Петра Великаго“. Проф. А. Г. Брикеръ. Т. I-й, стр. 148. Спб. изд. 1902 г.

въ военныхъ вопросахъ, къ тому же не обладавшо никакимъ военнымъ талантомъ, а также недостатокъ въ лошадахъ и съѣстныхъ припасахъ не могли сулить благоприятный исходъ этой компаніи. Опытнѣй другихъ былъ Гордонъ, но на царя больше имѣлъ вліянія профанъ въ военномъ дѣлѣ Лефортъ. Инженерными работами руководилъ Францъ Тиммерманъ; его помощниками были: Адамъ Вейде, Яковъ Брюсъ и швейцарецъ Морло, люди неспособные и не знавшіе своего дѣла. Ошибки ихъ при взрывѣ подкоповъ вредили больше русскимъ, чѣмъ туркамъ. Осада безуспѣшно тянулась до конца сентября. Царь скоро убѣдился, что безъ флота городъ, имѣвшій свободное сообщеніе съ моремъ, взять невозможно. Другія причины безуспѣшности этой осады были слѣдующія: устраненіе отъ активныхъ дѣйствій донскихъ казаковъ, знавшихъ лучше иностранцевъ осадное дѣло и военные приемы турокъ. (См. гл. IX, ч. II „Взятіе казаками Азова и Азовское сидѣнье“); неприязненное отношеніе казаковъ къ походу, принятому безъ ихъ вѣдома и согласія, а также пренебреженіе царя къ ихъ легкому, но страшному для враговъ, летучему флоту, тому флоту, при помощи котораго они громили въ теченіе вѣковъ крымскіе и турецкіе берега и топили большіе, построенные иностранцами, многопушечные военные турецкіе корабли въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ, и, наконецъ, измѣна гвардіи капитана Якова Янсена, бывшаго простаго голландскаго матроса, пользовавшагося особымъ довѣріемъ царя, въ самый критическій моментъ осады неожиданно предавшася туркамъ и сообщившаго имъ самыя сокровеннѣйшія свѣдѣнія о положеніи русской арміи. Неустанныя работы царя, собственно-ручно начинявшаго бомбы и гранаты, мало помогли дѣлу. Когда отдѣльныя части не довѣряютъ своимъ начальникамъ, а между высшимъ команднымъ составомъ существуетъ рознь,—война проиграна. Гордонъ про одно военное совѣщаніе въ присутствіи царя писалъ, что „по обычаю ничего дѣльнаго не рѣшено. Все идетъ такъ медленно и неудачно, точно намъ оно совершенно не важно“. Въ концѣ сентября одинъ полкъ изъ отряда Гордона былъ почти уничтоженъ татарами, а полковникъ взятъ въ плѣнъ; много людей потонуло при внезапномъ разливѣ моря, отъ западнаго вѣтра; хлѣба не доставало, даже не было соли; иностранцы командиры боялись показаться предъ войсками; турки стали дѣлать смѣлыя и удачныя вылазки. Все это заставило русскихъ снять осаду. Вся тяжелая артиллерія и порохъ оставлены были въ Черкасскѣ, а войска двинуты обратно въ Россію. Флотъ отведенъ въ Паншинскій городъ. На возвратномъ пути русская армія почти вся погибла отъ голода и болѣзней. На пространствѣ 800 верстъ, говоритъ австрійскій агентъ Плейеръ, валялись трупы людей и лошадей, растерзанные волками. Смертность была такъ велика, что всѣ деревни, лежавшія на пути, были переполнены больными, заражавшими мѣстныхъ жителей.²⁹⁵) Подъ Азовомъ пало около 2 тысячъ человекъ. Однако, русскіе, въ этомъ походѣ имѣли нѣкоторый успѣхъ. Донскіе казаки, которымъ была обѣщана денежная награда, взяли при помощи своего казацкаго „розмысла“ (подкоповъ) двѣ каланчи (укрѣпленія, башни, хорошо оборудованныя артиллеріей), построенныя турками по обомъ берегамъ Дона выше Азова. Въ этихъ каланчахъ и въ новопостроенной крѣпости Сергіевской, противъ Азова, царь

²⁹⁵) Тамъ же. Стр. 150—152. Устряловъ, Т. II, стр. 582.
Дополненіе къ дѣяніямъ Петра Великаго, т. IV, стр. 132 и слѣд.

оставилъ 3 тыс. гарнизонъ подъ командой воеводы Акима Ржевскаго. На казаковъ же была возложена обязанность оказывать этому гарнизону помощь въ случаѣ нападеній непріятеля. Словомъ, вся тяжесть отъ мщенія сильнаго и раздраженнаго врага легла на казаковъ. Осень и зима прошли въ постоянныхъ стычкахъ донцовъ съ азовцами, которыхъ Порта старалась усилить.²⁹⁹⁾

Петръ съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву. Взятію каланчей, получившихъ названіе „Новогеоргіевска“, и постройкѣ новаго укрѣпленія противъ Азова старались придать признаковъ побѣды. Однако, народъ скоро почувствовалъ всю свалившуюся на него тяжесть и губительность похода, и ненависть его къ иностранцамъ, всему чуждому и иноземному пала въ достаточной мѣрѣ и на царя. Тутъ всѣ вспоминали предсказанія умершаго патріарха, что участіе въ подобномъ походѣ „еретиковъ“ исключаетъ возможность успѣха. Но не таковъ былъ Петръ. Вслѣдъ за ударомъ онъ проявлялъ неутомимую дѣятельность и, несмотря на позоръ и поражение, ревностно настаивалъ на выполненіи первоначальнаго плана. Неудачи его окрыляли. Онъ рѣшилъ удвоить проигранную ставку въ высокой игрѣ, въ еще большей степени воспользоваться помощью иностранцевъ и поддержать дѣйствіе сухопутныхъ войскъ военнымъ флотомъ. Онъ сталъ готовиться ко второму походу подъ Азовъ и съ этой цѣлью просилъ польскаго короля выступить противъ турокъ, а австрійскаго императора Леопольда и бранденбургскаго курфюрста Фридриха прислать ему опытныхъ инженеровъ и минеровъ. Даже съ Венеціанской республикой зовель сношеніе о присылкѣ къ нему на службу корабельщиковъ.

Изъ Архангельска въ Воронежъ были переведены всѣ бывшіе тамъ голландскіе и англійскіе корабельные мастера и согнаны плотники изъ сосѣднихъ губерній. Всю зиму работало до 26 тыс. чело- вѣкъ. Всѣ интересы были отодвинуты на второй планъ. Жажда побѣды надъ турками обуяла царя. Его непреклонная воля усиливала дѣятельность мастеровъ. Къ веснѣ 1696 г. флотъ былъ готовъ. Адмираломъ новаго флота былъ назначенъ Лефорть, а командованіе сухопутной арміей вручено боярину Шеину.

По общему плану Шереметьевъ вмѣстѣ съ гетманомъ Мазепой должны были дѣйствовать въ устьяхъ Днѣпра, а главные силы идти подъ Азовъ. Какъ Лефорть къ должности адмирала, такъ и Шеинъ — главнокомандующаго были очень мало подготовлены, а потому ихъ роль въ этой компаніи была незначительна.

Донъ выставилъ подъ Азовъ 5120 челов. Остальные полки были выдвинуты противъ враждебныхъ калмыковъ, ногаевъ, черкесовъ и Крыма. Пока русская армія и флотъ были на пути къ Черкаску, донскіе казаки въ числѣ 250 человъ съ атаманомъ Леонтиемъ Поздѣевымъ сдѣлали поискъ въ Азовское море, схватились съ двумя большими турецкими военными кораблями и потопили ихъ вмѣстѣ съ людьми и грузомъ, не потерявъ въ этой геройской схваткѣ ни одного чело- вѣчка.³⁰⁰⁾

²⁹⁹⁾ Акты Лишина, № 114, т. 1. Грамота на Донъ 4 февр. 1696 г.

³⁰⁰⁾ Доп. къ дѣян. Петра Великаго, т. IV, стр. 157.

Казаки въ этой схваткѣ дѣйствовали по своей инициативѣ. Несмотря на страшную пушечную пальбу съ кораблей, казаки ухитрились свѣтиться съ ними, прирубить ихъ бока и потопить, безъ потерь въ людяхъ. Сравните: русскіе военные люди въ первомъ походѣ подъ Азовъ тонули на берегу моря, а казаки въ битвѣ въ открытомъ морѣ остались безъ потерь.

Гордонъ съ передовымъ отрядомъ пришелъ къ мѣсту назначенія первымъ. 9 мая прибылъ въ Черкасскъ и самъ царь Петра встрѣтилъ войсковой атаманъ Фролъ Минаевъ съ старшинами и казаками. Потомъ стали подходить другія части войскъ съ Лефортомъ и другими. Атаманъ Поздѣевъ донесъ царю, что по его развѣдкамъ въ Азовскомъ морѣ показался турецкій флотъ, состоящій изъ 15 хорошо вооруженныхъ кораблей, 13 большихъ галеръ и 13 полугалеръ съ вспомога-тельными для Азова войсками и разными снарядами. Петръ приказалъ не допустить эти суда къ Азову и съ этой цѣлью двинулъ къ Каланчарамъ два своихъ военныхъ корабля, 23 галеры, 2 галіота и 4 брандера. Оттуда царь хотѣлъ проплыть съ 16 галерами Кутерминскимъ гирломъ въ море, но по случаю убыли воды отъ сѣверо-восточнаго вѣтра пройти не могъ. Гордонъ говоритъ, что Петръ возвратился изъ этой рекогносцировки грустнымъ и удрученнымъ; что онъ видѣлъ сильный турецкій флотъ, но не смелъ благоразумнымъ напасть на него и повернулъ обратно. И дѣйствительно, какъ могъ схватиться на морѣ русской наскоро сколоченный изъ сырого дерева флотъ, при неопытномъ экипажѣ, съ военными турецкими кораблями, построенными лучшими венеціанскими мастерами и вооруженными хорошей артиллеріей западныхъ образцовъ, съ испытаннымъ въ бояхъ экипажемъ, состоявшимъ изъ страшныхъ янычаръ. Есть отъ чего быть грустнымъ и удрученнымъ. Но на что не годился русской неуклюжей флотъ, говоритъ историкъ дѣяній Петра I го, на то рѣшились „пираты“ этой мѣстности—донскіе казаки. Они на 100 летучихъ своихъ стругахъ притаились въ камышахъ за островомъ Канаярскимъ и подстергали приближившагося врага, имѣвшаго направленіе къ Азову. Битва была страшная и ужасная. Казаки, какъ степные орлы, набѣгли на турецкій флотъ со всѣхъ сторонъ, потопили и сожгли много судовъ, схватываясь съ ними наабардажъ остальныхъ разсѣяли и обратили въ бѣгство. Эта битва стоила туркамъ очень дорого: кромѣ сгорѣвшихъ и утонувшихъ, они потеряли до 2 тыс. убитыми. Казаки взяли въ плѣнъ 270 человѣкъ и одного агу. Изъ судовъ въ бою взято 10 полугалеръ, а 10 большихъ судовъ загнанныя на мель, сдались. На захваченныхъ судахъ найдено 50 тыс. червонцевъ, сукна на 4 тыс. человѣкъ, множество военного снаряженія, 70 мѣдныхъ пушекъ, 3000 бомбъ, 4 тыс. гранатъ, 80 бочекъ пороха, большое количество свинцу, сабель и другого оружія. Эта первая побѣда, побѣда не русского флота, а донскихъ казаковъ, была торжественно отпразднована. Деньги, сукно и разную мелкую добычу царь пожаловалъ храбрымъ своимъ сподвижникамъ—казакамъ, а снаряды и оружіе велѣлъ обратитъ въ казну.³⁰¹⁾

19 мая главная русская армія подошла къ Черкаску. Боярина Шеина встрѣтилъ наказный атаманъ Илья Зершиковъ, т. к. самъ войсковой атаманъ Минаевъ съ донскими казаками былъ уже подъ Азовомъ. Русскія войска двинулись туда же. На помощь имъ пришли запорожскіе и малороссійскіе казаки съ наказнымъ гетманомъ Яковомъ Лизогубомъ и часть калмыковъ, признававшихъ власть Москвы.

³⁰¹⁾ Тамъ же. Стр. 157—159. Желябужскій. Записки 66. Азовская Исторія, стр. 16 и слѣд.

Устриловъ категорически заявляетъ (I, 381), что самъ Петръ I-й не принималъ участія въ этомъ нападении, какъ полагаютъ некоторые историки, желая въ злѣйшій моментъ царя Все это сдѣлали одни донскіе казаки, безъ помощи тамбовскихъ и пензенскихъ моряковъ изъ экипажа русского флота

28 мая авангардъ русскихъ войскъ съ генераль-майоромъ Реги-мономъ и донскіе казаки съ походнымъ атаманомъ Савинымъ расположились лагеремъ близъ Азова. Вылазки азовцевъ были казаками отбиты. Шедшіе на помощь Азову кубанскіе и крымскіе татары были ими же разбиты. Русскія суда съ адмираломъ Лефортомъ стали позади Азова и загородили путь турецкому флоту, состоявшему изъ 40 фрегатовъ и множества галеръ. Донская флотилія заняла устье Дона. Флотъ прикрывали разставленныя по берегамъ рѣки войска. Чрезъ Донъ была перетянута желѣзная цѣпь. Такимъ образомъ, Азовъ подвергся полной блокадѣ. Бомбардировка началась 16 іюня и продолжалась непрерывно до 25. Самъ царь рѣдко присутствовалъ при этой работѣ, а больше находился на своей галерѣ „Принципумъ“. 25 іюня изъ Вѣны прибыли иностранныя инженерныя Работы пошли рѣшительнѣй. 17 іюля регулярныя войска съ 3-хъ сторонъ сдѣлали демонстративное нападеніе на Азовъ, между тѣмъ какъ съ четвертой донскіе казаки съ войсковымъ атаманомъ и малороссійскіе съ Лизогубомъ пошли на рѣшительный приступъ и овладѣли двумя бастіонами и четырьмя пушками. Отчаянныя нападенія турокъ не могли ихъ оттуда вытѣснить. Казаки держались твердо. Русскія войска не могли дать имъ помощи, т. к. 18 числа на ихъ лагерь сдѣлали нападеніе татары. 19 числа царь велѣлъ готовиться къ рѣшительному штурму, но азовскій гарнизонъ, состоявшій изъ 3700 челов. и 5900 жителей обоего пола, отчаявшись получить откуда-либо помощь, рѣшилъ сдаться, на условіи, чтобы ему и всѣмъ жителямъ данъ былъ свободный выходъ изъ крѣпости. Условія были приняты. Гарнизонъ и жители на 18 стругахъ были отведены до р. Кагальника. 20 іюля на тѣхъ же условіяхъ сдалась небольшая турецкая крѣпость Лютикъ, стоявшая на Мертвомъ Донцѣ, противъ Азова, съ гарнизономъ въ 200 челов. Казаки снимали съ турокъ ихъ платье, одѣли въ сѣрые свитки и отпустили, давъ имъ въ сумки столько хлѣба, „чтобы степь перейти“. Въ Азовѣ русскіе взяли 96 мѣдныхъ пушекъ, 4 мортиры и большое количество военныхъ снарядовъ.

Такимъ образомъ, со взятіемъ Азова доступъ къ морю на югъ Россіи сдѣлался открытымъ. Эта была старая мечта донскихъ казаковъ, не однократно владѣвшихъ этимъ городомъ и потомъ отдававшихъ его обратно туркамъ по повелѣнію московскихъ царей, не желавшихъ войны съ этимъ сильнымъ врагомъ.

Петръ сдѣлалъ рекогносцировку морского берега и положилъ основаніе порта и крѣпости Троицкой на Таганрогѣ. Послѣ этого, оставивъ въ Азовѣ сильный гарнизонъ съ кн. Львовымъ, онъ съ торжественствомъ возвратился въ Москву.³⁰²⁾ Вся тяжесть по защитѣ этой крѣпости вновь легла на казаковъ. Всѣ слѣдующіе годы прошли въ жаркихъ битвахъ донцовъ съ турками и татарами какъ на морѣ, такъ и на сушѣ.

Изъ приведенныхъ историческихъ данныхъ видно, какую огромную услугу оказали донскіе казаки русской арміи при вѣнчѣ Азова. Безъ ихъ помощи и отъ послѣдній походъ царя едва-ль увѣнчался успѣхомъ. Но несмотря на это, Петръ ненавидѣлъ казачество и отрицательно относился къ его самообытности, къ его заслугамъ предъ Россіей въ теченіе минувшихъ вѣковъ. Стремленіе къ самодѣлтію царя не могло мириться съ республиканскимъ духомъ казачества. Казаки за свои подвиги не получили отъ Москвы ничего, кромѣ стро-

³⁰²⁾ Походъ боярина Шеина къ Азову. Стр. 88. Брикнеръ. Т. I, стр. 156—159. Допол. къ дѣян. Петра Великаго. Т. IV, стр. 178.

гихъ требованій чинить промыслы подъ погайские уаусы, подъ Темрюкъ и озна-
чивать войми силами помощь Азову, Сергіеву, Калайчамъ и Лютику³⁰⁹⁾. А
между тѣмъ бездарные иностранцы, бывшіе конюхи и мастросы, которыхъ царь
величалъ своими друзьями и оподьяжниками, пользовались его полнымъ довѣ-
ріемъ, получили за взятіе Азова военія награды и сдѣлались первыми учас-
тниками его триумфальнаго въѣзда въ Москву 30 сентября 1696 г. Въ длинномъ
поѣздѣ выступали иностранцы-военноначальники, про которыхъ подъ Азовомъ
мало было слышно, за богато-украшенными, въ древне-греческо-рисскими ягури,
попадахъ или экипажахъ. Адмираль Лефоръ ѣхалъ въ царскихъ саняхъ, запря-
женныхъ шестеркомъ и т. д. Мало того, въ бытность въ Черкасскѣ въ 1695 г.,
царь отобралъ у донскихъ казаковъ грамоту Грознаго царя о признаніи Дона
самостоятельнымъ государствомъ, пожалованную донцамъ за подвиги при взятіи
Кавкази въ 1662 г. (См. стр. 74 и 76, ч. II и выноску 167) Царь ласкалъ и награж-
далъ одного Фрола Минаева и близкаго ему старшана за рабскую преданность
къ нему. Словомъ, атаманы Корнила Яковлевъ и Фролъ Минаевъ продали Донъ
Москвѣ, продали всё старымъ казацкіе вольности, Донскимъ войскомъ стала управ-
лять кучка преданныхъ Москвѣ старшинъ во главѣ съ войсковымъ атаманомъ.
Ихъ поддерживали 11 черкасскихъ станицъ и низовые городки, а также посто-
льно пребывавшій въ Черкасскѣ гарнизонъ отъ 2 до 6 тысъ человекъ. Стала
прозваться централизація власти, пребывавшей въ Черкасскѣ и называвшей себя
„Главнымъ Войскомъ“. Выдача царскаго жалованья стала производиться по заслу-
гамъ казаковъ, отчего нынѣ получали больше, другіе меньше. Почтито, ближе
стоявшие къ этой власти и проявившіе больше усердія, въ смѣлѣй предѣлахъ,
оцѣнивались выше другихъ, удаленныхъ, жившихъ въ городкахъ, выше по Дону
лежащихъ. Поэтому верховки всегда считались неблагонадежными, „мутьянами“,
ворами. Они явля своей самостоятельной жизнью и не централизація власти въ
Черкасскѣ, часто сообщавшейся съ Москвою, смотрѣли подозрительно. На доходы
Петра, а въ особенности на приказы его подчиняться командирамъ иностран-
цамъ она отвѣчала скрытымъ ропотомъ, казачьимъ ропотомъ, послѣ котораго
казакъ беретъ въ саблю. Ропотъ этотъ еще усиливало сознание, что тысячи ихъ
братьевъ „по-милости“ Москвы ссылались по Кумѣ и Кубани, старые донскіе
казаки, преданные казачьей идее, ставшіе за вольнымъ казачьимъ и правомъ и за свою
старую казачью вѣру, въ которой они родились, крестились и возросли. Пусть
они во взглядахъ на вѣру были не правы, пусть по неопытности заблуждались,
но вѣдь вводите новые порядки въ грозную, сложившуюся въ теченіе вѣковъ
и при томъ консервативную казачью общину какъ говорится „съ плеча“, нава-
ривать откуда-то со стороны, изъ Москвы, новое вѣрованіе, приказывать молиться
за невѣдомаго имъ патриарха и московскаго царя, явленіе на Дону до того вре-
мени небывалое, пріемы недалекавидные, неумѣлые, чужого „московскіе“. Казаки,
всегда не любившіе московскіе порядки, ханжество и лицемеріе бояръ, изъ
казачьей гордости не сходились подчиниться приказамъ Москвы и одни изъ нихъ
съ болью въ сердцѣ ушли на Куму, а другіе заняли выжидательное положеніе.

Глава VI.

Булавинскій бунтъ.

Гордые османлысы страшно были обезкуражены взятіемъ русскими
Азова. Уже въ слѣдующемъ 1697 г. въ февралѣ мѣсяцѣ большая армія
ихъ вмѣстѣ съ крымцами, погайцами и горскими народами стала фор-
мироваться на Таманскомъ полуостровѣ для нападенія на Донъ. Казаки
дали знать о томъ въ Москву. Атаманъ Фролъ Минаевъ, ѣхавшій съ
станіцей „за царскими подарками“, долженъ былъ изъ Воронежа возвра-
титься назадъ. Въ маѣ значительный турецкій флотъ показался въ
Азовскомъ морѣ, но былъ въ морскомъ бою частью потопленъ, частью
разметанъ казаками. Въ іюлѣ турецкая армія подошла къ Азову, но
благодаря подосѣвшему русскому отряду съ бояриномъ Шейнвымъ,
казаками, послѣ 11 часовой битвы, была поражена и разсѣяна по степи.

³⁰⁹⁾ Грамота на Донъ 10 янв. 1697 г. Агты Лишина, т. I, № 115.

Азовъ и другія крѣпости были спасены.³⁰⁴) Съ этого времени казаки разяѣздами подъ Крымъ и на Кубань постоянно тревожили непріятеля и преграждали имъ все пути къ набѣгамъ на русскія границы. Не разъ они дѣлали морскіе походы подъ Темрюкъ, Кавылташъ и крымскіе берега. Такъ продолжалось до 1700 г., когда 3 іюня Россіей былъ заключенъ съ Турціей 30-лѣтній миръ. Началась великая сѣверная война Россіи съ Швеціей. Казакамъ было предписано на всякія обиды отъ набѣговъ татаръ не отвѣчать набѣгами, а приносить жалобу азовскому коменданту, который обязанъ былъ ходатайствовать у ачужскаго паша о возвращеніи награбленнаго. Этотъ приказъ поставилъ казаковъ въ недоумѣніе. Не имѣть права мстить за частыя набѣги и грабежи татаръ на южныя ихъ границы отъ Цымлянскои и Камышинскои станицъ до Пятиозбнянскои и Паншинскаго городка, гдѣ стоялъ русскій флотъ, бывшій подъ Азовомъ,—это было сверхъ силу гордыхъ донцовъ.³⁰⁵) Крімъ того, грамотой отъ 22 іюля 1700 г., адресованной «на Донъ, въ нижніе и верхніе юрты атаманомъ и казакомъ, войсковому атаману Ильѣ Григорьеву и всему Войску Донскому», царь приказывалъ свести тѣмъ же лѣтомъ верховныхъ казаковъ, жившихъ по Хопру, Медвѣдицѣ и по другимъ рѣкамъ, «и поселить ихъ по двумъ азовскимъ дорогамъ: однихъ до Валуѣви, а другихъ отъ Рыбнаго къ Азову, по урочищамъ и рѣчкамъ: Кулдрючѣмъ, Лихой, Сѣверному Донцу, Каменкѣ, Вѣлой и Черной Калитвамъ, Березовой, Тихой и Грязной».³⁰⁶) Этотъ приказъ поставилъ Главное Войско втуникъ. Разоренные въ 1688 г., по приказанію царей, казачьи городки по Медвѣдицѣ вновь были густо заселены выходцами изъ низовыхъ станицъ, противниками сближенія съ Москвою.³⁰⁷) Также возникло много городковъ по Хопру, Бузулуку и другимъ соседнимъ рѣчкамъ. Насильственное переселеніе части казачества, хоти бы по приказанію царя, могло вызвать въ свободлюбивыхъ верховнахъ открытое возмущеніе. Царь въ грамотѣ отъ 22 іюля даже угрожалъ Войску: «А буде вы, атаманы и казаки, ныѣшняго лѣта съ Хопра и съ Медвѣдицы казаконъ на вышесказанная двѣ дороги въ назначенныя урочища не сведете и не поселите, то по нашему, великаго государя, указу тѣ коперскіе и медвѣдицкіе казаки поселены будутъ въ иныхъ мѣстахъ». Войску пришлось подчиниться и часть верховныхъ казаковъ была сведена на указанныя царемъ рѣчки. Но царь неудовольствовался этимъ и въ 1703 г. послалъ на Донъ стольниковъ Кологривова и Пушкина съ цѣлью приведенія въ гласность всехъ казачьихъ городковъ, поселенныхъ по рр. Хопру, Бузулуку, Медвѣдицѣ, Донцу съ его притоками и Дону, до Паншинскаго, и для высылки изъ тѣхъ городковъ въ прежнія мѣста всехъ людей, съ женами и дѣтьми, которые зашли туда послѣ 1695 г., съ наказаніемъ каждому изъ нихъ, «до одного человѣка», батогами и отосланіемъ десятого изъ этихъ «повоприходовъ» въ Азовъ на каторгу; сюда же были включены и тѣ, которые зашли на Донъ хоти и до 1695 г., но не участвовали въ походахъ повъ Азовъ. Изъ тѣхъ же казачьихъ городковъ, которые заселены по азовскимъ дорогамъ съ

³⁰⁴) Доп. къ дѣян. Петра Великаго. Т. IV, стр. 359 и 360.

³⁰⁵) Удивительно, почему Петръ I-й не оставилъ свой флотъ въ распоряженіе казаковъ для защиты Азова, а повелѣлъ отвести его въ Паншинскій городокъ подъ защиту пришинскаго гарнизона. Потому ли, что этотъ флотъ для казаковъ былъ не пригоденъ или онъ имъ не довѣрялъ. Но лѣсъ, желѣзо и снасти казакамъ-бы пригодились.

³⁰⁶) Акты Липина. Т. I-я. № 123.

³⁰⁷) Грамота царей Ивана и Петра на Донъ 14 авг. 1688 г. о разореніи казачьихъ старообрядческихъ городковъ по Медвѣдицѣ «Грамоты». И. Пряишижниковъ. Стр. 123-127.

1701 г., высылать всёх новопршлых, замедших туда послѣ этого года. Стольники приказано отбирать отъ атамановъ и казачковъ подписки впредь не принимать, бѣглыхъ людей подь страхомъ смерти.⁸⁰⁸⁾

Донъ глухо возмолвил. Это безцеремонное обращеніе съ донскимъ казачествомъ, недалковидность и самонадѣянность царя заставили задуматься и преданныхъ ему старинцѣ. Стольники доруссердествовали и стали переписывать и высылать въ Россію не только старожилонъ, но даже родившихся на Дону. Слѣшно снаряжена была въ Москву станица съ атаманомъ Абросимомъ Савельевымъ, которому поручено было объяснить боярцамъ, что многіе русскіе люди живутъ на Дону издавна, что они казакамъ въ ихъ домашнемъ быту необходимы и если они не участвовали въ Азовскихъ походахъ, то только потому, что оставались въ городкахъ для ихъ защиты. Также поручено было разузнать, за что царь гнѣвается на казаковъ.

Петръ I самъ скоро увидѣлъ, что зашелъ слишкомъ далеко, что обострить отношенія съ донскимъ казачествомъ не время, т. к. казаки ему въ затянувшейся войнѣ съ Швеціей очень нужны, а потому, объявивъ станицѣ и ея атаману Савельеву, далъ на Донъ грамоту съ увѣреніемъ, что никакого гнѣва его на казаковъ нѣтъ, что перховые городки должны остаться на прежнихъ мѣстахъ и что перепись людей и городковъ повелѣно было произвести только для свѣдѣнія, сколько ихъ находится на Дону, давно-ли они тамъ поселены и нѣтъ-ли въ нихъ пришлыхъ людей.⁸⁰⁹⁾

Эта царская грамота не удовлетворила донцовъ, т. к. одновременно съ выше приведенными, явились многія другія обстоятельства, оттолкнувшія большинство казачества отъ Москвы. Обстоятельства эти слѣдующія. Въ 1698 г. по царскому повелѣнію были командированы два полка казаковъ въ распоряженіе кн. Долгорукова для охраны крѣпостей, отнятыхъ у турокъ со стороны Днѣпра. Вся тяжесть послѣдовавшихъ битвъ съ турками и крымцами легла на казаковъ. Привыкшіе подчиняться своимъ выборнымъ походнымъ атаманамъ „и думать за одно съ ними свою казачью думу“, полки эти были страшно недовольны безцеремоннымъ съ ними обращеніемъ спесиваго московскаго боярина и роптали. Такія же невзгоды казаки терпѣли и въ шведскую войну и раздѣляли весь позоръ первыхъ пораженій русской арміи, благодаря иноземному командованію (подъ Нарвой и др.).

Кромѣ того, въ своемъ житейскомъ обиходѣ казаки стали терпѣть разныя притѣсенія отъ азовскаго гарнизона, забравшаго въ свои руки всё рыбныя ловли въ низовьяхъ Дона, въ морѣ и по запольнымъ рѣчкамъ. Появившихся тамъ казаковъ забирали и связанными препроводили въ Азовъ вмѣстѣ съ рыболовной „посудой“ для „допроса и розыска“. Также на „верхнемъ изголовьи“ Мертваго Донца азовцами была поставлена застава, чрезъ которую казакамъ воспрещено было провозить въ крѣпость Лютокъ хлѣбные и другіе запасы находившихся тамъ ихъ одностаничникамъ. Мало того, рыбные тони въ гирлахъ Дона захватили самовольно переселившіеся туда изъ разныхъ монастырей чернецы. Жалобамъ казаковъ въ Посольскій приказъ на эти стѣсенія не было конца.⁸¹⁰⁾ Споры эти разрѣшены были царской грамотой, данной 26 февраля 1708 г.

⁸⁰⁸⁾ Грамота на Донъ 11 июня 1708 г. Акты Лишнина, т. I-я № 140.

⁸⁰⁹⁾ Грамота на Донъ 1704 г. марта 15. Тамъ же, № 149.

⁸¹⁰⁾ Грамотой отъ 22 июля 1700 г. казакамъ было повелѣно всё свои отписки присылать въ Посольскій приказъ и подавать боярину Головину „съ товарищи“.

Казакамъ „дозволялось“ ловить рыбу въ р. Дону и во запольнымъ рѣчкамъ „про свой обиходъ“ по прежнему, „опричь тѣхъ водъ, которыя отведены на прокормленіе азовскимъ жителямъ и зимовымъ солдатамъ, а именно: что вверхъ по Дону до устья Мертзаго Донца на 10 верстѣ, да внизъ отъ г. Азова до взморья на 4 веръ п на 150 саж., и въ тѣ воды и въ рыбьяя ловли вамъ, атаманомъ и казакомъ, отиць не велѣть вступаца и рыбы въ нихъ не ловить“... Словомъ, лучшія и богатая рыбьяя тони были отобраны у казаковъ. Казаки привадумались. „Того ли мы заслужили у московскаго царя?“ говорили они и спѣшно снарядили въ Москву легкую станицу. 2 мая 1763 г. получила новая царская грамота: „И мы, великій государь, наше царское величество, васъ, атамановъ и казаконъ и все Войско Донское, пожаловали, велѣли вамъ въ рѣкѣ Дону и по инымъ рѣчкамъ рыбу ловить вонче по прежнему... соца съ азовскимъ жителями, нераздѣльно, безпорубно“. Возникли новые споры и недоразумѣнія, продолжавшіеся весь XVIII вѣкъ.⁸¹¹⁾ Пожаловавъ войско Донское такой великой милостью, какъ свободной ловлей рыбы въ р. Дону, царь въ то же время приказалъ казакамъ всю сушеную рыбу, какай найдется на Дону, отнестя на него и никому не продавать, подъ страхомъ смертной казни.⁸¹²⁾ Царь также *пожаловалъ* войско Донское новою милостью, дозволивъ ему „для городовыхъ и обрубныхъ и мостовыхъ въ Черкасскомъ и въ иныхъ городѣхъ поимъ нокъ и для хорошаго строенія и про домашній обиходъ, не на продажу“, рубить всякій лѣсъ и возить по р. Дону отъ Донецкаго городка (нынѣ Бугучарскаго уѣзда) безъ всякаго запрещенія.⁸¹³⁾

Вмѣшиваясь въ донскія дѣла и отнимая у казаковъ ихъ исконное право по самоуправленію, царь слишкомъ много довѣрялъ своимъ приближеннымъ, а потому спѣшно издавалъ одну грамоту за другою, указы за указомъ, часто противорѣчащіе одинъ другому, иногда вопреки желаніямъ Войска. Такъ, напримѣръ: послѣ азовскихъ походовъ, видя неповоротливость Аюки-тайши, много разъ до того избѣгивающаго Россіи, царь разрѣшилъ съ подвластнымъ ему калмыцкимъ народомъ кочевать по войсковымъ землямъ по р.р. Хопру, Медвѣдицѣ до Манычи. Это страшно стѣсняло казаковъ и вызывало постоянныя столкновения съ этимъ полудикимъ народомъ, промышлявшимъ вороствомъ и грабежами. Далѣе: грамотой 26 февраля 1763 г. царь разрѣшилъ казакамъ, построившимъ городки по р. Бугучару, оставаться тамъ на жительствѣ и „на ниня мѣста не сходить“. Но чрезъ годъ Бугучарскій казачій городъ, безъ вѣдома Войска, майоромъ Шанкѣвымъ, присланнымъ изъ Адмиралтейскаго приказа для сыску бѣглыхъ, былъ уничтоженъ и всѣ жители его высланы въ Россію. Мало того, царь пошелъ дальше: въ 1765 году онъ издалъ приказъ уничтожить всѣ казачьи городки, построенные казакими по правой (крымской) сторонѣ Донца безъ его указовъ и послѣ 1695 г., и жителей всѣхъ перевести на лѣвую сторону, а новопринятыхъ выслать на прежнія мѣста.⁸¹⁴⁾

Казаки медлили выполнениемъ этого приказа. Для понужденія ихъ къ этому въ июлѣ 1766 года на Донъ былъ командированъ стольникъ Шепшинъ, которому, между прочимъ, въ наказѣ было повелѣно обходиться съ войсковымъ атаманомъ, старшинами и казаками вѣжливо, не

⁸¹¹⁾ Акты Лишняя, т. I-я, №№ 129, 130, 132, 135 и 136.

⁸¹²⁾ Тамъ же, № 145, Грамота 23 окт. 1763 г.

⁸¹³⁾ Тамъ же, № 149, Грамота 13 марта 1764 г.

⁸¹⁴⁾ Тамъ же № 159, Грамота на Донъ 14 мая 1766 г.

высвободить отъ нихъ взяткомъ и не требовать излишняго корму и подводу.³¹⁵⁾

Издавая такіа оскорбительныя для Войска распоряженія, правда, исходившія изъ Посольскаго и Адмиралтейскаго приказовъ, гдѣ засѣдали, какъ и прежде, тѣ же влиятельные и недальновидные бояре, царь (вѣрнѣе—бояре) въ то же время просилъ казаковъ служить ему „съ великими радѣніемъ“, слѣдить за движеніемъ и намѣреніями турокъ и татаръ, оберегать постройныя въ устьяхъ Дона крѣпости, ладить съ калмыками, послышалъ имъ усиленное жалованье деньгами, сукнами, хлѣбомъ, порохомъ и свинцомъ, въ 1704 г. пожаловалъ новую серебряную печать, новую деревянную наставку, „у которой по обѣимъ концамъ какъ сверху, такъ и съ исподу, оправлено серебромъ“, съ надписью „наставка Войска Донскаго 1704 г.“³¹⁶⁾. Наконецъ, весной 1706 года за дѣятельное участіе въ прекращеніи въ 1705 г. астраханскаго стрѣльческаго бунта, отголоска московскаго, обещавшагося почти безъ кровопролитія, гдѣ съ знаніемъ дѣла и умѣлымъ увѣщаніемъ дѣйствовали донской походный атаманъ Максимъ Фроловъ и старшина Вас. Поздѣвъ и Степ. Савельевъ, Войску Донскому повелѣно было выдать сверхъ обыкновеннаго годового жалованья, одновременно 20 тыс. руб., а оставшимся изъ Царицынъ старшинамъ и казакамъ деньгами и собаками на 1865 р. Въ вѣчную же и „не смертельную“ память и назиданіе поддѣвшему потомству царь прислалъ Войску жалованную грамоту и клейноды: войсковымъ атаманамъ, въ знакъ „войскаго начальства“ серебряный перчатъ, вызолоченный и украшенный дорогими камнями, „бунчукъ съ яблокомъ и съ доскою и съ трубкою серебряною, золоченъ“ и большое войсковое знамя, писанное золотомъ на вѣлкѣ; кромѣ того, шесть станичныхъ знаменъ, писанныхъ золотомъ и серебромъ. Также присланы на Донъ съ атаманомъ зимовой станицы Ефремомъ Петровымъ (предокъ рода Ефремовыхъ) колокола и церковныя книги.³¹⁷⁾

Эта жалованная царская грамота и по формѣ и по содержанию отличается отъ всѣхъ предшествовавшихъ. Она начинается: „Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Пресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій Великій Государь Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ всея Великия и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ, Московскій, Киевскій (перечисляются всѣ удѣльныя княжества и завоеванныя царства), пожаловали донскихъ атамановъ и казаковъ, войскаго атамана Лукьяна Максимова и все войско Донское, велѣти за многія ихъ и вѣрныя службы, а особливо, которую учинили въ прошломъ 1705 г. въ возмущеніи астраханскомъ, и на вѣчную имъ в дѣтямъ ихъ и средникамъ ихъ славу, дать сію Наму Великому, Нашему Царскому Величеству, милостивую жалованную грамоту за Нашему Царскому Величеству собственною рукою и на государственный печатью.“³¹⁸⁾

³¹⁵⁾ Грамота на Донъ 7 июля 1706 г.

³¹⁶⁾ Грамота на Донъ 21 сентября 1704 г. „Грамоты“ Приишниковъ, стр. 128.

Новая печать, пожалованная „за вѣрную вашу къ намъ, Великому Государю, показанную службу“, была съ изображеніемъ казака, сидящаго верхомъ на бочкѣ (съ порохомъ), въ правой рукѣ держащаго ружье, а въ лѣвой кальянъ. Вспослѣдствіи казаки стали толковать, что казакъ, сидящій на бочкѣ, годий, сидитъ на бочкѣ съ виномъ и въ лѣвой рукѣ держитъ не кальянъ, а чарку. Казаки это неожиданное пожеланіе приняли за насмѣшку и прикладывали эту печать только въ отпискахъ въ „приказы“, на войсковыхъ же грамотахъ весь XVIII в. прикладывали свою старую печать съ оленемъ, пронзеннымъ стрѣлой. (См. выписку 271).

³¹⁷⁾ Грамота на пергаментѣ на Донъ 21 февраля 1706 г.

„Грамоты“. Приишниковъ, стр. 133—140. Акты Лихина, т. I-я, № 162.

³¹⁸⁾ Всѣ прежнія царскія грамоты есть не что иное, какъ указы изъ Посольскаго приказа за подписью дѣяка.

Съ 1700 г. царь приказалъ всѣ отписки казаковъ подавать въ томъ же приказѣ боярину Головину съ товарищами.

Перечисляя подвиги казаков и службы ему и прежнимъ царямъ, Петръ I не преминулъ указать заслуги Войска въ подавленіи старообрядческаго мятежа, за выдачу зачинщиковъ Москвит. за приведеніе къ крестному пѣлованію заблудившихся и за смертныя казни упорствующихъ, не подозревая, что старообрядческій мятежь имѣлъ не религіозную, а политическую подкладку и что большая часть верхового казачества выжидало только удобнаго случая тряхнуть Москвитяи. Случай этотъ скоро представился.

Царская грамота и жалованные клейноды были приняты центральнымъ войсковымъ правительствомъ (атаманомъ и старшинами) съ великимъ торжествомъ. Верховцы же хранили подозрительное молчаніе. На Донцѣ было неспокойно. Казаки медлили выполненіемъ приказа о снесеніи правобережныхъ городковъ и настаивали на оставленіи Нового Айдара, Бѣленскаго, Закотнаго, Кабанья и др. На Бахмутѣ съ 1701 г. шли стычки донскихъ казаковъ съ Изюмскимъ слободскимъ полкомъ за соляныя варницы, издавна принадлежавшія донцамъ. Дѣло не разъ доходило до кровавыхъ столкновеній. Полковникъ Изюмскаго полка Шидловскій въ 1704 году самовольно резорилъ одинъ казачій городъ и всѣ соляныя варницы, разломалъ часовню и забралъ всю церковную утварь, а потомъ наложилъ на бахмутскихъ казаковъ за соль пошлыны. Возникли обоюдныя жалобы. Атаманъ Бахмутскаго городка Кондратій Афанасьевичъ Булавинъ, человекъ твердаго характера, поборникъ стараго казачьяго права, несмотря на предписаніе изъ Посольскаго приказа объ отобраніи всѣхъ варницъ въ казну, въ октябрѣ 1705 г. съ партией казаковъ разорилъ всѣ строенія и заводы и разогналъ всѣхъ жителей, занимавшихся вываркой соли близъ р. Бахмута, забравъ всю казенную и частныхъ лицъ соль. Наказный полковникъ Изюмскаго полка Шустъ вооружилъ всѣхъ подчиненныхъ ему слободскихъ казаковъ и обложилъ Бахмутскій городокъ, но узнавъ, что за Булавина стали всѣ сосѣдніе городки, поспѣшили уйти. Но Булавинъ не оставилъ этотъ поступокъ безъ отмщенія; онъ перешелъ р. Бахмутъ и уничтожилъ всѣ бывшія тамъ варницы, забралъ соль и продалъ ее на мѣстѣ. Завладѣвъ, такимъ образомъ, всѣми соляными источниками, Булавинъ сталъ съ своими казаками вываривать соль, недопуская къ тому никого. По жалобѣ Шуста изъ Адмиралтейскаго приказа для обузданія донскихъ казаковъ былъ посланъ дьякъ Горчаковъ съ отрядомъ солдатъ, но за казачье право на выварку соли вступился Войсковой Кругъ, и Горчаковъ долженъ былъ возвратиться въ Воронежъ безъ выполненія возложенныхъ на него порученій.³¹⁹⁾ Изюмцы во главѣ съ Шидловскимъ не унимались и въ февралѣ 1706 г. забрали въ свои руки селитренныя заводы, бывшіе во владѣніи Ахтырскаго полка и находившіеся частью на донскихъ войсковыхъ земляхъ. Донцы не уступали. Для обузданія ихъ и для приведенія въ исполненіе приказа о снесеніи городковъ, построенныхъ по лѣвой сторонѣ Дона, и сыску бѣглыхъ по царскому повелѣнію на Донъ въ 1707 г. былъ посланъ съ драгунскимъ полкомъ князь Юрій Долгорукій.

Царь, занятый войной, имѣлъ превратныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ на Дону. Въ его армию донскіе казаки выставили 26 полковъ (около 15 тыс.), частью на сѣверъ, на шведскую границу, частью съ походнымъ атаманомъ Максимомъ Кумшацкимъ въ Польшу и на югъ Россіи. Долгорукому, этому зазнавшемуся царскому вельможѣ, предо-

³¹⁹⁾ Грамоты на Донъ 28 февр. и 11 авг. 1706 г. и отписка доп. казаковъ въ Посольскій приказъ въ сентябрѣ того же года.

ставлялся полный просторъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, усмотрѣніе царскихъ воеводъ въ исторіи Россіи и Дона извѣстно. Князь въ короткое время разорилъ и сжегъ многіе казачьи городки, пыталъ, билъ казаковъ кнутомъ, рѣзалъ имъ носы и губы, надругался надъ ихъ женами и дечерьми, заковалъ въ цѣпи, только въ 8 казачьихъ юртахъ, до 3 тыс. бѣглыхъ, скрывавшихся на Дону отъ тяжелыхъ казенныхъ работъ и въ особенности малороссійскихъ черкасовъ, бывшихъ раньше свободными, въ томъ числѣ многихъ старожилловъ, принятыхъ въ казаки и ходившихъ съ ними во многіе походы, и отъправилъ ихъ въ Россію. При сыскѣ бѣглыхъ дѣятельное участіе принималъ старшина Ефремъ Петровъ, посланный въ помощь Долгорукому войсковымъ атаманомъ и старшинами, преданными Москвѣ.³²⁰⁾

Вѣсть о такихъ дѣйствіяхъ князя быстро облетѣла весь Донъ и отозвалась въ донскихъ полкахъ, бывшихъ въ русской арміи. Воздвигнулъ Донъ. Чаша терпѣнія въ свободолюбивомъ казачествѣ переполнилась. „То-ли мы заслужили у паря-батюшки“, грустно кивали съдыми головами закаленные въ бояхъ старики. Молодые точили дѣдовскіе шашки и лили пули. Хоперь и Медвѣдица отъ гнѣва дрожали. Булавинъ бросился туда; тамъ онъ встрѣтился съ атаманомъ Есауловской станицы Игнатіемъ Некрасовымъ. На общемъ совѣщаніи съ верховцами они порѣшили возстать всѣмъ за свободу и честь казачью и убить Долгорукова. Рѣшеніе быстро приведено было въ исполненіе 9 окт. 1707 г. Долгорукой съ полкомъ, около тысячи челов., погибъ на р. Айдарѣ, притоцкѣ С. Дона, въ Шульгинскомъ городкѣ. Булавинъ сдѣлалъ слѣдующее по Дону воззваніе: „Всѣмъ старшинамъ и казакамъ за домъ Пресвятыя Богородицы, за истинную христіанскую вѣру и за все великое войско Донское, также сыну за отца, брату за брата и другу за друга стать и умереть за одно. Зло на насъ умыслаютъ, жгутъ и казнятъ напрасно, вводятъ въ еллинскую (новую) вѣру и отъ истинной отвращаютъ. А вы вѣдаете, какъ наши дѣды и отцы на семь Полѣ жили и какъ оное тогда крѣпко держалось; нынѣ же наши супостаты старое наше Поле все перевели и ни во что вмѣнили, и такъ, чтобы намъ его вовсе не потерять, должно защищать единоплеменно и въ томъ бы вы всѣ мнѣ дали твердое слово и клятву“. Далѣе Булавинъ въ своемъ воззваніи увѣряетъ казаковъ, что запорожцы и бѣлгородская татарская орда идутъ къ нимъ на помощь и въ заключеніе приказываетъ, во имя спасенія Дона, что тамъ, гдѣ это письмо будетъ прочтено, одной половиной людей оставаться въ куреняхъ, а другой быть готовой выступить конно вооруженною въ походъ, куда укажетъ; волница же должна вся безъ изыятія двинуться. Если же кто явится ослушникомъ и противникомъ, тотъ преданъ будетъ смертной казни.³²¹⁾

Это воззваніе подняло все верховое и донѣцкое казачество. Войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ тщетно въ своихъ грамотахъ старался увѣрить возставшихъ въ пагубности затѣяннаго Булавиннымъ дѣла, но ничто не помогло. У Булавина было уже до 20 тыс. преданныхъ ему людей. Онъ намѣревался уже идти на Москву. Броженіе

³²⁰⁾ Допол. къ дѣяніемъ Петра I-го Томъ VII, стр. 427.

Отписка Булавина и войска Донского къ войску Запорожскому 17 мая 1708 г. Грамота Булавина къ кубанскимъ казакамъ 27 мая 1708 г. „Истор. Петра Великаго“ Проф. Брикеръ. Т. I, гл. XV, стр. 345 и 346

³²¹⁾ Дѣянія Петра Вел. Т. II, стр. 476 и 437.

Истор. Петра Вел. Проф. Брикеръ. Т. I-й, гл. XV, стр. 343—346.

быстро пронеслось по всемъ городамъ тогдашней южной Россіи. Всѣ знали, что боярамъ, приказнымъ и сборщикамъ податей пощады не будетъ. Въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ и близъ Тулы мятежная шайка жгли деревни и принуждали жителей къ возстанію.

Низовые казаки, прикормленники центральной власти на Дону, стали на сторону войскового атамана и, какъ хорошо вооруженные и лучше дисциплинированные, въ нѣсколькихъ схваткахъ въ октябрѣ 1707 г. одержали верхъ надъ булавинцами, взяли въ плѣнъ нѣсколько человекъ и съ старш. Ефремомъ Петровымъ отослали въ Москву, гдѣ они и были казнены. Царь считалъ этотъ мятежъ уже поконченнымъ и зорко сталъ слѣдить за движеніемъ шведской арміи, быстро перешедшей въ концѣ этого года Вислу и двинувшейся на Гродно. Петръ едва успѣлъ убѣжать въ Вильну. Но не таковъ былъ Булавинъ: оставивъ своихъ приверженцевъ формировать настоящую армію, онъ бросился въ Запорожье. „Товариство“, выслушавъ его доводы, дало позволеніе всемъ желающимъ идти съ нимъ.

На требованіе царя поймать Булавина и выдать его ему, гетманъ Мазепа, будучи и самъ не увѣренъ, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ, на сторонѣ ли царя или Карла, подъ благовиднымъ предлогомъ уклонился отъ этого и пропустилъ Булавина съ 3 тыс. запорожскихъ и многими малороссійскими казаками обратно на Донъ. Это было весной 1708 г.³²⁹⁾

Сподвижники Булавина - Некрасовъ, Семенъ Драній, атаманъ Старо-Айдарской станицы, Лука Хохлачъ и др., въ его отсутствіе организовали значительную армію, въ которой было не мало и русскихъ бѣглецовъ, и съ этими силами двинулись съ верховьевъ Дона и Медвѣдицы къ Черкаску. Главнымъ предводителемъ былъ избранъ Булавинъ. На рѣчкахъ Голубой и Лисковаткѣ, у Красной Дубровы, близъ Голубинской станицы, 9 апрѣля произошелъ бой между верховыми и низовыми казаками, сторонниками Москвы и войскового атамана. Низовыми командовалъ самъ Лукьянъ Максимовъ, имѣя въ своемъ распоряженіи всего около 5 тыс., въ томъ числѣ азовскій конный полкъ и нѣсколько сотъ калмыковъ. Азовскій губернаторъ Толстой снабдилъ его хорошей артиллеріей. По неравенству силъ, атаманъ былъ разбитъ наголову, оставивъ въ добычу Булавина свой лагерь и всѣ пушки. Булавинъ свободно двинулся къ Черкаску. Ниже лежащія станицы присоединились къ нему, исключая Донецкой (на Бугучарѣ), Казанской, Усть-Медвѣдицкой, Правоторовской и Бурацкой. Станицы отъ Нижне-Курморской до Черкаска, колебались; потому многія изъ нихъ подъ влияніемъ убѣжденій стая за старую свободу казачества, а также подъ насиліемъ и угрозами должны были присоединиться къ общему движенію.

Словомъ, за Булавина встали почти весь Донъ, до 99 станицъ. Одна часть войскъ шла большимъ шляхомъ, по правой сторонѣ Дона, другая плыла по рѣкѣ на судахъ.³²⁸⁾ Въ концѣ апрѣля войска эти

³²⁹⁾ Грамота Петра I-го гетм. Скоропадскому 26 мая 1709 г. Полн. собр. закон. т. IV, № 2233.

Отписка запорожцевъ царю 6 авг. 1708 г.

Акты Лихина. Т. I, № 163. Грамота на Донъ 26 дек. 1707 г.

³²⁸⁾ Акты Лихина. Т. I, №№ 164 и 165. Отписка Толстого изъ Азова въ апрѣлѣ 1708 г. и грамота на Донъ 28 апрѣля того же года.

Дорога, по которой Булавинъ шелъ къ Черкаску, и теперь во многихъ станицахъ носитъ названіе „Булавинскаго шляха“.

обложили Черкасскъ. Два дня продолжалась осада. Хорошо укрѣпленный и оборудованный артиллеріей городъ взять приступомъ было рискованно. Булавинъ пошелъ на хитрость: жители станицъ Рыковскихъ, расположенныхъ за чертой города и перешедшихъ на сторону осаждающихъ, ночью подошли, по общему уговору, къ воротамъ крѣпости и стали умолять спасти ихъ будто бы отъ жестокостей Булавина. Имъ отворили ворота, а вмѣстѣ съ ними въ городъ вошли и булавинцы. Гарнизонъ не защищался, т. к. станицы Тютюревская и Скородумовская немедленно собрали кругъ и на немъ рѣшили войскового атамана и старшинъ „побить до смерти“. Въ кругъ пріѣхалъ Булавинъ; начались допросы. 6 мая атаману Лукьяну Максимоу отрубили голову, а старшину Ефрема Петрова повѣсили. Многие изъ старшинъ и домовитыхъ казаковъ, въ томъ числѣ сынъ бывшего любимца Петра I-го—Фрола Минаева, Василій Фроловъ, укрылись въ Азовѣ. Въ Черкасскѣ собрался Войсковой Кругъ, многолюдный, еще небывалый на Дону, изъ представителей 110 станицъ, считая 11 Черкасскихъ, на которомъ Кондратій Булавинъ былъ провозглашенъ войсковымъ атаманомъ. Также избраны и другіе старшины. О своемъ всеобщемъ избраніи Булавинъ отъ имени войска Донского послалъ 17 мая грамоту кошевому атаману Гордіенку и всему войску Запорожскому, съ просьбой „жить вкупѣ и другъ за друга постоять“ 27 мая была отправлена грамота на Кубань жившимъ тамъ казакамъ старообрядцамъ, и на Терекъ съ извѣщеніемъ о положеніи дѣлъ. Также была снѣшно послана отписка царю съ оправданіемъ происшедшихъ событій и увѣреніе въ Азовѣ, что со стороны войска ничего противнаго интересамъ Россіи предпринято не будетъ.

Кубанцамъ, между прочимъ, Булавинъ писалъ, что если „на насъ (русскій) царь съ гнѣвомъ поступитъ и не захочетъ соблюдать казачьихъ правъ“, то онъ войскомъ отъ него отложится и будетъ просить милости у турецкаго царя, чтобы турецкій царь отъ себя не откинулъ, т. к. царь въ Московскомъ царствѣ вѣру перевелъ“... Далѣе Булавинъ просилъ кубанцевъ снять съ этой грамоты копію, а подлинную послать турецкому султану со особою припискою: „по семь писанинъ войсковой атаманъ Кондратій Афанасьевъ и все войско Донское у тебя, турскаго салтана, милости прося, челомъ бьютъ. А нашему государю въ мирномъ состояніи отнюдь не вѣръ, потому, что онъ многія земли разорилъ за мирнымъ состояніемъ и нынѣ разоряетъ, а также и на твое величество и на царство готовитъ корабли и картоги“... ⁸²⁴⁾

Вотъ до какого состоянія былъ доведенъ Донъ и его лучшіе сыны самовластіемъ Петра и политикой Москвы. Царь не только не хотѣлъ признать казачьихъ правъ, но даже запретилъ говорить о нихъ, а потому, не желая изучить и познать истинное положеніе дѣлъ, онъ 12 апрѣля написалъ князю Василю Долгорукому, брату убитаго, о немедленномъ выступленіи противъ бунтовщиковъ чтобы „сей огонь за разъ затушить“, приказавъ: *всѣ казаки городки по Донцу, Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуки и Иловль сжечь и разорить до основанія, людей рубить и заводчиковъ сажать на колѣ и колесовать*“, напомнимъ при этомъ князю, что и противъ Разина сражался тотже Долгорукій и съ успѣхомъ. Письмо царя заканчивалось словами, что „сія

⁸²⁴⁾ Бринкьеръ. Т. I, стр. 345. Русская Старина. 1870 г.

сарынь, кромя жестокости, не можетъ бытьъ ужина»³⁸³). Боясь за крѣпости Азовъ и Троицкую, царь самъ порывался стать во главѣ войскъ противъ Булавина, чтобы „истребить сей сонъ и себѣ отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей (шведской) войнѣ учинить“, но присутствіе его въ арміи становилосьъ день ото дня необходимѣй, т. к. Карлъ приближался къ Березинѣ.³⁸⁴ Къ счастью Петра событія на Дону развернулись скорѣй, чѣмъ онъ ожидалъ. Одинъ Донъ не могъ устоять противъ всей Россіи. Союзники его, запорожцы, сами дрожавшіе предъ возрастающимъ могуществомъ царя, не могли дать существенной помощи. Границы Донской земли, какъ и теперь, были открыты и защищать ихъ одними своими силами казаки не могли. Изъ дѣйствующей арміи на Донецъ были двинуты: корпусъ Бахметева, бригада ген. м. Шидловскаго, стараго врага Булавина, слободской Острогжской казачій полкъ съ полков. Тевяшовымъ, два баталіона Ахтырскаго и Сумскаго полковъ, два малороссійскихъ полка Полтавскій и Компанейскій и др. Съ сѣвера отъ Воронежа драгунскій и новый пѣхотный съ полк. Риханомъ, также всѣ московскіе дворяне и царедворцы (стольники, стряпчіе и др.), воронежскіе, рязанскіе и тамбовскіе помѣщики и вотчинники, словомъ, всѣ, кому дороги были крѣпостное право и рабство. Съ востока предписано было выступить саратовскому и царицынскому гарнизонамъ и кочевавшимъ тамъ, по донскимъ границамъ, калмыкамъ съ кн. Хованскимъ. Изъ Кіева въ Азовъ и Таганрогъ сѣшно командированы были два драгунскихъ полка и полкъ Смоленскій; всего болѣе 20 тыс. регулярныхъ войскъ и ополченскихъ дружинъ. Главное начальство надъ всѣми этими силами было поручено, какъ сказано выше, кн. Вас. Долгорукому. Этотъ отдаленный потомокъ юриковичей, отъ всей своей „крѣпостнической“ души ненавидѣвшій свободолюбивый духъ казачества, мстя за смерть убитаго брата, въ точности выполнилъ страшный царскій наказъ.

Для защиты донскихъ границъ Булавина, оставаясь въ Черкасскѣ въ ожиданіи помощи отъ союзниковъ, отрядилъ часть своихъ войскъ къ сторонѣ Волги съ Некрасовымъ, къ сторонѣ Воронежа и верховьевъ Дона съ Никитой Голымъ и Семеномъ Дранымъ, а оставшая часть Азовъ съ Казанкинымъ, Гунькинымъ и Хохлачемъ. Въ этомъ раздробленіи силъ была его ошибка. На протяженіи болѣе тысячи верстъ Донъ не могъ защитить свои предѣлы отъ вторженія царскихъ войскъ, двинувшихся на него со всѣхъ сторонъ. Въ Москвѣ и арміи царя всѣ были того мнѣнія, что если бы Булавинъ со всѣми своими войсками перешелъ на Волгу, гдѣ еще съ 1705 г. среди астраханскихъ стрѣльцовъ царилъ неспокойный духъ, гдѣ къ нему могли пристать башкиры и другіе недовольные порядками Московскіе народы, то онъ сдѣлялся бы дѣйствительно опаснымъ для царскаго самовластія. Карлъ XII въ это время вступилъ въ русскіе предѣлы. Исходъ войны со шведами долженъ былъ имѣть сильное отраженіе по всему государству, и въ подобное время эта страшная революціонная власть, какова была власть Булавина на востокѣ, оказала бы большое влияние на ходъ событій.

³⁸³) Дополн. къ дѣян. Петра Вели. Т. VIII, стр. 45—54. Грамоты на Донъ апрѣля 20, 27 и 28 и 3 мая 1708 г. Акты Лишнихъ, т. I, № 185 и 168. Брикеръ; т. I, стр. 346.

Такой приказъ достоинъ страшнаго и кровавагого персидскаго безумца деспота Аги-Мухаметь-хана (во 2-й пол. XVIII в.), но не христіанскаго монарха, стремившагося быть европейцемъ.

³⁸⁴) Брикеръ, стр. 346. Письма Петра къ Меньшикову 10 и 11 мая 1708 г.

Во второй половинѣ мая царь получилъ отписку атамана Булавина въ село Войска Донскаго, пересланную ему изъ Воронежа майоромъ Долгорукимъ, при доставленіи отъ 16 мая 1708 г. Въ отпискѣ Войско правдиво описывало настоящее положеніе дѣлъ на Дону и открыто объясняло, что войсковой атаманъ Лукьянъ Максимовъ и окружающіе его старшины злоупотребляли властью, не исполняли царскихъ указовъ, присылаемое денежное надоманье и хлѣбныя запасы въ общій „дуванъ не давали“, а присвоивали себѣ, за что они по старому казачьему праву были смѣщены и казнены (всего 6 чел.); что несмотря на царскіе указы о выселѣніи бѣглыхъ, они, атаманъ и старшины, безъ вѣдома Войска, за ваятки выдавали записки на захватъ войсковыхъ земель и на нихъ поселяли пришлыхъ людей; что высылая съ Дона по царскому указу съ 1708 г. новопришлыхъ людей, „откуда кто пришелъ“, эти неправые старшины, Лукьянъ Максимовъ съ товарищи, ради своихъ ваятокъ, высылали и старожиловъ казаковъ, сажали ихъ въ воду и вѣшали за ноги по деревьямъ, женокъ полу и дѣвчичъ, также и младенцевъ межъ колоды давили и всякое ругательство надъ нашими женами и дѣтьми чинили и городки многіе огнемъ выжгли, а пожитки наши на себя отбирали“; что полковника Юрія Долгорукаго убили не одинъ Ковдратій Булавинъ, а „съ общаго вѣдома вашего, со всѣхъ рѣкъ войскового совѣту, потому что онъ, князь, поступалъ и чинилъ у розыску противъ великаго государя указу“ и что вмѣсто казенныхъ атамана и старшинъ войскъ Войскомъ Донскимъ избраны Ковдратій Афанасьевъ и другіе старшины, „кто намъ войску годны и любя, и по договору, для крѣпкаго впередъ цѣлоства и твердости, въ книгѣ написали“.

Такия же письма Войско послало всѣмъ царскимъ полководцамъ и въ Польскій приказъ. Письма эти заканчивались обѣщаніемъ, съ дѣлованіемъ креста и св. евангелія, „служить великому государю по прежнему, какъ они служили его дѣду и отцу, и жить межъ себя въ любви и въ совѣтѣ за братство“... „А буде вы, полководцы, насильно поступите и какое разореніе учините и въ томъ воля его, великаго государя, мы Войскомъ Донскимъ рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками уступимъ и на иную рѣку пойдёмъ“.

Во всѣхъ казачьихъ мятежахъ всегда были измѣнники. Степанъ Разинъ, Самойла Лаврентьевъ, Кирѣй Матвѣевъ и др. въ самомъ тѣсномъ кругу были окружены московскими шпіонами. Въ возстаніи Булавина многіе принимали участіе по принужденію и нѣкоторые изъ нихъ тайно сносились съ Азовомъ и Долгорукимъ. Но были и такіе, болѣе дальновидные, которыхъ предстоящій кровавый пожаръ и гибель родины заставили проникнуть къ самому царю и подать ему челобитныя, подъ предлогомъ жалобъ на жестокое будто бы обращеніе съ ними новаго атамана. Одна изъ такихъ челобитныхъ попала къ Петру вмѣстѣ съ полученіемъ отписки Булавина. Челобитчики находили возможность сговориться съ правительственной властью и уладить дѣло безъ кровопролитія, а потому просили царя отозвать обратно посланнаго противъ мятежниковъ войска. Если же царь этого не сдѣлаетъ, то казаки весь Донъ ему уступятъ, а сами пойдутъ на другую рѣку, именно Кубань, и тогда борьба съ этимъ вольнымъ народомъ будетъ гораздо сложнѣй.

Удивительно, что по полученіи этихъ посланій царь дѣйствительно приказалъ Долгорукому остановиться и не идти далѣе. Эта готовность идти на компромисъ съ далеко не вопиющимъ виновнымъ врагомъ показываетъ, каково трудно было общее положеніе. Долгорукой былъ въ большомъ недоумѣніи: съ одной стороны Азовъ звалъ его на помощь, съ другой—съ Днѣпра шли къ Булавину запорожскіе казаки, въ правительственныхъ войскахъ участились случаи бѣгства и неповиновенія, а тутъ пришло царское распоряженіе, связавшее его свободу дѣйствій. На доводы этого кичливаго и злобнаго вельможи, что колебаніе и мягкость будутъ бесполезны и что на обѣщаніе этого „лживаго и грубаго народа“ нельзя полагаться, царь въ концѣ концовъ

предоставил Долгорукому полную свободу действий; т. к. за дальностью разстояній нельзя было давать подробныхъ указаній.²²⁷⁾

Начались битвы съ переменнымъ счастьемъ для обѣихъ сторонъ. Наконецъ, царскія войска всюду стали одолевать. По Донцу и верховымъ рѣчкамъ казачьи городки уничтожались и жители истреблялись. Подъ Азовомъ, гдѣ укрылись казаки черкасскихъ станицъ съ Василиемъ Фроловымъ, булавины тоже потерпѣли неудачу и прогнаны были за Каланчи. Пѣнные всюду вѣшались и сажались на колъ.

Въ виду такого положенія дѣлъ, казаки трехъ Рыковскихъ станицъ, сговорившись съ черкасскими, 7 июля 1708 г., на другой день послѣ пораженія булавицевъ подъ Азовомъ, провозгласили войсковымъ атаманомъ Илью Зерщикова и подъ его руководствомъ окружили курень, въ которомъ находился Булавинъ съ немногими своими сподвижниками. Булавинъ защищался отчаянно и нѣкоторымъ саблей снесъ головы. Зерщиковъ поставилъ пушки и сталъ громить курень. Потерявъ надежду на свою защиту, Булавинъ изъ пистолета пустилъ себя пулю въ високъ. Послѣднія слова его были: „Погибла наша воля!“²²⁸⁾ Трупъ Булавина былъ отправленъ въ Азовъ, гдѣ обезглавленный былъ повѣшенъ за ноги у протоки Каланчи.

Смерть Булавина—это „последняя страница изъ исторіи свободаго Дона“.

Донесеніе о смерти своего врага царь услышалъ 23 июля съ великою радостью и приказалъ служить всенародный благодарственный молебенъ.

Сподвижники Булавина еще нѣсколько мѣсяцевъ геройски защищали сѣверные предѣлы Дона отъ вторженія царскихъ войскъ, но когда въ ихъ тылу появились войска изъ Азова и казаки изъ Черкаска, они мало-по-малу стали ослабѣвать и, наконецъ, были переловлены и отведены въ Москву „на мясо“, какъ говорили сами казаки. Это были: Никита Голый, Семень Драный, Максимъ Маноцкій, Тимофей Соколовъ, Иванъ Стерлядевъ, Николай Колычевъ и др. Вскорѣ погибъ и вновь избранный атаманъ Илья Зерщиковъ, оговоренный Голымъ за сдачу Булавины безъ боя Черкаска.²²⁹⁾

Игнатій Некрасовъ, дѣйствовавшій отъ Качалина до Волги противъ полчищъ Хованскаго и калмыковъ, твердо держался на занятыхъ позиціяхъ. 23 августа 1708 г. онъ далъ рѣшительную битву царскимъ войскамъ при Паншинскомъ. Казаки и перешедшіе на ихъ сторону драгуны бились съ мужествомъ отчаянія, но не могли удержаться и отступили къ Есауловской станицѣ.

Долгорукій съ регулярнымъ корпусомъ шелъ внизъ по Дону, истреблялъ поголовно повстанцевъ и „водворялъ порядокъ согласно высочайшему повелѣнію“, слѣдствіемъ чего выше Пятинзбѣ ни одного городка не осталось. Это было поголовное избіеніе казачьяго населенія. Вѣшали, сажали на колъ, а женщинъ и дѣтей забивали въ

²²⁷⁾ Брикнеръ, т. I, стр. 347 и 348. Акты Лихина, т. I. № 167. Отписка Булавина.

²²⁸⁾ Есть преданіе, записанное въ ненаданной старой рукописи, что вмѣстѣ съ Булавинымъ была переодѣтая въ казацкое платье его дочь Галя. Она вмѣстѣ рубилась съ отцомъ и раненая, падая, вскричала: „Отецъ, спасенія нѣтъ!“ Потомъ, видя, что отецъ взвелъ курокъ, вскричала, обнажила кинжалъ и проколола себѣ грудь, воскликнувъ, обращаясь къ измѣнникамъ: „Рабы, рабы, презрѣнные и жалкіе рабы! смотрите какъ умираетъ свободная казачка!“ и упала мертвой на трупъ отца.

²²⁹⁾ Дѣянъ Петра Вел., ч. II-я, стр. 449. Отписка казаковъ 1709 г. января.

колоры. Священниковъ, молившихся о дарованіи побѣды казачеству, четверговали. Про стариковъ Апраксинъ писалъ царю, что „тѣ и сами исчезнуть“³⁸⁰⁾. О кровавой расправѣ Долгорукаго съ казаками калмыцкій тайша писалъ царицынскому воеводѣ такъ: „Я, чемешъ, тамъ здоровъ, и ты воевода царицынскій Василій Ивановичъ здравствуй. Я Перекопскій городъ взялъ, да прежде три города разбили вмѣстѣ съ Хованскимъ: Паншинъ, Качалинъ и Иловлинъ, и казаковъ всѣхъ побили, а ниже Пятизбъ съ казаками управляется бояринъ Долгорукой, а вверху по Дону казаковъ никого не осталось“³⁸¹⁾.

Въ Есауловскую станицу стеклось до 3 тыс семействъ изъ 16 выше лежащихъ станицъ. Казачество спѣшило въ дорогу, на Кубань, въ подданство болѣе милосерднаго турецкаго царя. Узнавъ объ этомъ Долгорукой съ конницей поспѣшилъ туда и осадилъ станицу. Видя невозможность защищаться, казаки сдались; зачинщики были четвергованы, десятого вѣшали вокругъ станицы. Также ставили висалицы на плотахъ и пускали повѣщенныхъ внизъ по Дону. Видя свое дѣло окончательно проиграннымъ, Некрасовъ успѣлъ убѣжать на Кубань только съ 600 семействъ, большею частью старообрядцевъ, и отдался подъ покровительство крымскаго хана. Имъ отведено было для поселенія мѣсто на Таманскомъ полуостровѣ, въ 30 верст отъ моря.

Попытка Булавина возвратить старыя права казачества стоила Дону очень дорого: 32 городка по Хопру, Бузулуку, Медвѣдицѣ, Дону и верхней половинѣ Дона были сметены съ лица земли; опустѣвшія земли по верхнему Хопру и Дону (нынѣ Бугучарскій уѣздъ) подчинены Воронежской губ., по Дону причислены къ Бахмутской провинціи, а по Айдару пожалованы Острогожскому полку. Казаковъ казнено и побито болѣе 7000 человъ. Это такъ сказать, по официальнымъ даннымъ, по статистикѣ того времени, которой въ дѣйствительности не было. На самомъ же дѣлѣ казаковъ погибло съ женами и дѣтьми въ нѣсколько разъ больше. Донъ, обезсиленный и залитый кровью своихъ сыновъ, стоналъ. Въ концѣ 1708 г. казаки послали въ Москву старшину Вас. Поздѣва съ повинною. Царь простилъ ихъ и обѣщалъ содержать въ прежней милости, если они истребятъ всѣхъ оставшихся возмутителей и будутъ жить спокойно.

Царская грамота объ этой милости была встрѣчена въ Черкасскѣ съ великой радостью, съ ружейной и пушечной пальбой. Въ соборной церкви было отслужено всенародное благодарственное молебствіе.

Въ свою очередь изъ Черкаска были посланы по всѣмъ станицамъ войсковыя грамоты съ просьбой жить „по прежнему въ добромъ состояніи благодарно и худого дѣла отиудъ не помышлять... крестное шѣлованіе соблюдать строго... если же у васъ въ станицѣ или буеракахъ какіе воры явятся, то такихъ брать и всѣхъ сажать въ воду. Пріѣхавшихъ съ Кубани съ прелестными письмами отъ Некрасова присылать къ намъ, войску“³⁸²⁾.

По просьбѣ вѣрныхъ ему казаковъ царь прислалъ на Донъ даже положенное на 1708 г. жалованье и награды отдѣльнымъ лицамъ: старшинѣ Василю Фролову и его командѣ 1400 руб., атаманамъ Извалову и Федосееву по 100 руб., съ ихъ товарищами, за ихъ усердную службу по усмирению мятежа.

³⁸⁰⁾ Соловьевъ. Т. XV, стр. 258. Брикнеръ. т. I, стр. 348 и 349.

³⁸¹⁾ „Очерки по исторіи Донокихъ казаковъ“. А. Савельевъ, стр. 59.

³⁸²⁾ Войсковая грамота ко станицамъ, сохранявшаяся во многихъ станицныхъ архивахъ.

Глава VII.

Реформы Петра I-го въ управленіи войскомъ
Донскимъ.

Русскій народъ, въ силу своихъ историческихъ судьбъ, изстари привыкъ къ самоуправленію. Въ старину, до Уложения Алексѣя Михайловича 1649 г., не разсылались вдругъ по всей Россіи общіе, строго обязательные указы и уставы, а отдавались только мѣстные царскіе указы и грамоты, по мѣстнымъ вопросамъ и нуждамъ, и при томъ эти указы и грамоты не навязывались насильно народу, городскимъ и крестьянскимъ общинамъ, жившимъ своей самостоятельной исторической жизнью. Несмотря на произволъ царскихъ воеводъ, на издѣвательство помѣщиковъ надъ насильно закрѣпощеннымъ ими крестьянствомъ, русскій народъ, великій творческій духъ и самодѣятельность никогда не умирали въ русскомъ народѣ. Уже въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Московское государство стало проникать европейское образованіе, а правительница Софья и просвѣщенный ея фаворитъ, кн. В. В. Голицынъ, мечтали о многихъ преобразованіяхъ въ Россіи на европейскій ладъ, не касаясь самобытнаго уклада русской жизни. Путь былъ правильный, естественный. Но Петръ I-й, вступивъ на престолъ, вдругъ вздумалъ одною своею волею разрушить старый историческій русскій строй, повернуть жизнь русскаго народа на новый, искусственный ладъ, вдругъ обратитъ невѣжественнаго и коснаго русскаго боярина и темнаго мужика въ европейца, разрушить всё его вѣковые устои какъ въ семейномъ, такъ и общественномъ быту. Путь не естественный въ жизни народа, путь шаткій и пагубный. Итоги этихъ пріемовъ уже достаточно отразились во всѣхъ проявленіяхъ русской жизни какъ при пріемникахъ Петра такъ и въ позднѣйшее время. Въ наукѣ, искусствахъ, управленіи—вездѣ и всюду пахло иностранцами, нѣмецкой поверхностной культурой, все же самобытное и даже хорошее русское давилось, изгонялось и подвергалось осмѣянію. Разрушая старый строй, Петръ думалъ одними регламентами, инструкціями, указами обновить Россію. Имъ въ періодъ съ 1700 1725 г. издано до 28 регламентовъ, уставовъ и инструкцій, болѣе 2 тыс. указовъ. Онъ думалъ, что всё эти регламенты и указы радикально измѣнятъ русскую жизнь и поведутъ ее по совершенно новому, хотя и искусственно чуждому пути; отрицая все естественно историческое, вольно-народное земское строеніе, весь вѣковой укладъ народной жизни, онъ воображалъ въ своемъ самодѣльнѣи, что выводитъ Россію на путь просвѣщенія, но на самомъ же дѣлѣ гналъ русскій народъ въ ярмо иностранцамъ, т. к. ни торговля и промышленность, ни науки и искусства, будучи стѣснены регламентами, не могли процвѣтать безъ свободы въ дѣйствіяхъ; свобода есть единственное, достойное и надежное средство къ успѣхамъ народной дѣятельности. Примѣромъ тому можетъ служить исторія Новгорода и Пскова, а также и войска Донскаго.

„Уставы и указы Петра I-го часто содержали много противорѣчй и недоразумѣній, требовавшихъ многихъ толкованій и поясненій, а потому они множествомъ своимъ и обширностію часто служили не къ сокращенію и упрощенію въ дѣлахъ управления и судопроизводства, чѣмъ къ умноженію поводовъ къ злоупотребленіямъ“³²³). Самовластіе царскихъ сановниковъ уже сказалось въ усмирении бунта Булавина. Донъ былъ униженъ, убитъ, задавленъ. Даже царскіе „прикормленники“, выросшіе на боярскихъ подачкахъ, боялись поднять головы и изглянуть на свѣтъ Божій „глазами казака“. Еще въ сентябрѣ 1705 г. станичный атаманъ Савва Кочетовъ, будучи въ Москвѣ, говорилъ униженно боярамъ: „Мы взысканы паче всѣхъ подданныхъ, до насъ не коснулся государевъ указъ о платьѣ и о бородахъ; мы живемъ по древнему обычаю, всякій одѣвается какъ ему угодно: одинъ черкесомъ, другой по калмыцки, иной въ русское платье стараго покрою, и мы не насмѣхаемся другъ надъ другомъ. Нѣмецкаго же платья у насъ никто не носитъ и охоты къ нему вовсе не имѣемъ; если же угодно будетъ государю заставить насъ носить нѣмецкое платье, то мы противиться тому не будемъ.“³²⁴). Что же могли сказать царю донскіе казаки послѣ разгрома Дона? Всѣ пріумолкли и пріуныли. Весной 1709 г. 19 апрѣля царь изъ Воронежа на судахъ прибылъ въ Черкасскъ. Съ нимъ были: кн. Юрій Шаховской, кн. Петръ Голицынъ, Никита Зотовъ и Прокофій Ушаковъ. На Дону съ трепетомъ ждали царскаго гнѣва. И дѣйствительно, Петръ приказалъ „чинить новый розыскъ о сообщникахъ Булавина“, отсѣкаетъ головы войсковому атаману Ильѣ Зерцикову, предавшему Булавина, и старшинѣ Соколову, велитъ привести тѣло Булавина, „пятерить“ его и на поставленныхъ столбахъ съ колесами возить по городу, а головы казенныхъ воткнуть на колья и поставить на площади. Роль палача исполнялъ князь Голицынъ.

Послѣ казней царь собралъ къ себѣ всѣхъ старшинъ и знатныхъ казаковъ, объявилъ имъ свое „милостивое слово“ и „пожаловалъ имъ изъ нихъ же въ войсковые атаманы Петра Емельянова, сына Рамазанова, по смерти его“. 22 апрѣля на судахъ царь прибылъ въ Азовъ, гдѣ также учинилъ розыскъ и многихъ казнилъ, а 26 числа посѣтилъ Троицкую крѣпость, расположенную на Таганъ-рогѣ, казнилъ тамъ протопопа за сношенія его будто-бы съ гетм. Мазепой, а потомъ, приказавъ войску Донскому и азовскому гарнизону быть всегда готовыми на случай нападенія татаръ или турокъ, 15 мая отбылъ чрезъ Бахмутъ подъ Полтаву, куда приближался Карлъ съ своей арміей³²⁵).

Трудное время переживалъ Донъ, сжатый желѣзными тисками самовластіемъ царя. Лучшія его силы, до 15 тыс., были въ дѣйствующей арміи, разбросанная отъ Финляндіи и Лифляндіи до Крыма: При пораженіи генер. Левенгаупта подъ Лѣснымъ (27 сент. 1708 г.) казаки вмѣстѣ съ калмыками преслѣдовали бѣжавшаго неприятеля и у Пропойска отняли у него 2 тыс. подводъ съ провіантомъ. О событіяхъ

³²³) О причинахъ разстройства финансовъ въ Россіи“. Н. С. Мордвинковъ, извѣстный госуд. дѣлатель первой половины XIX в.

Про эпоху Петра I-го и его премянниковъ тюменскій странникъ говоритъ: „во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ судятъ и распоряжаютъ по своей полоти, по злату и серебру, по мѣшкамъ и по штофамъ“. Москвитинъ, писатель 20-хъ год. XIX ст. „Разглагольствованія тюменскаго странника“.

³²⁴) Дов. Дѣла. „Распросныя рѣчи Кочетова въ сент. 1705 г.“.

³²⁵) Ригельманъ. Стр. 97 и 98.

„Старочеркаскъ и его достопримѣчательности“. Гр. Тенятовскій. Стр. 41.

на Дону они были не осведомлены, а потому и не знали, как царь расправляется съ ихъ станицами. Въ битвѣ подь Полтавой объ участіи донскихъ казаковъ въ реляціяхъ ничего не говорится, по всей вѣроятности, царь имъ или не довѣрялъ, или далъ другое назначеніе.

Со времени бѣгства Некрасова на Кубань, нападенія кубанскихъ татаръ на донскіе казачьи городки участились, жители сотнями уводились въ неволю. Проводниками для татаръ на Донъ были, надо полагать, некрасовцы, а на русскую Украину запорожцы Гордіенка, союзники Булавина, изгнанные изъ Старой Сѣчи, разоренной царемъ въ 1709 г., и ушедшіе за Днѣпръ подь покровительство крымскаго хана.

Положеніе Дона еще болѣе ухудшилось, когда, послѣ позорнаго Прутскаго договора, въ 1711 г. туркамъ были отданы царемъ Азовъ и Таганрогъ съ устьями Дона и Азовскимъ моремъ. По повелѣнію Петра на Монастырскомъ Яру, ниже Черкасса, былъ устроенъ *транжементъ*, снабженный артиллеріей, вывезенной изъ Азова, и охраняемый достаточнымъ гарнизономъ. Цѣль устройства этого укрѣпленія слѣдить за дѣйствіями турокъ, а главнымъ образомъ имѣть наблюденія за холодомъ дѣлъ на Донѣ и предупреждать всѣ „шатости“. Безъ разрѣшенія коменданта „транжемента“, въ распоряженіе котораго поступило все войско Донское, казаки не могли предпринять ни походавъ, ни поисковъ надъ неприятелемъ для освобожденія своихъ братьевъ, томившихся въ неволѣ. Рыбныя тони также для нихъ были отрѣзаны. Мало того, коменданты стали вмѣшиваться даже въ ихъ внутреннюю жизнь, давать разнаго рода инструкціи, разбирать споры ихъ съ калмыками и татарами, производить сыскъ бѣглыхъ и водворять ихъ въ прежнія мѣста. Кромѣ постоянного гарнизона, при крѣпости всегда находился конный казачій полкъ, названный Азовскимъ, на обязанность котораго были возложены самыя разнообразныя службы: почтовая, таможенная, слѣдить по воровскимъ шляхамъ за движеніемъ неприятеля и др. Сношенія Дона съ русскимъ правительствомъ стали проходить чрезъ коменданта транжемента. вмѣсто прежнихъ царскихъ грамотъ и отписовъ въ Посольскій приказъ или прямо царю стали получаться отношенія промеморіи, ордера, реляціи и др., въ которыхъ такъ или иначе фигурировали эти коменданты, часто заходившіе далеко за предѣлы предоставленныхъ имъ царемъ полномочій.³⁸⁶⁾

Въ 1715 г. умеръ войсковою атаманъ Емельяновъ³⁸⁷⁾; собрался, по старой памяти, войсковою кругъ и избралъ атаманомъ Максима Кумшацкаго. Комендантъ по этому случаю донесъ царю, что большинство голосовъ получилъ Василій Фроловъ, а Кумшацкій меньшинство, „однакожь рѣшено было у нихъ быть войсковымъ атаманомъ Кумшацкому и насѣку ему вручили, впредь до указу“. Въ слѣдующемъ году атаманомъ избранъ Максимъ Фроловъ, а въ 1717 г. Василій Фроловъ, сынъ Фрола Минаева. 26 февраля 1718 г. Петръ I-й повелѣлъ ему, какъ доказавшему свои военныя способности въ бит-

³⁸⁶⁾ По требованію турокъ, согласно Прутскаго договора, „не строить укрѣпленій между Азовомъ и Черкаскомъ транжемента, съ Монастырскаго былъ перенесенъ выше Черкасса, на Васильевскіе бугры, а въ 1730 г. на правый берегъ Дона, между нынѣшними Ростовомъ и Нахичеванью, и названъ крѣпостью св. Анны, а съ 1761 г. „Дмитрія Ростовскаго“.

³⁸⁷⁾ По исторіи Ригельмана (стр. 101), Емельяновъ не умеръ, а былъ Кругомъ смѣщенъ.

вахъ съ татарами, быть войсковымъ атаманомъ *по выбору всего войска*, безъ перемѣны, впредь до указу. Въ 1720 г. онъ получилъ царскую похвальную грамоту и царскій портретъ, украшенный алмазами за военные подвиги въ Финляндіи, Польшѣ и въ 1717 г. въ битвахъ съ кубанскимъ Бохты-Гиреемъ во время его ~~набѣговъ~~ на русскія украинны ³⁸⁸).

Въ 1723 г. Василій Фроловъ умеръ и войсковою кругъ, собравшись въ послѣдній разъ, избралъ атаманомъ извѣстнаго героя шведской войны и персидскаго похода Петра I-го (въ 1722—23 г.г.) Ивана Матвѣева, по прозванью Краснощекова, но царь его, какъ находившагося подъ судомъ „за взятіе у украинскихъ жителей вещей и денегъ“, не утвердилъ, а повелѣлъ быть атаманомъ впредь до указу старшинъ Андрею Лопатину.

Слѣдовательно, 1723 г. нужно считать *послѣднимъ ретовымъ годомъ*, когда у войска Донскаго было отнято его исконное право избирать въ своемъ кругу войсковыхъ атамановъ. Съ этого года атаманы стали назначаться царской властью.

Въ 1735 г., по смерти Лопатина, по царскому указу былъ назначенъ войсковымъ наказнымъ атаманомъ Иванъ Фроловъ, а въ 1738 г. „настоящимъ войсковымъ атаманомъ пожалованъ старшина Данила (Ефремовичъ) Ефремовъ“ ³⁸⁹).

Въ царскихъ грамотахъ на имя Ивана Фролова послѣдній впервые именуется „наказнымъ“, т. е. дѣйствующій по царскому наказу. Въ грамотахъ на имя Данилы Ефремова и сына его Степана названіе это отсутствуетъ.

Отнявъ у донскаго казачества его старое народное, освященное вѣками, право избирать въ кругу своемъ излюбленныхъ лицъ въ атаманы, Петръ I-й тѣмъ самымъ подорвалъ и значеніе самого Войскового Круга, какъ верховнаго управленія всего Войска. Еще въ концѣ XVII в., послѣ усмиренія бунта Разина, старшины и домовитые казаки г. Черкаска и низовыхъ станицъ, во главѣ съ атаманомъ Корнилой Яковлевымъ, избравшимся 7 лѣтъ сряду, стали брать въ управленіи войскомъ засилье и, опираясь на царское правительство, рѣшать дѣла безъ вѣдома и согласія верховныхъ городковъ, противниковъ Москвы. Засилье это еще болѣе усилилось при атаманѣ Фролѣ Минаевѣ, избравшемся непрерывно 20 лѣтъ. Этотъ любимецъ Петра, опираясь на его указы и силу, съ своими сторонниками образовалъ въ Черкаскѣ нѣчто вродѣ центрального войскового правительства, именовавшее себя также „Всевеликимъ Войскомъ Донскимъ“. Булавинъ разметалъ все это „московское навожденіе“ и возстановилъ старый всенародный Кругъ.

Петръ I-й въ бытность свою въ Черкаскѣ въ маѣ 1709 г., собравъ наличныхъ старшинъ и „добрыхъ“ казаковъ, поставилъ своею властью, *безмѣнно*, въ атаманы Петра Емельянова, человека ограниченнаго и мало извѣстнаго. Этимъ онъ показалъ, что не считается съ народнымъ мнѣніемъ.

Атаманы послѣдующихъ годовъ хотя и ставились „по выбору всего войска, впредь до указу“, какъ значилось въ донесеніяхъ, но

³⁸⁸) Грамота на Донъ 23 мая 1720 г. Сборникъ грамотъ Приишимова, стр. 141.

³⁸⁹) Тамъ же. Грамоты на Донъ. Стр 147—182. Грамота на Донъ о пожалованіи атаманомъ Ефремова 17 марта 1738 г. Стр. 191.

них избраніе производилось не всенароднымъ войскoвымъ кругомъ, а старшинами и казаками ближайшихъ станицъ, единомышленниками старшинъ. Въ 1723 г. царь не посчитался и съ мнѣніемъ этихъ старшинъ, избравшихъ Ивана Краснощекoва, страшнаго для шведовъ въ Финляндіи, для горскихъ народовъ въ персидскомъ походѣ и татаръ, жившихъ на Кубани, въ которомъ жилъ духъ стараго донскаго казака, чего такъ боялся и не любилъ царь, а повелѣлъ „быть въ атаманѣхъ впредь до его указа изъ старшинъ Андрею Лопатину“. Съ этого времени атаманъ и старшины присвоили себѣ право распоряжаться, съ утверждения Военной коллегіи, въ вѣдѣніе которой съ 1721 г. перешло войско Донское, всѣми дѣлами Дона: назначать очередныхъ казаковъ въ полки и отправлять ихъ по царскимъ указамъ въ русскую армію, раздавать награды, въ томъ числѣ почетное званіе старшины, казачьи чины-должности квартирмистра, хорунжаго, сотника и есаула, рѣшать тяжebныя дѣла и споры между станицами и др. Въ этотъ Кругъ иногда, въ особо важныхъ дѣлахъ, приглашались атаманы станицъ и выборные старики, по два отъ каждой. Разсмотрѣніе войскoвыхъ дѣлъ въ кругу старшинъ продолжалось до 1740 г., а съ этого времени упоминается уже Войсковая Канцелярія. Такъ, въ грамотѣ 1740 г. говорится: „того ради опредѣлили мы войскoмъ Донскимъ“... Въ грамотѣ же 1748 г.: „слушано при сборѣ въ Канцеляріи войскoвыхъ дѣлъ старшинъ... того ради приговорили мы войскoмъ Донскимъ при сборѣ въ Канцеляріи войскoвыхъ дѣлъ старшинъ“...

Спорныя дѣла между станицами поручались разслѣдовать и разбирать одному изъ старшинъ на мѣстѣ. Если дѣло касалось юртовыхъ межъ, то старшина склонялъ тяжущіяся стороны къ примиренію или согласиться на общую правду, т. е. на рѣшеніе всѣми уважаемаго старожилы, который, поклявшись на св. евангеліи поступить по совѣсти, долженъ былъ со св. иконою пройти по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ при его памяти пролегла юртова межа.

Званіе старшины было пожизненнымъ, безъ права передачи его потомству. Войсковой Кругъ, возводя въ это званіе за личныя заслуги, имѣлъ право и лишать его за дурное поведеніе и преступленія противъ войска. Такъ, напримѣръ: въ 1751 г. старшина Лащилинъ „за нѣкоторую, оказанную войску противность и непослушаніе“, былъ лишенъ „старшинской чести и записанъ на 3 мѣсца въ рядовые казаки“; въ 1754 г. старшина Перфидовъ „за продерзости и за взятки и за освобожденіе при поимкѣ великороссійскихъ бѣглецовъ“ былъ лишенъ „старшинскаго чина и записанъ вѣчно въ рядовые казаки“³⁴⁰).

Однако, были случаи, что старшинское званіе было даваемо нѣкоторымъ лицамъ и по протекціи, безъ всякихъ заслугъ предъ Войскомъ. Такъ, сынъ атамана Фрола Мьяева Ваоилъ получилъ званіе старшины по просьбѣ отца въ то время, когда его личныя заслуги были еще мало известны. Званіе это ему поднесли сторонники стараго Фрола. Тамою порядкомъ при старомъ всенародномъ Кругѣ былъ нетерпимъ. Въ XVII в. почетное званіе старшины давалось кругомъ только за личныя заслуги предъ всѣмъ Войскомъ. Иванъ Ивановъ, сынъ Фрола, награжденъ старшинскимъ званіемъ „за заслуги отца и дѣда“ въ 1733 г. уже не кругомъ, а грамотой имп. Анны Ивановны; такое же званіе получилъ изъ рукъ императрицы въ 1734 г. и сынъ старшины, впоследствии „мажораннаго“ военнаго атамана, Даниилъ Ефремова—Степанъ Даниловичъ Ефремовъ, также за заслуги отца.³⁴¹ Самъ Даниилъ Ефремовъ за 15 лѣтнее атаманство пожалованъ

³⁴⁰ А. Савельевъ. Стр. 71—73, 1870 г. Е. Савельевъ. „Войсковой Кругъ на Дону, или народоправленіе“. Стр. 6—8. 1917 г.

³⁴¹ Грамоты на Дону 26 февраля 1733 г. и 13 января 1735 г. Архивъ Динина, т. II, ч. 1-я, № 52 и 108.

въ 1763 г. чиномъ армейскаго генералъ-маіора.⁸⁴²⁾ Такое вмѣшательство верхней русской власти въ дѣла казачьей военной общины, какъ растлѣвающее начало, дѣло самаго пагубнаго для Дона послѣдствія, выразившееся въ томъ, что въ некоторые изъ донскихъ казаковъ по просьбамъ отцовъ и дѣдовъ или знатныхъ родственниковъ, за взятія и посулы царскимъ вельможамъ, стали награждаться российскими чинами еще „качаеся въ людѣхъ“.

Единственный изъ всѣхъ донскихъ старшинъ первой половины XVIII в. Иванъ Краснощековъ въ 1738 г. за свои великія военные подвиги былъ пожалованъ императрицей Анной Ивановной чиномъ армейскаго бригадира, съ награжденіемъ его золотой медалью съ изображеніемъ коронаціи, украшенной алмазами, и жалованьемъ по рангу. Въ грамотѣ Анна Ивановна Войску писала, чтобы „онаго Краснощекова за дѣйствительнаго армейскаго бригадира мысли и почитали, и понеже онъ и безъ того, яко старшій надъ всѣми прочими старшиннами, первенство имѣть и яко дѣйствительный армейскій бригадиръ, подя командю вуйскового атамана быть не можетъ“. Далѣе императрица повѣляла, что если будетъ по ея указу назначенъ донскимъ полкамъ походъ, „то быть ему въ тѣхъ походахъ главнымъ командиромъ“⁸⁴³⁾.

Послѣ разгрома Дона въ 1708 г. донскіе казаки терпѣли большой недостатокъ въ състныхъ припасахъ. Жилища ихъ были разорены и сожжены, скоть угнанъ калмыками и татарами, а все остальное съѣли царскія войска. Присланное царское жалованье „добрымъ казакамъ“, хлѣбъ и другіе припасы были лишь каплей въ морѣ и пошли въ „дуванъ“ только среди низовыхъ, „вѣрныхъ“ казаковъ. Но богата природа Донского края; нужда заставила донцовъ взяться за земледѣліе и садоводство. Плодовые сады и виноградники покрыли берега Дона отъ Мелехова до Цымлы. Скоть добыли изъ постоянныхъ стычекъ съ кубанскими татарами. Разоренныя мѣста по Медвѣдицѣ, Хопру, Бузулуку и Донцу скоро были заселены выходцами изъ другихъ, уцѣлѣвшихъ станицъ. Царь, занятый войной съ Швеціей, слалъ на Донъ грозные указы не принимать бѣглыхъ изъ Россіи, но что значать эти требованія „свыше“, когда жизнь народа требуетъ другое,—казаки не исполняли этихъ повелѣній и продолжали переселивать и хоронить въ глухихъ хуторахъ пришлый людъ. Во главѣ этого стояли сами донскіе старшины и домовитые казаки. Въ 1728 г. для сыску бѣглыхъ на Донъ прибылъ ген.-маіоръ Таракановъ, но по настоянію Войска „изъ уваженія къ его заслугамъ“, высочайшимъ указомъ 9 сентября 1728 г. было повелѣно сдѣлать высылку только изъ тѣхъ, которые пришли на Донъ послѣ 1710 г.⁸⁴⁴⁾ Но и это и послѣдующія царскія повелѣнія донцы ухитрились не выполнять и ограничивались однѣми отписками, что на Дону, при всемъ желаніи, „бѣглыхъ не розыскано“.

Къ концу царствованія Петра I-го населеніе Дона простиралось до 60 тыс. казаковъ, способныхъ носить оружіе. Изъ нихъ въ 1711 г., по повелѣнію царя, при объявленіи войны Турціи, 14,266 казаковъ, бывшихъ въ дѣйствующей арміи (очередные), стали получать содержаніе изъ казны⁸⁴⁵⁾. Съ тѣхъ поръ Донское войско, какъ бы возродившись изъ пепла, исполняя царскія повелѣнія, стало принимать обязательное участіе во всѣхъ войнахъ Россіи, выдвигая на европейскую сцену, какъ и въ минувшіе вѣка, своихъ легендарныхъ чудо-

⁸⁴²⁾ Грамота на Донъ 21 авг. 1753 г. Принишинковъ, стр. 248.

⁸⁴³⁾ Грамоты на Донъ 16, 23 и 30 марта 1738 г. Акты Липина, т. II, ч. 1-я, №№ 202, 204 и 205.

⁸⁴⁴⁾ Акты Липина, т. II, ч. 1-я, № 26.

⁸⁴⁵⁾ Жур. Петра 1-го.

богатырей, предъ которыми восторгался самъ знаменитый Суворовъ и доблести которыхъ завидывалъ геніальный Наполеонъ³⁴⁶).

Подъ конецъ своего царствования Петръ I-й, убѣдившись въ великой стойкости казаковъ въ военномъ дѣлѣ, примѣромъ чему служили геройскія схватки ихъ съ горскими народами во время персидскаго похода, и способности ихъ приспособляться вездѣ и всюду къ колонизаторской жизни, въ 1724 г. повелѣлъ перевести съ Дона, изъ донецкихъ, хоперскихъ, бузулуцкихъ и медвѣдичьихъ городковъ, съ помощью казны, до тысячи семействъ и поселить ихъ въ предгорьяхъ Кавказа, 500 семействъ на р. Аграхани и 500 на Гребняхъ, для охраны отъ набѣговъ горцевъ³⁴⁷). Въ слѣдующемъ году, по повелѣнію Екатерины I-й, въ помощь имъ туда же были командированы, въ Гилянъ и къ крѣпости Св. Креста, 3000 конныхъ казаковъ и 500 калмыковъ³⁴⁸).

Преемники Петра, слѣдуя его политикѣ, въ 1731—32 г.г. потребовали отъ Войска переселить на Волгу, на Царицынскую линію (отъ г. Царицына до р. Камышенки) до 1200 семействъ охотниковъ изъ ближайшихъ станицъ, для защиты этихъ мѣстъ отъ вторженій кочевыхъ народовъ съ Кубани и Кавказа³⁴⁹). Изъ этихъ переселенцевъ тамъ образованы городки: Дубовка, какъ главный войсковой центръ, съ войсковымъ управленіемъ — атаманомъ и старшинами, въ которомъ было три станицы — Дубовская. Средняя и Волжская, потомъ Балылеевская, Караваевская и Антиповская, про существовавшая до 1770 г., когда ихъ повелѣно было перевести на вновь учрежденную линію отъ Моздока къ Азову.

Такимъ образомъ, московскіе цари, по почину Петра I-го, окончателно подчинивъ своей влаи и донское казачество и разрушивъ его старый военный укладъ, стали распорядиться имъ, исполняя капризы своихъ сойтниковъ-бояръ, по своему усмотрѣнію, очень часто вопреки здравому смыслу и въ неуваженіе и нарушение интересовъ народной жизни. Царскіе нельможи, какъ это говорить многолѣтняя исторія Дона и Запорожья, не любили казачество, какъ они не жаловали его и до послѣдняго времени; въ свою очередь этогъ свобододолюбивый и сильный духомъ народъ, отъ всей казацкой гордой души, не выносилъ этого уродливаго и печальнаго явленія русской жизни — боярства, порожденія самодержавія и самовластия, большею частью лицъ неслѣдственныхъ и нерѣдко кровавадныхъ, всегда дрожавшихъ за прерогативы своей „священной“ особы. Часто капризы этихъ, случайно выплывшихъ „на высоту“ лицъ, недоумѣніе и упрямство, служили закономъ для многомиллионнаго народа, выдвинутаго вѣками и тысячами на историческое поприще, много пережившаго и много перестрадаващаго въ борьбѣ за свою независимость и за свою самостоятельность, за право жить на землѣ по непреложнымъ законамъ своего національнаго усмотрѣнія и темперамента, національнаго характера.

Но, презирая боаръ и по справедливости считая ихъ виновниками всѣхъ народныхъ бѣдотвѣй, въ донскомъ казачествѣ на протяженіи вѣковъ, проскальзываетъ одна загадочная черта; несмотря на полный его, въ самомъ широкомъ смыслѣ, демократическій духъ, — это благоговѣніе предъ царскою властью, какъ олицетвореніемъ высшей правды на землѣ. Многие историкі явленіе это объясняютъ влияніемъ Византии и проповѣдью вышшаго духовенства, другіе тѣмъ, что въ темной народной массѣ всегда пребываетъ рабскій духъ, но тѣ и другіе, по отношенію къ казачеству, ужъ многолѣтнею и испытанною въ кровавой борьбѣ за свое существованіе народа, глубоко не правы. Казачество, благоговѣя предъ единолѣтними имъ царями, жившимъ тамъ, гдѣ-то, за предѣлами ихъ владѣній, никогда не терпѣло вмѣшательства въ ихъ внутреннюю жизнь, свято оберегало

³⁴⁶ Подвиги донскихъ героевъ, прославившихъ свою великую родину, будуть изданы особой серіей „Донскіе богатыри“. *Астoria*.

³⁴⁷ Грамота на Донъ 20 февр. 1724 г. Акты Липина, т. I-й, № 198.

³⁴⁸ Грамота на Донъ 9 февр. 1726 г. Тамъ же, т. II, ч. 1, № 1.

³⁴⁹ Тамъ же № 46, 48 и 59. Грамоты на Донъ 3 авг. и 15 ноября 1731 г. и 31 августа 1732 г.

свою свободу и власть от чуждаго ихъ духу вліанія, даже въ религіозно-духовной жизни. Объ этомъ свидѣлствуютъ всѣ нѣмѣ приведенные торжественныя акты. Кавачество чтло московскихъ князей князей, а потомъ царей, нагъ прежде оно чтло татарскихъ хановъ, покровителей христіанства, начиная отъ Чингизъ-хана, не за то, что они въ силу судьбы владѣли на землѣ, а за то, что они всегда признавали за ними ихъ древнее священное казачье право „казачья“, свободу личности, быть независимыми, никому не подвластными въ предѣлахъ ихъ владѣній. Это право за ними торжественно призналъ Грозный царь въ 1662 г., по званіи Казани, и далъ имъ на это грамоту. Послѣдующихъ царей они считали оберегателями этого права и за это ихъ чтли и давали имъ помощь въ борьбѣ съ ихъ общими врагами ³⁶⁰).

Царь Алексѣй Михайловичъ, подѣ конецъ своей жизни, уступая Боярской Думѣ, въ 1671 г., а потомъ Петръ I-й въ своемъ непомѣрномъ самовластіи, нарушили это священное казачье право и низвели казачество, главнымъ образомъ послѣдній, а потомъ и его преемники, на степень служилаго народа, съ правами и обязанностями ирегулярныхъ войскъ.

Разрушивъ эту, вѣками спаянную военную общину, съ своимъ историческимъ укладомъ жизни, по развитію стоявшую далеко выше рабской московской Руси, царь взаимѣ ей ничего не далъ, кромѣ массы инструкцій, регламентовъ и указовъ, совершенно не примѣнимыхъ къ военной жизни казаковъ. Всѣ жалованные имъ Войску бумажки и знамена сгорѣли въ г. Черкасскѣ во время страшнаго пожара, когда погнбъ и цѣнный войсковой архивъ съ древними историческими актами, царскими грамотами и петровскими указами.

Царь коснулся также и церковнаго управления казаковъ и, желая изъять изъ вѣдѣнія Войскового Круга всѣ духовныя дѣла, именнымъ указомъ 2 іюня 1718 г. повелѣлъ Иностранной коллегіи, въ вѣдѣніи которой въ то время состояло войско Донское (съ 1721 г. оно перешло въ вѣдѣніе Военной коллегіи), чтобы всѣ донскіе монастыри и церкви, а также монахи, священники и церковные служители были подчинены Воронежской епархіи.

Получивъ о томъ грамоту изъ коллегіи, Войско пришло въ смущеніе. До того времени, по старому войсковому праву всѣми церковными дѣлами на Дону вѣдалъ Войсковой Кругъ и никакихъ епископовъ, какъ начальствующихъ лицъ, не признавалъ. Однако, уступая царскому повелѣнію, Кругъ согласился по церковнымъ дѣламъ быть въ непосредственномъ вѣдѣніи Правительствующаго Синода, о чемъ возбудилъ соответствующее ходатайство. Царь эту просьбу отклонилъ ³⁶¹). Онъ думалъ, что достаточно одного его повелѣнія, чтобы разрушить вѣковой укладъ духовной жизни цѣлаго народа, правда, укладъ своеобразный, отличительный отъ византийско-московскаго, но освященный вѣками. Онъ ошибся. Донскіе казаки, какъ и въ старое время, продолжали въ кругу своемъ, по станицамъ и въ самомъ г. Черкасскѣ, избирать изъ среды своей достойныхъ лицъ и поставять ихъ въ духовное званіе, предварительно посылая ихъ для рукоположенія въ другія, но не Воронежскую, епархіи. Такъ продолжалось это почти до самаго конца XVIII в. Не только войско, но даже станицы, иногда

³⁶⁰ См. стр. 64 и 74. „Казанка“ и „казанка“—отъ древне-арійскихъ жерней азъ и азъ-блнзій т. е. свободный Асъ. Многие думаютъ, что слова азъ отъ татарскаго, означающаго „блнзій“. Это не вѣрно. Корякъ азъ върѣчается во многихъ древне-арійскихъ языкахъ и всегда означаетъ блнзій, чистый и свободный, иногда выходящій изъ ряда, общепринятыхъ правилъ. Возьмемъ для примѣра: авлачотая вода, авлачотъ—свободный вѣтеръ и мног. др.

³⁶¹ Грамота на Довѣ 28 января 1724 г. Акты Личава, т. I, № 196.

недовольныя присланными имъ священниками, лишали ихъ мѣста. Преосвященный Тихонъ, епископъ воронежскій, въ 1765 г. доносилъ синоду, что „войско Донское и нынѣ, самовольно властвуя, въ духовныя дѣла вступаетъ, въ церквахъ въ дьячки и пономари опредѣлять и грамоты даетъ. Посвященныхъ въ стихари собою отрѣшаетъ, въ казаки записываетъ и священниковъ (изъ другихъ епархій) къ себѣ собираетъ“. Около того времени священникъ Терновской архангельской церкви за доносъ о старообрядцахъ былъ станичнымъ атаманомъ и казаками забить въ большую колоду и отосланъ въ Войсковую Канцелярію. Войско настаивало, чтобы воронежскій епископъ до дѣтей донского духовенства не касался, „потому что духовные причетники“, какъ говорится въ представленіи, производятся изъ казачьихъ дѣтей“. Для обученія ихъ, а также дѣтей священниковъ, дьяконовъ, „и прочихъ церковныхъ дѣтей“ на Дону имѣлись уже школы съ самаго начала XVIII в. Въ 1746 году грамотой Елизаветы I ѣ разрѣшено открыть въ г. Черкасскѣ духовную семинарію³⁶⁹). Неизвѣстно, въ томъ ли году было открыто это учебное заведеніе или въ слѣдующемъ, но только въ 1757 году, при атаманѣ Степанѣ Ефремовѣ оно уже существовало.

Петръ I-й, идя на встрѣчу казаковъ въ удовлетвореніи ихъ религіозныхъ нуждъ, въ бытность свою въ Черкасскѣ, въ маѣ 1709 г., хвалилъ ихъ за начатую уже постройку новаго кирпичнаго собора, заложеннаго еще въ 1706 г., самъ положилъ на стѣны его нѣсколько кирпичей и занялъ ихъ известью³⁶⁸). Въ томъ же году онъ прислалъ въ этотъ соборъ большое евангеліе въ тяжелыхъ серебряныхъ, вызолоченныхъ доскахъ, украшенныхъ разноцвѣтными камнями, съ надписью своего дара и года.

Соборъ этотъ, существующій до настоящаго времени, оконченъ постройкой въ 1718 г. и освященъ 1 февраля 1719 г. Въ 1730 году построена своеобразной, красивой архитектуры соборная колокольня, сохранившаяся въ цѣлости до настоящаго времени.

Донскіе казаки отличались искренней, сознательной религіозностью, но эта религіозность, простая, прямая, не укладывалась въ рамки тогдашнихъ духовныхъ воззрѣній московской Руси, слѣпо слѣдовавшей буквѣ позднѣйшихъ византійскихъ церковныхъ уставовъ; иначе говоря,— Москва не понимала казачьихъ религіозныхъ воззрѣній и относилась къ нимъ отрицательно.

Какъ особый самобытный народъ, принявшій христіанство еще въ IV в. и послышавшій своихъ епископовъ на 1-й и 2-й Вселенскіе соборы („Ист. каз.“, гл. IX.—Христіанство на Дону и древне-русская письменность“), Донское казачество въ теченіе вѣковъ усвоило и древніе взгляды на церковные обрядности и таинства, не оставивъ своихъ самобытныхъ. Вотъ почему оно всегда такъ и чуждалось всего московскаго и позднѣйшихъ наслоеній въ греческой церкви, называемой казаками „елинскою“, а не истинной, апостольскою.

Просвѣтитель Гетовъ Пріазовья (Восфоранія) былъ Ульфінгъ; онъ же былъ и первымъ ея епископомъ. Въ 359 г. Ульфінгъ вступилъ въ общеніе съ Акакіемъ и отторгъ все племя Гетовъ отъ католической церкви. (См. стр. 23). Словомъ, этотъ отдаленный уголокъ, гдѣ едва блеснула свѣтъ христіанства, былъ уже предоставленъ разнымъ новымъ,

³⁶⁸) Грамота на Дону 4 окт. 1746 г. Акты Лизина, т. II, ч. 2, № 413.

³⁶⁹) Прот. Гр. Левандовскій. Стр. 49.

хотя построеннымъ на старыхъ основахъ, учениямъ, несогласнымъ съ духомъ греческой церкви. Подобныя явленія наблюдались не въ одномъ Приазовьѣ, но и въ болѣе культурныхъ центрахъ и даже самой Византіи, гдѣ въ теченіе вѣковъ постановленія вселенскихъ соборовъ колебали многія яжеученія, находившія себѣ опору въ своеобразномъ пониманіи апостольской проповѣди и жизни первыхъ христіанскихъ общинъ. Тѣ же явленія повторились и въ странѣ приазовскихъ Гетовъ и ихъ потомковъ—Донскомъ казачествѣ. Усвоивъ себѣ главныя догмы Христова ученія, какъ онѣ были установлены первыми всееленскими соборами, казачество, будучи оторваннымъ отъ всего христіанскаго міра и при томъ считавшее себя выше и сильнѣй другихъ націй (это явленіе наблюдается во всѣхъ военныхъ орденахъ), во всей остальной духовной жизни осталось вѣрнымъ своимъ старымъ заветамъ. Это характерно сказалось во взглядахъ казачества на нѣкоторыя церковныя обрядности и особенно на таинство брака. Бракъ на Дону въ XVI и XVII в.в. и даже въ первой половинѣ XVIII в. не считался таинствомъ, а гражданскимъ союзомъ супруговъ, одобреннымъ мѣстной казачьей общиной, станичнымъ сборомъ. (См. стр. 159—162). Вѣнчаніе въ церкви или часовнѣ было не обязательнымъ, хотя многіе изъ этихъ союзовъ, послѣ одобренія общины, скрѣплялись церковнымъ благословеніемъ. Разводъ производился также просто, какъ и заключеніе брака: мужъ выводилъ жену на майданъ и публично заявлялъ сбору, что „жена ему не любя“ и только³⁵⁴⁾. Женились 4, 5 и болѣе разъ и даже отъ живыхъ женъ. Несмотря на указы Петра I-го и его преемниковъ, а также настоятельства воронежскаго епископа о воспрещеніи этого „противнаго“ явленія, Донское казачество продолжало слѣдовать въ отношеніи брака своимъ старымъ древне-гетскимъ обычаямъ, какъ это раньше дѣлали ихъ сородичи, гетское казачество новгородскихъ областей. („Ист. казач.“, ч. II, гл. IV). Даже строгая грамота императрицы Елизаветы, данная 30 сентября 1745 г. на имя войскового атамана Ефремова и всего Войска Донскаго не вмѣшиваться въ церковныя дѣла и не допускать среди казачества этого „противнаго святыхъ правилъ“ явленія, какъ жениться отъ живыхъ женъ и четвертыми браками, не помогло дѣлу, и казачество продолжало твердо держаться за свои старые устои³⁵⁵⁾. Такое мировоззрѣніе на первый взглядъ покажется еретическимъ, какъ продуктъ язычества и глубокаго религіознаго невѣжества, но не нужно забывать, что христіанство возвысило этотъ гражданскій союзъ на степень таинства не сразу, а въ теченіе вѣковъ, и идея этого таинства получила неодинаковое развитіе на востокѣ и на западѣ: въ протестанствѣ же бракъ вовсе сведенъ на степень гражданскаго акта. Гражданскій бракъ допущенъ законами Англіи, Франціи, Австріи, С.-Америки и др. странъ. Освященіе этого гражданскаго акта церковнымъ благословеніемъ предоставлено совѣти вѣрующихъ и юридическаго значенія въ области гражданскаго права не имѣетъ, какъ не имѣло оло и на Дону. Бракъ, одобренный станичнымъ сборомъ считался законнымъ. Церковное благословеніе заключеннаго съ согласія общины брачнаго союза есть явленіе не новое, а чрезвычайно древнее, встрѣчающееся еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства. Въ силу этихъ-то причинъ казачество, какъ оторванное на многіе вѣка отъ просвѣтительныхъ центровъ христіанства, и удерживало свои древніе обычаи, правда, не все, но въ значительной своей массѣ, до конца XVIII в.

³⁵⁴⁾ „Общезит. Донск. казак.“. Сухоруновъ. „Записки о Верхне-Курмырской ст.“. Е. Котельниковъ. Записки свящ. Пявоворова. „Каз. Вѣст.“ 1884 г. № 2, 5 и др.

³⁵⁵⁾ Грамота на Донъ 30 сент. 1745 г. Акты Липина, т. II, ч. 1-я, № 388.

Глава VIII.

Атаманы Данила и Степанъ Ефремовы.

Атаманъ Данила Ефремовичъ Ефремовъ, сынъ старшины Ефрема Петрова, казеннаго Булавинаымъ въ 1708 г., былъ пожалованъ „настоящимъ войсковымъ атаманомъ“ грамотой Анны Ивановны 17 го марта 1738 г., вмѣсто бывшаго съ 1735 г. „наказнаго“ атамана Ивана Иванова Фролова, внука Фрола Минаева³⁵⁶). Императрица въ грамотѣ писала: „Пожаловали мы в. Д. старшину Данилу Ефремова, за долговременныя и ревностныя его намъ и предкамъ нашимъ службы, ко оному войску Донскому *настоящимъ* Войсковымъ Атаманомъ“. Далѣе: „и во всемъ, что къ службѣ нашей касатися имѣеть, быть ему въ послушаніи“. И дѣйствительно, этотъ даровитый казакъ, воспитанный въ походахъ и битвахъ, въ правленіе свое Войскомъ, показалъ недюженныя военныя и административныя способности и въ военномъ дѣлѣ былъ ревностнымъ исполнителемъ царскихъ велѣній. Еще въ званіи старшины Ефремовъ обратилъ на себя вниманіе русскаго правительства за выполнение возложенныхъ на него порученій, особенно въ переговорахъ съ казачьимъ владѣльцемъ Дундукомъ-Омбо. Черезъ него этотъ владѣлецъ получилъ ханское достоинство, присягнувъ на вѣрность Россіи и принявъ участіе вмѣстѣ съ казаками въ походахъ противъ кубанцевъ и турокъ въ арміяхъ Миниха и Ласси. Словомъ, Ефремовъ въ этихъ политическихъ дѣлахъ былъ незаменимъ. Въ 1738 г. кубанцы большими силами напали на Донъ, разорвали и сожгли Быстрияскую станицу (нынѣ Маріинскую) и обложили Каргальскую, но Ефремовъ, будучи уже атаманомъ, быстро собралъ оставшіяся отъ походовъ войска, разбилъ и прогналъ татаръ обратно къ Кубани. Въ слѣдующемъ году набѣгъ повторился, но также былъ отбитъ.

Въ предотвращеніе подобныхъ внезапныхъ набѣговъ, по настоянію атамана на Донъ было прислано 67 пушекъ, которыя онъ и разставилъ по всемъ пограничнымъ съ татарами станицамъ. Кромѣ того, онъ назначилъ на случай внезапныхъ тревогъ, сборныя мѣста, куда старшины съ казаками по первому сигналу должны являться. А чтобы узнать, къ какому изъ сборныхъ пунктовъ казаки должны спѣшить, для этого имъ установлена въ степи на сторожевыхъ курганахъ особая сигнализція, состоявшая въ закиданіи казачьими пикетами извѣстнаго числа маяковъ. Но несмотря на все эти стремленія къ благоустройству Войска и исполненію царскихъ требованій, Данила Ефремовъ въ правленіе свое перенесъ отъ царскихъ вельможъ двѣ большія неприятности. Желая оградить г. Черкасскъ отъ внезапнаго набѣга враговъ, а также защитить отъ разлива весенней воды, онъ рѣшилъ обнести городъ каменною стѣною, вмѣсто пришедшаго въ ветхость деревяннаго „полицадника“³⁵⁷). Постройка была начата. Комендантъ крѣпости св. Дмитрія Ростовскаго

³⁵⁶) Иванъ Фроловъ былъ не войсковымъ, а какъ-бы временнымъ, „наказнымъ“ атаманомъ, т. е. приводившимъ на Дону въ исполненіе царскіе указы.
³⁵⁷) „Полицадникъ“ этотъ построенъ былъ еще въ 1644 г. и вооруженъ по расказахъ азовскими пушками.

Послѣ большого разлива Дона въ 1687 г., когда смыть былъ почти весь городъ Черкасскъ, подобный разливъ повторился въ 1740 г., въ бытность на Дону ген. Тараханова, названный „Тарахановскимъ“: о чемъ сдѣлана отмѣтка на соборной стѣнѣ вбитъ большой бударный гвоздь.

усмотрѣвъ въ этой постройкѣ нѣчто „регулярное“, противное правительству и донесъ въ Петербургъ. Елизавета тремя грамотами 1748 г. потребовала отъ атамана немедленнаго допосенія о цѣляхъ постройки крѣпости, съ угрозою, что если „отвѣта въ самой скорости прислано не будетъ, то вы, атаманъ, истязаны будете жестоко“³⁵⁹). Ефремова отрубилъ отъ атаманства и съ старшинами вызвали въ столицу. Несмотря на все доводы о необходимости постройки стѣнъ, его тамъ задержали и нарядили слѣдствие. Отъ войскового наказнаго атамана Романа Емельянова, оставшагося вмѣсто Ефремова, потребовали „имѣющагося въ вой своей канцеляршн о строеніи въ 1741 г. черкасской каменной крѣпости записку, какова есть, хотя-бы она и въ переплетѣ была, отнимаетъ, прислать въ Военную коллегію немедленно“³⁶⁰). Но тревога оказалась ложной. Ефремова, послѣ многихъ допросовъ и мтарствъ, отпустили обратно на Донъ съ прежними правами и дѣло о самовольно начатой постройкѣ крѣпости прекратили, разрѣшивъ достроить каменную стѣну деревомъ, но лишь только съ турецкой стороны, „со стороны же російской каменнаго строенія крѣпости—повѣляли строить накрѣпко запретить“³⁶¹). Вотъ какъ Москва, а потомъ С-Петербургъ цѣнили петинныхъ слугъ своихъ.

Вторую несприятность Данила Ефремовъ потерпѣлъ отъ страшнаго пожара, происшедшаго въ Черкаскѣ 12 августа 1744 г. Въ полдень загорѣлся домъ одной казачки и чрезъ два часа весь городъ былъ объятъ пламенемъ. Войсковою кирпичный соборъ, гдѣ хранились все войсковыя цѣнности, гдѣ помѣщался войсковой архивъ и царскія грамоты и клейноды, выгорѣлъ внутри весь. Пострадалъ даже иконостасъ и серебро-позлащенный престолъ. Богатая ризница и войсковая казна погибли. Мѣдныя пушки отъ огня растопились. Взорвался пороховой погребъ, непредусмотрительно помѣщавшійся подъ соборомъ, и едва не уничтожилъ это капитальное и красивое зданіе. Погибло болѣе 300 человекъ и почти все имущество жителей. Слѣдствие обнаружило, что все эти бѣдствія произошли „отъ слабаго смотрѣнія наказнаго атамана Романа Емельянова“, въ виду чего онъ былъ преданъ суду Войска.

По ходатайству Данила Ефремова Елизавета Петровна приказала возобновить по прежнимъ образцамъ все прежде жалованныя войску клейноды и знамена³⁶¹).

Въ 1753 г. Данила Ефремовъ былъ пожалованъ чиномъ генералъ-майора и уволенъ, по его просьбѣ, отъ занимаемой должности, а сынъ его Степанъ Ефремовъ назначенъ войсковымъ атаманомъ. Курьеру Бунакову царскую грамоту о томъ велѣно вручить самому атаману Ефремову, публично въ Войсковомъ Кругу распечатать и прочесть, а потомъ публиковать по всемъ станицамъ³⁶²).

Чрезъ два года началось возстаніе въ Башкиріи, а потомъ семилѣтняя война. На оренбургскую границу послано было съ Дона до 3 тыс., а въ Пруссію до 16 тыс. казаковъ. Главное начальствованіе надъ казаками въ этой компаніи было ввѣрено Данилу Ефремову, какъ старшему по чину въ войскѣ. За подвиги донскихъ казаковъ въ Пруссіи и Помераніи Ефремовъ въ 1759 г. былъ пожалованъ тайнымъ совѣт.

³⁵⁹) Грамота на Донъ 17 февр., 1 марта и 16 апр. 1748 г. Архив Лешкина, т. II, ч. 1-я, № 314 и 319.

³⁶⁰) Тамъ же № 341.

³⁶¹) Указъ Сенату Тамъ же № 265.

³⁶²) Грамота на Донъ 27 іюня 1747 г. Тамъ же, ч. 2-я, № 438.

³⁶³) Грамота на Донъ 21 авг. 1753 г. „Грамоты“ Правящихъ, стр. 249.

никомъ³⁶³). Ему обязаны были подчиняться и войсковой атаманъ, и всѣ старшины³⁶⁴). „Для отправленія секретныхъ дѣлъ, кои на него возложены, повелѣно дать ему писаря и адъютанта, тако же сто человекъ казаковъ изъ донскихъ, кого онъ самъ къ тому способныхъ выберетъ“.

Съ назначеніемъ царской властью атамановъ начинается расхищеніе войсковыхъ земель какъ самими атаманами, такъ и старшинами. На самовольно захваченныхъ, а также съ разрѣшенія Войсковой Канцеляріи земляхъ они стали поселять бѣжавшихъ на Донъ изъ всѣхъ Украинъ малороссійскихъ черкасовъ, особенно изъ Слободской. Къ этому классу „доморощенныхъ“ донскихъ помѣщиковъ скоро стали примыкать ихъ дѣти и родственники, именитые казаки и выборные войсковые чиновники: есаулы, сотники и др.

Расхищеніе войсковыхъ земель началось съ самаго начала XVIII в., но особенно большіе размѣры оно приняло при Даниилѣ и Степанѣ Ефремовыхъ, показавшихъ въ этомъ отношеніи примѣръ другимъ. Царскіе указы и грамоты о воспрещеніи принимать и селить на казачьихъ земляхъ малороссовъ не исполнялись, т. е. никакія мѣры не могли удержать живой человѣческой потокъ, стремившейся на свободныя и плодородныя земли, гдѣ переселенцы находили заскочный пріютъ, получали разныя льготы и чувствовали себя вполне свободными³⁶⁵). Наконецъ, правительство, видя невозможность привести въ исполненіе раньше изданнаго свои распоряженія о высылкѣ съ Дона бѣглыхъ и не желая обострять отношеній съ казачествомъ, сталъ ему необходимымъ въ вознагражденіе дѣлъ, вынуждено было въ 1763 г. прибѣгнуть къ одной мѣрѣ—привести въ извѣстность всѣхъ новопришедшихъ на Донъ, т. е. произвести имъ перепись; кстати, такая же перепись въ то время была казана и по всей Россіи (3-я ревизія). Этой переписью выяснено, что на Донъ за старшинами и станицами малороссійскихъ черкасовъ числилось 20,422 души въ 232 поселеніяхъ (слободахъ и хуторахъ). Кромѣ малороссійскихъ черкасовъ на Донъ оказались великороссійскіе крестьяне, купленные старшинами у помѣщиковъ въ русскихъ губерніяхъ.

По повелѣнію Екатерины II всѣ эти „новоприходы“ были оставлены на Донъ навсегда и обложены въ пользу казны семипроцентнымъ окладомъ (по 20 коп. на ассигнаціи). Наблюденіе за правильнымъ поступленіемъ этихъ денегъ возложено на владѣльцевъ и станичныхъ атамановъ, а вышше на Войсковую Канцелярію и оберъ-коменданта вѣрности св. Дмитрія, которому и сдавались эти суммы³⁶⁶).

Помимо самовольнаго захвата старшинами войсковыхъ земель или по „записямъ“ Войсковой Канцеляріи, казачьи земли стали жаловаться и высочайшей властью угоднымъ имъ лицамъ; такъ, напримѣръ, въ 1761 г. Петръ III неизвестно за какія заслуги пожаловалъ полковнику Михайлу Себрякину весь Кобылянской юртъ, будто-бы „пустопорожній“, но на самомъ дѣлѣ оказавшейся заселенной казачьей станицей. Жалоба

³⁶³) Грамота на Донъ 11 іюня 1759 г. Акты Липина, т. II, ч. 2-я, № 658.

³⁶⁴) Замѣчательно, что на могильной плѣтѣ Дан. Ефремова, въ ограду Ратинской церкви въ Старочеркасскѣ, ни о какихъ чинахъ его не упоминается, а лишь: „Здѣсь погребенъ достопочтенный господинъ полка Донского“ и т. д. Плита эта изготовлена при жизни самими Ефремовыми.

³⁶⁵) „Крестыиный вопросъ на Донъ“. Историч. очеркъ. Е. Савельева. 1917. Бригадиръ Краснощечковъ давалъ каждому переселенцу по 5 р. и льготы на 5 лѣтъ.

Въ 1747 г. атаманъ Дан. Ефремовъ захватилъ весь Черноглавскій юртъ и заселилъ слоб. Даниловку. Степанъ Ефремовъ—Ефремову-Степановку и мн. др.

³⁶⁶) Грамоты на Донъ 2 марта 1768 г. и 22 апрѣля 1766 г. Акты Липина, т. III, № 2 и 40.

казаковъ и ходатайство Войска о возвращеніи этого юрта Екатериной II были отклонены, какъ „дерзновенныя“. Екатерина въ грамотѣ 1764 г. на имя атамана Степана Ефремова и всего Войска Донского писала: „яко вы, не исполняя не токмо велѣній главной надъ вами команды, но и въ противность уже иманного указа (Петра III), ложно представить отважились, подлежаще не малому наказанію“... Съ лицъ, подписавшихъ войсковое опредѣленіе по сему дѣлу повелѣно взыскать штрафъ въ 10 тыс. руб. ²⁶⁷⁾.

Такъ русскіе вѣнценосцы дорожили престижемъ царской власти своихъ предшественниковъ, хотя бы съ позоромъ и свергнутыхъ ими.

Производя перепись черкасамъ, коммиссія натолкнулась на многія злоупотребленія правящихъ сферъ. Въ виду чего на Донъ скоро былъ командированъ генераль Романусъ для изслѣдованія, на какомъ правѣ и на основаніи какихъ указовъ атаманы и старшины завладѣли казачьими землями, какой они съ нихъ получаютъ доходъ и куда расходуютъ деньги. Вместе съ тѣмъ Романусу поручено было отобрать отъ Степана Ефремова Черногаевскій юртъ, которымъ отецъ его завладѣлъ будто бы съ разрѣшенія Войска, но на самомъ дѣлѣ не имѣлъ на это никакого указа и повелѣнія, а также отъ другихъ старшинъ и казаковъ, самовольно захватившихъ земля. Пока производилась объ этомъ изслѣдованія, Степанъ Ефремовъ въ бытность свою въ Петербургѣ, представилъ въ 1765 г. въ Военную коллегію проектъ о коренномъ преобразованіи внутренняго управленія войска. Всѣ статьи этого проекта касались къ усиленію власти войскового атамана, въ подрывъ правъ выборныхъ старшинъ. Проектъ этотъ состоялъ въ слѣдующемъ: 1) въ Войсковой Канцеляріи, по назначенію атамана и подъ его предѣлительствомъ, должны присутствовать 8 свидущихъ въ законахъ старшинъ, для завѣдыванія гражданскими и военными дѣлами; 2) все в. Дон. раздѣляется на 20 постоянныхъ полковъ, по 600 чел., готовыхъ выступить во всякое время; названія этимъ полкамъ дать по главнымъ казачьимъ городкамъ; платѣ они должны имѣть казачье одноцвѣтнее. Остальные казаки, во время выхода 20 полковъ, должны нести службу на Дону и оберегать границы отъ набѣговъ татаръ. Назначеніе полковниковъ, старшинъ и другихъ чиновъ въ полки предоставлялось власти атамана. Судъ и расправа въ полкамъ должны производиться по Войсковой Канцеляріи. Для содержанія выходившихъ на службу полковъ Ефремовъ указывалъ на слѣдующіе источники: 1) назначаемое въ подарки зимовой и легкимъ станицамъ, присылаемымъ въ Петербургъ, передать въ распоряженіе Канцеляріи; 2) семипроцентный съ малороссійскій окладъ, около 14—15 тыс. руб. въ годъ и половину станичныхъ доходовъ, изъ 20 тыс., причислять къ войсковой казнѣ. Словомъ, Степанъ Ефремовъ, стремясь къ неограниченной власти на Дону, желалъ вѣдать какъ гражданскими и военными дѣлами, такъ и всеми войсковыми доходами, которые съ равнѣемъ, благодаря трудолюбивымъ черкасамъ, земледѣлія на Дону, садоводства, скотоводства и коневодства, а также богатству края, могли быть въ то время очень значительны.

Едва ген. Романусъ ознакомился съ положеніемъ дѣлъ въ войскѣ, какъ въ Петербургъ стали доходить свѣдѣнія о многихъ, вновь открытыхъ злоупотребленіяхъ атамана. И вотъ въ то время, когда Ефремовъ еще находился въ столицѣ и когда ему туда выслали, будто-бы „по приговору войска“ на расходы по утвержденію проекта 7 тыс. руб изъ

²⁶⁷⁾ Грамота на Донъ 16 марта 1764 г. Тамъ же, № 10.

войсковых суммъ, наказанный атаманъ Сидоръ Кирековъ и старшина Юдинъ донесли въ Военную коллегію, что атаманъ расхищаетъ войсковую казну и провіантъ, беретъ взятки съ казаковъ деньгами и лошадьми и ведетъ подозрительную переписку съ кумыкскимъ княземъ Темиремъ. Ефремовъ, ничего не подозревая, возвратился на Донъ и вступилъ въ отправление своихъ обязанностей. Между тѣмъ доносъ возымѣлъ свое дѣйствіе, и атамана потребовали въ столицу на объясненіе. Получася указъ за указомъ, повелѣніе за повелѣніемъ, но Ефремовъ, зная хорошо настроеніе вельможъ и фаворитовъ императрицы и сознавая за собою вину, отъѣздомъ медлилъ. Въ такомъ положеніи прошло около 6—7 дѣтъ. Атаманъ преспокойно жилъ въ своемъ „Зеленомъ“ или „Красномъ“ дворѣ, гдѣ нынѣ хуторъ Красновдеревскій, Старочеркасской станицы, окруженный преданными ему старшинами и казаками. Наконецъ, въ началѣ 1772 г. на Донъ былъ командированъ генералъ Череповъ подъ предлогомъ принятія мѣръ къ прекращенію появившейся эпидеміи и къ скорѣйшей высылкѣ 10 тыс. казаковъ въ разныя мѣста для государственной службы, а на самомъ дѣлѣ для изученія настроенія казачества и замысловъ войскового атамана³⁸⁸). Донъ насторожился. Кляузы и доносы старшинъ массъ казачества были невѣстны. Постоянные походы въ дальнія мѣста по дорогамъ того времени для казаковъ были тигостыи и разорительны. На нихъ возлагались, какъ на пасынковъ Россіи, „подданныхъ и вѣрныхъ рабовъ“, какъ именovala ихъ Екатерина II въ грамотахъ своихъ, самыя трудныя и неуразумныя порученія. Среди регулярныхъ войскъ они были всегда въ пренебреженіи. Ихъ и ихъ выборныхъ полковниковъ и есауловъ всегда обвиняли въ мародерствѣ и грабежахъ, а между тѣмъ для продовольствія донскихъ полковъ русское высшее командованіе почти ничего не давало. Словомъ, произволемъ царскихъ вельможъ Донъ былъ въ высшей степени недоволенъ. Кромѣ того, незадолго до прибытія Черепова съ Дона было безъ согласія Войска переведено около 1000 семействъ въ Азовскую и Таганрогскую крѣпости для образованія тамъ двухъ конныхъ полковъ³⁸⁹). Стали ходить слухи объ обращеніи казаковъ въ солдаты—„регулярство“. Донъ волновался. Въ виду такого настроенія массъ, Череповъ сталъ настаивать на скорѣйшемъ отъѣздѣ атамана въ столицу. Ефремовъ, наконецъ, объяснилъ о своемъ отъѣздѣ, но на самомъ дѣлѣ побѣжалъ по станицамъ и совѣщался съ атаманами и казаками объ отнятыхъ московскими царями казачьихъ правахъ и старыхъ вольностейхъ, о намѣреніяхъ правительства обратить ихъ въ солдаты и проч. Черезъ нѣсколько недѣль онъ возвратился обратно въ Черкасскъ и поселился въ своемъ „Красномъ“ дворѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцъ пришло царское повелѣніе, чтобы „за отъѣздомъ атамана Ефремова въ Петербургъ, никакихъ отъ него ордеровъ не принимать и его приказанія исполненія не чинить“. Но было уже поздно. Многіе изъ станицъ стали замышлять нѣчто недоброе и готовиться дать засилью столичныхъ вельможъ отпоръ. Въ Черкасскѣ получались одно за другимъ ходатайства объ избавленіи „регулярства“, возвращеніи казаковъ изъ Азова и Таганрога, гдѣ они находились въ под-

³⁸⁸) После войны съ Турціей, по Бѣлградскому договору въ 1739 г. Россія завладѣла большими пространствами въ Черноморской степи, но не получила права владѣть морскими берегами и держать на Червомъ морѣ флотъ. Азовъ условлено срыть и оставить въ нейтральной полостѣ.

³⁸⁹) Грамоты на Донъ 1772 г. 7 и 30 марта, 24 апрѣля и др. Акты Длинная т. III, № 91, 92 и 93. А. Савельевъ, стр. 82 и 83.

номъ подчиненіи и произволѣ комендантовъ крѣпостей, и, наконецъ, въ сентябрѣ на имя атамана и старшинъ поспеули рапортъ отъ казака Бесергеновской ст. Якова Янченкоа съ просьбой „за рѣку стойте крѣпко, генералу Черепову подписокъ не давайте, а то узнаете, что вамъ и генералу съ вами будетъ. Это вѣдь не Яндковъ, а Донское войско“³⁷⁶. Предчувствуя грозу, Череповъ велѣлъ разставить вокругъ Черкаска караулы, чтобъ не пропустить въ городъ атамана.

Наступило традиціонное для войска Донского 1 октября, когда по древнему казачьему обычаю, въ память взятія Казани, собирался всенародный Войсковой Кругъ. Такъ и на этотъ разъ казаки вспомнили свое древнее право и собрались на всенародный кругъ, въ которомъ приняли участіе, помимо отставныхъ и служилыхъ казаковъ, выростковъ и малолѣтковъ, даже приписанные къ станицамъ города малороссійскіе черкасы. Наказный дьякъ прочиталъ присланные изъ Военной коллегіи грамоты и указы объ отозваніи атамана въ столицу и о неисполненіи его приказаній. „Страшно шумѣлъ казачій кругъ. Всѣ, какъ одинъ, стали за своего атамана“. Проснулся живучій казачій духъ, духъ старыхъ казаковъ-вѣчниковъ, который не могли угасить ни строгіе царскіе указы и грамоты, ни даже массовые разстрѣлы и висѣльицы. Гордый и свободолюбивый духъ казачества, воспитанный на преданіяхъ отцовъ и дѣдовъ, не можетъ быть угашенъ какими-либо искусственными мѣрами.

Въ кругъ вошелъ походный есаулъ Перфиловъ и сказалъ: „эти грамоты подписаны генералами, а руки государыни на нихъ нѣтъ, а атаманъ же Ефремовъ пожалованъ по именному высочайшему указу“. Страсти разгорались. Казаки бросились къ квартирѣ Черепова и подвергли ее разгрому. Самъ генералъ выскочилъ черезъ заднее крыльцо и хотѣлъ пройти къ Дону, чтобъ отплыть въ крѣпость св. Дмитрія, но казаки поймали его, привели въ кругъ и потребовали снять разставленные вокругъ города караулы, а потомъ удалиться изъ города. Череповъ на все согласился. Провожая его, толпа кричала: „ты хочешь насъ чистить въ солдаты, мы всѣ помремъ, но до этого себя не допустимъ!“ или его пинками, бросали землей и такъ проводили до самаго загороднаго атаманскаго двора.

Узнавъ объ этомъ, комендантъ крѣпости немедленно донесъ о томъ въ Петербургъ, откуда вскорѣ было прислано повелѣніе арестовать Ефремова и заключить въ крѣпость св. Дмитрія.

Въ ночь подъ 9 ноября 1772 г. атаманъ былъ внезапно арестованъ въ своемъ Зеленомъ дворѣ командой, высланной изъ крѣпости съ капитанъ-поручикомъ Ржевскимъ. Вѣсть о томъ моментально облетѣла всѣ черкасскія станицы. На соборной колокольнѣ въ ту же ночь ударили въ набатъ, звонили „сплохъ“. Раздался выстрѣлъ вѣстовыхъ пушекъ.

Казаки взяли за оружіе. Наказный атаманъ Машлыкинъ и старшины собрались въ Канцелярію и тамъ только узнали, въ чемъ дѣло. Казаки, окруживъ ихъ, кричали: „вы выдали войсковоа атамана! всѣхъ насъ перебить и въ воду посадить!“ Потомъ бросились къ крѣпости. Къ нимъ присоединились сосѣднія станицы. Всѣ требовали освобожденія

³⁷⁶) Отнявъ у Донского казачества его старія права и вольности, русское правительство стало налагать руку и на другія казачьи войска, въ томъ числѣ и на Яндковъ. Протесты и ролоты, перешедшіе скоро въ открытое возстаніе, на Яндъ были подавлены самымъ жестокимъ образомъ и Яндковъ войско подчинено русскимъ военнымъ властямъ. Казачество было этимъ въ вышней степени обижено и недовольно. Это создало благотворную почву для „Пугачевского бунта“ въ 1778—4 г.

атамана, въ противномъ случаѣ грозили раворить крѣпость до основанія и гарнизонъ уничтожить. Есть преданіе, что комендантъ крѣпости Потаповъ приказалъ Ефремову подъ взведенными курками взвода солдатъ выйти на валъ и объяснить казакамъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ добровольно, по требованію государыни. Услышавъ это, казаки успокоились и развѣхались по своимъ станицамъ.

На другой день доносчикъ Сидоръ Карсеновъ, скрывавшійся въ крѣпости св. Дмитрія, прислалъ въ Черкасскъ увѣдомленіе о причинѣ ареста атамана, т. е. онъ повторилъ все тѣ обвиненія, какія представилъ въ Военную коллегію. Но казаки этому не хотѣли вѣрить и рѣшили послать опроверженіе; объ этомъ запросили все станицы.

Векорѣ комендантъ крѣпости сообщалъ для свѣдѣнія Войска, что Ефремовъ „взятъ въ силу высочайшаго указа за ослушаніе 3-хъ присланныхъ къ нему изъ государственной коллегіи повелѣній“. Такое извѣщеніе положило конецъ всякимъ недоразумѣніямъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ на Дону была получена грамота Екатерины II, объясняющая причину ареста Ефремова и призывавшая все войско Донское къ спокойствію.

„Буде же паче чаянія,—писала Екатерина,—и къ возбужденію праведнаго гнѣва нашего, нашлись бы въ Донскомъ войскѣ нашемъ такіе преступники, кои бы и послѣ обнародованія сего повелѣнія нашего дерзнули еще продолжать неспокойство и возненіе, то да вѣдаютъ, что тогда не избѣгутъ злодѣи и возмутители достойной себя казни; впрочемъ, все пребывающее въ повиновеніи *старые рабы* Донское войско наше навсегда пользоваться будутъ монаршимъ благоволеніемъ нашимъ, къ коимъ и пребываемъ императорскою милостію нашею благосклоннымъ“⁸⁷¹⁾

На ходатайство войска о прощеніи всѣхъ, принимавшихъ участіе въ такъ называемомъ „Череповскомъ бунтѣ“ и въ дѣлѣ Ефремова, Екатерина II-я, зная, по донесеніямъ Румянцова, какъ геройски ведутъ себя донскіе полки, около 20 тыс., въ бывшей тогда войнѣ съ турками (первая турецкая война 1768—74 г.), послала на Донъ свой рескриптъ, въ которомъ высказала свое монаршее благоволеніе и всѣмъ виновнымъ прощеніе, добавивъ, что послѣдніе могутъ загладить вину свою въ войнѣ съ турками, куда они должны быть отправлены безъ очереди⁸⁷²⁾.

Ефремовъ былъ отвезенъ въ Петербургъ, гдѣ надъ нимъ была наряженъ военный судъ, признавшій его виновнымъ въ слѣдующихъ преступленіяхъ: 1) въ неисполненіи многихъ распоряженій главнокомандующихъ арміями; 2) въ 1769 г., собравъ до 10 тыс. казаковъ, продержалъ ихъ долгое время безъ всякой пользы; 3) послѣ разоренія станицы Романовской (1771 г.) не велѣлъ преслѣдовать татаръ дальше р. Еи; 4) ослужалъ шести указовъ военной коллегіи о немедленномъ выѣздѣ въ Петербургъ; 5) этимъ неповиновеніемъ онъ далъ поводъ къ возмущенію казаковъ противъ ген. Черепова и 6) публично, предъ старшинами, съ дерзостью и угрозами, забывъ подданническую къ ей императорскаго величества должность, выговаривалъ непристойныя слова: „Кромѣ того, найденъ и въ другихъ противныхъ законамъ и чести поступкахъ“. Судъ приговорилъ его къ лишенію живота—*повѣсить*, но по повелѣнію Екатерины смертная казнь замѣнена была вѣчною ссылкой въ Перновъ.

⁸⁷¹⁾ Грамота Еятееринѣ 6 декабря 1773 года. „Грамоты“. И. Прияцкиновъ. Отр. 280—281.

⁸⁷²⁾ Грамота на Донъ 26 янв. 1773 г. Тамъ же, стр. 282—283.

Для извѣдованія же дѣла по обвиненію Ефремова въ расхищеніи войсковыхъ суммъ и другихъ незаконныхъ дѣйствійхъ по войску, наряжена была въ 1773 г. въ крѣпости св. Дмитрія слѣдственная коммиссія изъ 7 лицъ, подъ предсѣдательствомъ оберъ-коменданта. Коммиссія эта открыла, что Ефремовъ, вида себя виновнымъ въ большой растратѣ войсковыхъ суммъ, сжегъ приходо-расходныя книги за 1754, 60 и 62 г.г., по которымъ числилось войсковой казны 45 471 р. Послѣ ареста его и опечатанія погреба, гдѣ хранилась эта казна, прошло около полугода. Печать и ключи хранились у атаманши, Мелави Карповны. По вскрытіи коммиссіей погреба, въ немъ оказалось только 12 тыс. руб. Въ 1769 г. атаманъ собралъ на р. Доситаѣ 10 тыс. казаковъ подъ предлогомъ командированія ихъ на службу въ разныя мѣста Россіи, но многихъ изъ нихъ за ваною ему по 1, 70, 80 и по 100 руб. отпускалъ обратно домой. Тамъ же имъ собрано до 68 лошадей съ сбруей и упряжью. За производство въ чинъ старшины брать „въ знакъ благодарности“, по 200 и 300 руб. Имѣніе Ефремова было описано и взято въ секвестръ на случай могущихъ оказаться взысканій въ пополненіе войсковыхъ суммъ. Имѣніе этого оказалось, наличныхъ денегъ, вельей и построекъ болѣе чѣмъ на 302 тыс. руб., крестьянъ около 300 душъ и калмыковъ 267, большія табуны лошадей, рогатаго скота, овецъ и верблюдовъ.

По дѣлу „Череповскаго бунта“ привлечено было коммиссіей въ качествѣ обвиняемыхъ до 30 человекъ. Слѣдствие и допросы тянулись болѣе года. Члены коммиссіи ваялись за дѣло усердно и пустили на казацкія спины „для утвержденія сущей справедливости“ батоги и розги. Наконецъ, новой грамотой Екатерина II повѣляла „во всѣхъ дѣлѣхъ по дѣлу о взысканіи Ефремова оставить и уничтожить, казавъ, содержавшихся по симъ дѣламъ подъ стражею, выпустить и простить“. „И все сіе милостиво наше соизволеніе—говорилось въ грамотѣ,—учинилось въ разсужденія вѣрной и усердной службы войска Донскаго, намъ оказанной въ сей (турецкой) войнѣ“³⁷³⁾.

Всѣ вышеописанныя событія, разыгравшіяся въ правленіи в. Д. атамановъ Даниила и Степана Ефремовыхъ какъ то: захватъ войсковыхъ земель и самовольное поселеніе на нихъ пришлаго люда, ничего общаго съ казачествомъ не имѣющаго; стремленіе этихъ правителей къ самовластию и расхищенію войсковой казны, взятки за освобожденіе отъ военной службы и подарки „въ знакъ благодарности“ за производство въ старшины, „Череповскій бунтъ“, кончившійся арестомъ и ссылкой Степана Ефремова, ясно показываютъ, что русское правительство, отнявъ у Донскаго казачества его исконныя народныя права по самоуправленію, не могло дать взамѣнъ ничего, кромѣ какъ массы указовъ и регламентовъ, къ своеобразному быту казачества совсѣмъ не примѣнимыхъ. Произволь сановниковъ и фаворитовъ Екатерины въ управленіи дѣлами Россіи сказался и на Донѣ. Осудивъ Ефремова, императрица не исправила этимъ дѣла, а болѣше ухудшила. Ефремовыхъ, несмотря на ихъ недостатки казаки уважали и любили за ихъ простоту и казацкую хватку, стремленіе къ самобытнй казачьей жизни. Обвинительные пункты, вынесенные военнымъ судомъ Ефремову, слишкомъ общи и не могли служить основаніемъ къ лишенію его жизни чрезъ повѣшеніе. Дѣло было совсѣмъ въ другомъ. Ефремова подозрѣвали въ сепаратизмъ, булавинщинѣ, въ стремленіи къ автономіи войска Донскаго. Вотъ почему слѣдственная коммиссія для „утвержденія сущей справедливости“ такъ усердно прибѣгали на Донѣ къ батогамъ и розгамъ, но, видимо, не добились ничего. Казаки, любившіе своего атамана, были тверды и не открыли его тайныхъ замысловъ. А что они были, это показываетъ весь ходъ событій. На Терекъ, Уралъ и Оренбургъ было неспокойно. Всюду пахло „пугачевщиной“. Вездѣ причины были однѣ—засилье и произволъ царскихъ вельможъ. Казачествомъ, какъ боевой силой, дорожили

³⁷³⁾ Грамота на Донъ 21 іюня 1774 г. „Грамоты“. Прянишниковъ. Стр. 287.

и награждали его бунчуками и знаменами ³⁷⁴), но всячески старались урѣзать его вольности, его права по самоуправленію, забывая, вѣрнѣе не понимая, что все то, что создавалось цѣлыми вѣками, что составляло духовную основу, нравственный принцип, такъ сказать, нравственный культъ цѣлаго народа, не можетъ быть уничтожено кабинетными мудрствованіями случайныхъ правителей, по игрѣ злой судьбы выплывшихъ на поверхность русской жизни изъ омута житейскихъ тревоженій. „Забывъ вѣрноподданническую къ ея императорскаго величества должность, выговаривалъ непристойныя слова“, говорится въ приговорѣ суда. Это было самое сильное, хотя ни на чемъ не основанное обвиненіе. Могло быть, что Ефремову, какъ истому казаку, противно было выслушивать и похвалу, и упреки отъ случайно заброшенной въ Россію бѣдной нѣмецкой принцессы, свергнувшей бездарнаго и развратнаго нѣмца мужа и завладѣвшей русскимъ престоломъ, съ правами самодержавной императрицы. Такъ оно и было. Духъ казачества живучъ. И Ефремовъ за это поплатился, пробывъ около 12 лѣтъ въ заточеніи, и умеръ въ Петербургѣ, не увидѣвъ родного Дона.

Глава IX.

Пугачевскій бунтъ.

Послѣ ареста Степана Ефремова наказнымъ атаманомъ в. Д. былъ назначенъ полковникъ Семенъ Никитичъ Сулинъ, служившій при Ефремовѣ почти безсмѣнно походнымъ есауломъ около 13 лѣтъ, командуя его атаманскою сотнею ³⁷⁵).

Время послѣ ареста Ефремова было самымъ тяжелымъ для Дона: 22 тыс. донцовъ бились съ турками за Дунаемъ, нѣсколько полковъ были на Кубани, удерживая движеніе кубанскихъ и крымскихъ татаръ, другіе потребованы въ армію, дѣйствовавшую противъ Пугачева; въ станицахъ остались одни старики, раненые и малолѣтки. 1773 годъ былъ неурожайный. На Дону былъ голодъ. Расположенные по станицамъ, „для ихъ спокойствія“, русскія войска подъ начальствомъ Багратіона и Бринка съѣдали послѣдній хлѣбъ. „Мы пришли въ крайнее разореніе и бѣдность“, писали станицы наказному атаману, но тотъ ничѣмъ не могъ имъ помочь, т. к. крымцы и кубанцы, усиленные ордами вновь переселившихся къ нимъ изъ Бессарабін ногайцевъ, были неспокойны. Борьба съ ними была перенесена на Кубань. Хотя станица Романовская и сильно пострадала въ 1771 и 73 г.г. отъ летучихъ набѣговъ кубанцевъ, но это уже были послѣднія вспышки этихъ хищниковъ. Кубанцевъ и ногайцевъ подстрекалъ къ набѣгамъ союзникъ турокъ, крымскій ханъ Девлетъ-Гирей, двинувшій и самъ часть своихъ войскъ на Донъ. Но донцы жестоко отомстили за эту попытку, нанеся жестокое пораженіе въ верховьяхъ р. Еи брату хана Шаббасъ-

³⁷⁴) За подвиги въ первой турецкой войнѣ по повелѣнію Екатерины на Донъ было прислано въ 1775 г. большое бѣлое знамя съ надписью: „Нашему вѣрно-любезному войску Донскому, за храбрые и мужественные подвиги во время минувшей войны съ турками“.

Похвальная грамота на Донъ 28 іюня 1775 г. Прянишниковъ, стр. 292.

³⁷⁵) Сотенная команда была учреждена еще при Данилѣ Ефремовѣ. Изъ нея впоследствии образовался пяти сотенный атаманскій полкъ, шефомъ котораго былъ войсковой атаманъ, а командиромъ вице-полковникъ.

Гирею, а потомъ въ 1774 г. на рѣчкѣ Калалы, впадающей въ Егорлыкь. Эта послѣдняя битва была выиграна благодаря твердости и мужеству молодого, двадцатилѣтняго полковника Матвѣя Платова.

Турецкая война продолжалась. Бунтъ Пугачева разгорался. Вся Волга была объята пламенемъ возстанія. Шайки бунтовщиковъ уже приближались къ границамъ Дона. Тронъ Екатерины шатался. Пугачевъ назвалъ себя императоромъ Петромъ III и его именемъ поднялъ Уралъ и весь востокъ, обѣщая крестьянству прежнюю свободу и волю. Повторилась та же „разиновщина“. Обезсиленный борьбой съ внѣшними врагами и голодающей Донъ, помня „булавишину“, долженъ былъ нагрячь послѣднія усилія къ отраженію новыхъ враговъ и объявилъ поголовное ополченіе, хотя не было ни оружія, ни снаряженія. Начальствованіе надъ этимъ ополченіемъ было ввѣрено полковнику Луковкину. Въ короткое время онъ собралъ въ пяти станицахъ около 550 чел., большую частью малолѣтковъ, и въ трехъ схваткахъ съ шайками грабителей, состоявшими изъ всякаго сброда, разорявшими помѣщичьи усадьбы и казачьи станицы, принуждая всѣхъ присягать мнѣ моему Петру III, нанесъ имъ жестокое пораженіе при ст. Етеревской, Медвѣдицкой и на р. Болодѣ. Кромѣ того, 14 донскихъ полковъ, взятыхъ изъ дѣйствующей арміи, сражались съ Пугачевымъ внѣ предѣловъ войска и способствовали окончательному усмиренію этого мятежа.

Еще въ самомъ началѣ этого движенія Екатерина II съ тревогой прислала на Донъ грамоту, полагаясь на „несомнѣнную и извѣстную ей вѣрность и усердіе Донского войска“ къ пресѣченію и отвращенію „злодѣйскихъ замысловъ этого бездѣльника“. Также, объявляя войску „свое монаршее благоволеніе за должную ревность къ службѣ и усердіе къ отечеству“, предписывала, чтобъ находящихся въ Зимовейской станицѣ „злодѣя Пугачева, жену и дѣтей (3-хъ малолѣтнихъ), и буде есть, родныхъ братьевъ, безъ оказанія имъ наималѣйшаго огорченія, яко не имѣющихъ участія въ злодѣйскихъ дѣлахъ его, отправить за пристойнымъ присмотромъ въ крѣпость св. Дмитрія, къ оберъ коменданту г. м. Потапову“, для выдачи ихъ посланному для этого генералу Бибикову. Кромѣ того, Екатерина повелѣвала собрать при присланномъ отъ оберъ коменданта крѣпости офицерѣ „священныи той станицы (Зимовейской) чини, старѣйшини и жителей, при всѣхъ при нихъ сжечь (курень Пугачева) и на томъ мѣстѣ, чрезъ палача или профоса, пепель разсѣять, потомъ то мѣсто огородить на долбамъ или окопать ровомъ, оставя на вѣчныя времена безъ поселенія, яко оскверненнаго жительствомъ злодѣя, котораго гнусное имя останется мерзостію навѣки, а особливо для донского общества, яко оскорбленнаго ношеніемъ тѣмъ злодѣемъ казацкаго на себѣ имени, хотя отнюдь однимъ такимъ богомерзкимъ чудовищемъ ни слава войска Донского, ни усердіе онаго, ни ревность къ намъ и отечеству помрачиться и ни малѣйшаго потерпѣть не могутъ нареканія“³⁷⁶⁾.

³⁷⁶⁾ Грамоты на Донъ 2 декабря 1773 г. и 10 января 1774 г. Принишиниковъ. Стр. 284—286.

Замѣчательно, что ни сама Екатерина II, ни ея вельможи, ни даже войско Донское не знали, что Емельянъ Ивановъ Пугачевъ, прежде чѣмъ стать во главѣ возстанія уральцевъ, не былъ уже донскимъ казакомъ, а терскимъ семейнымъ. П. Л. Юлинь добылъ въ Ставропольскомъ и изясарскомъ архивахъ слѣдующія по этому вопросу данныя. При устройствѣ Моздокской линіи въ 1770 г. туда было переселено съ ногы 517 семействъ казаковъ, а „для стрѣлянна изъ пушекъ“ туда же переведено 250 „сизачиныхъ“ казаковъ съ Дона, которыхъ и поселяли по 50 семействъ въ каждую изъ

Эти повелѣнія войско выполнило въ точности, даже рѣшило станицу Зимовейскую перенести на другое мѣсто, на лѣвый берег Дона, и назвать ее Потемкинской, въ честь фаворита Екатерины Григорія Потемкина, въ управление котораго съ 1775 г. перешло войско Донское.

Глава X.

Атаманъ Алексѣй Ивановичъ Иловайскій. 1775 — 1796 г.

Самымъ неутомимымъ преслѣдователемъ разбитыхъ шаекъ Пугачева по заволжскимъ степямъ былъ донской полковникъ Алексѣй Иловайскій, который, имѣя въ своемъ распоряженіи всего 400 чел. конныхъ казаковъ, переправился чрезъ Волгу и пустился по слѣдамъ убѣгавшаго на Яикъ самозванца. Въ безлюдныхъ и пустынныхъ степяхъ казаки примѣнили свою обычную тактику, выработанную вѣковой борьбой съ татарами — слѣдили за Пугачевымъ по *сажмамъ*. Отрядъ по дорогѣ на половину растерялся. Однако Иловайскій съ остальной частью достигъ Яицкаго городка и арестовалъ Пугачева, выданнаго ему его же приверженцами.

За этотъ подвигъ Иловайскій грамотой Екатерины II-й, по докладѣ Потемкина, назначенъ, вмѣсто Сулина, наказнымъ атаманомъ войска Донского и награжденъ чиномъ армейскаго полковника, а чрезъ годъ пожалованъ войсковымъ атаманомъ, съ тѣмъ, чтобы „считать его въ сей степени противъ 4-го класса чиномъ арміи“. Въ то же время войску пожалованы были бунчукъ, булава и наѣвка.

Въ присланной въ томъ же году на Донъ похвальной грамотѣ за турецкую войну и усмиреніе пугачевского бунта Екатерина II-я, кромѣ многихъ восторженныхъ выраженій и похвалъ, относящихся къ войску Донскому, добавила, „что врожденное онаго войска **военное**

пяти новыхъ станицъ, населенныхъ волжскими казаками. Желавшихъ переселиться съ Дона оказалось больше на 21 чел. Все они просили войскового атамана терскаго семейнаго войска Татарничева зачислить ихъ въ службу этого войска. Просьбу эту атаманъ 12 января 1773 г. представилъ на утверженіе коменданта. Первымъ въ представленномъ спискѣ значился „неимѣющій письменнаго вѣда“ Емельянъ Ивановъ, прибывшій съ Дона; изъ распросной сказки его видно, что онъ „донскаго войска Емельянъ Ивашевъ, сынъ Пугачевъ, отъ роду 30 лѣтъ, уроженецъ Зимовейской станицы, изъ казачьихъ дѣтей; отецъ его казакъ Иванъ Михайловичъ, сынъ Пугачевъ, по возвращеніи русской арміи изъ Пруссій (послѣ семилѣтней войны), назвалъ тому лѣтъ семь (1765 г.) умеръ, а онъ, Емельянъ, въ 1771 г. по указу военной коллегіи перешелъ жительствомъ въ Моздокскій край и нынѣ въ казаки опредѣленнымъ быть желаетъ“. Въ спискѣ терскаго войскаго канцелярѣи на 1 января 1773 г. въ числѣ рядовыхъ казаковъ этого войска значится Емельянъ Ивановъ съ своею женою Прасковьей Фомининой. Дѣтей не помянуто. Дальнѣйшая судьба Пугачева за время пребыванія его въ Терскомъ-семейномъ войскѣ такова: казаки, недовольные атаманомъ Татарничевымъ, хотѣли выбрать на эту должность Пугачева, съ тѣмъ, чтобы онъ ѣхалъ въ Петербургъ и ходатайствовалъ объ утраченыхъ войскомъ привилегіяхъ.

Пугачевъ, поѣхавъ, но изъ дорогѣ приверженцами Татарничева былъ схваченъ и представленъ моздокскому коменданту. Его обвинили въ смутѣ и последили въ тюрьму, изъ которой онъ, вмѣстѣ съ часовымъ солдатомъ Бенедиктомъ Лантевымъ, бѣжалъ и пробрался на Яикъ.

Итакъ, благодаря трудамъ П. Л. Юдина, намъ теперь стало извѣстно, что Е. Пугачевъ не былъ ука донскимъ казаккомъ, когда затѣялъ провозвести смуту въ Россіи присвоивъ себѣ имя императора Петра II.

Журналъ „Русскій Архивъ“, 1911 г. № 9.

искусство и неутомимость во всегдашней передовой стражѣ, не токмо не позволили неприятелямъ нигдѣ во вредъ войскъ нашихъ скрыть своего движенія, но превозмогали и совершенно уничтожали всякое онаго покушеніе, чѣмъ и споспѣшествовали славнымъ оружія нашего успѣхамъ³⁷⁷⁾.

Кромѣ этихъ похвалъ, войско получило вспомошествованіе деньгами и хлѣбомъ до 64 тыс. четвертей, а также повелѣно было возвратить изъ Азовской и Таганрогской крѣпостей переселенныхъ туда казаковъ „въ прежнія ихъ жилища“.

Назначеніе Иловайскаго атаманомъ тѣсно было связано съ кореннымъ преобразованіемъ внутренняго управленія войска. вмѣсто прежней Войсковой Канцеляріи, гдѣ атаманъ и старшины распоряжались по своему произволу, по мысли Потемкина, для завѣдыванія всѣми внутренними гражданскими дѣлами, учреждено было въ 1775 г. „Войсковое Гражданское Правительство“, состоявшее изъ атамана, 2 старшинъ по назначенію и 4 хъ по выбору на одинъ годъ отъ войска, съ положеннымъ всѣмъ имъ изъ войсковыхъ доходовъ жалованья. Этому Правительству подлежали дѣла: хозяйственныя, по приходу и расходу денежныхъ суммъ, по промысламъ и торговлѣ, а также и по гражданскому судопроизводству, „согласно генеральнаго во всемъ государствѣ утановленію“, съ соблюденіемъ данныхъ войску привилегій. Дѣла военныя подлежали неограниченной власти атамана, который считался главнымъ начальникомъ войскъ. Во главѣ управленія всѣмъ войскомъ Донскимъ стоялъ князь Потемкинъ.

Этотъ проектъ былъ утвержденъ Екатериной II 15 февраля и при предложеніи Потемкина отъ 18 февраля 1775 г. посланъ для немедленнаго приведенія въ дѣйствіе войсковому атану³⁷⁸⁾.

Замѣчательно, что всѣ эти бюрократическія нововведенія въ войскѣ Донскомъ, кажущіяся на первый взглядъ рціональными, клонящіяся, по выраженію самого Потемкина, „къ возстановленію въ предѣлахъ войска Донскаго желаемаго, по премудрому ея (Екатерины) намѣренію, благоденствія“, не привились на Дону; по крайней мѣрѣ, во многихъ позднѣйшихъ донскихъ актахъ по прежнему упоминается бывшая упраздненная Канцелярія. Видимо, Иловайскій, будучи въ душѣ истымъ казакомъ, не хотѣлъ воспользоваться данными ему неограниченными правами и, считая Потемкина случайнымъ временщикомъ, каковымъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, старался поддерживать старая казачья устои и оградить самобытность войска отъ какихъ-либо нововведеній и поползновеній фавор товъ царицы на старый укладъ казачьей жизни.

Подтвержденіемъ этому въ дѣлахъ Синода имѣются такія донесенія воронежскаго епископа, что атаманъ Иловайскій запрещаетъ ему вмѣшиваться въ духовныя дѣла казачьихъ приходо въ, такъ какъ причты ихъ опредѣляются съ утвержденія „казачьяго круга и старшинъ“, и даже набилъ колодки на протопопа черкаскаго собора за то, что тотъ осмѣлился власть своего архіерея поставить выше

³⁷⁷⁾ Грамоты на Д. нъ 16 февр. и 28 іюня 1775 г. Прянишниковъ. Стр. 290—294.

³⁷⁸⁾ Предложеніе Потемкина 18 февр. 1775 г. Акты Липинна, т. III, № 115 и 116. Атану положено жалованье въ годъ 1000 р., ему же на столъ 3000 р.—4000 р.

Старшинамъ по назначенію по 600 р.; на столъ по 400 р.—по 1000 р.

Старшинамъ по выбору по 600 р., на столъ по 200 р.—по 800 р.

Войсковому дяку—300 р.

На содержаніе канцелярія (дрова, свѣчи, сургучъ и проч.)—500 р.

Атаманскому писарю—100 р. и т. д.

„вѣча“, т. е. круга старшинъ. Этими донесеніями сказалось все. Атаманъ Иловайскій не былъ ни изувѣромъ, ни крамольникомъ, напротивъ, считался человѣкомъ просвѣщеннымъ для своего времени и заботился о насажденіи образованія на Дону и поднятія его экономического развитія. Вскорѣ послѣ своего вступленія въ должность онъ возбудилъ ходатайство предъ Потемкинымъ о разрѣшеніи дѣтямъ казаковъ поступать въ вновь открытый московскій университетъ. Потемкинъ принялъ это ходатайство благосклонно и отвѣчалъ: „По печенію о воспитаніи донскихъ дѣтей приѣмлю я съ признаніемъ и не оставляю съ моей стороны прилагать о таковыхъ учащихся къ чести и славъ войска Донского всегдашнее раченіе“. (А. Савельевъ, стр. 95). Въ 1775 г. 4 донскихъ воспитанника уже поступили въ московскій университетъ. Въ его управленіе войскомъ, въ г. Черкасскъ въ 1790 г. было открыто народное училищѣ (малое), а 2 октября 1793 г. торжественно отпраздновано открытіе, въ присутствіи Иннокентія, епископа воронежскаго и черкаскаго, „Главнаго Народнаго Училища“, типа среднихъ учебныхъ заведеній преобразованное при атаманѣ Платовѣ въ гимназію.

Одновременно съ учрежденіемъ на Дону „гражданскаго правительства“, повелѣно войсковыхъ старшинъ и полковниковъ, командовавшихъ въ походахъ полками наравнѣ съ установленными по табели военными чинами, производить въ штабъ-офицерскія чины. Тѣхъ же старшинъ, которые впредь будутъ командовать полками и носить званіе полковниковъ, въ уваженіе ихъ службы, считать за урядъ младшими предъ армейскими секундъ-маіорами, но выше капитана. Есауловъ и сотники „признавать и принимать прилично офицерскому чину“.

Нѣкоторыя переселенныя изъ Бессарабіи ногайскія орды жили мирно. Кочуя съ мѣста на мѣсто, они заняли степи по Манычи и Кагальнику. Имѣя слабую организацію и всегда голодая, эти орды, подстрекаемыя кубанскими, постоянно безпокоили донскія станицы. Иловайскій рѣшилъ очистить отъ нихъ эти степи. По станицамъ были разосланы грамоты быть всѣмъ готовыми къ поголовному ополченію съ двухмѣсячнымъ провіантомъ.

Узнавъ объ этомъ, татары двинулись къ Кубани, но тамъ встрѣтили отпоръ отъ черкесовъ. Тѣсняемые съ двухъ сторонъ, они рѣшили завладѣть маньчскими и сальскими степями силой. Въ 1781 г. они стали явно нападать на казачьи сторожевые посты. Ожидая нападенія, Иловайскій вооружилъ всѣ низовыя станицы, до Раздорской. Въ Крымъ произошло возмущеніе противъ хана Шагинъ-Гирея. Потемкинъ рѣшилъ присоединить Крымъ и Тамань къ Россіи. Началась вторая турецкая война. Донъ выставилъ въ дѣйствующую армію 36 полковъ, т. е. почти всѣ свои военные силы, начиная съ 15 лѣтъ, съ 3-хъ мѣсячнымъ провіантомъ. 8 апрѣля 1783 г. манифестъ Екатерины II въ возвѣстилъ объ окончательномъ присоединеніи Крыма, Тамани и Кубани къ Россіи. Оставалось привести въ подданство неспокойныя ногайскія орды, подстрекаемыя къ неповиновенію укравшимся у нихъ крымскимъ ханомъ. Для усиренія ихъ былъ командированъ Суворовъ. Близъ устья Лабы Иловайскій съ 10 ю донскими полками присоединился къ его войскамъ. Послѣ отважной переправы черезъ Кубань во главѣ съ донскими казаками, близъ урочища Керменчикъ, русскія войска 1 окт. 1783 г. одержали рѣшительную побѣду надъ татарами

и завладѣли богатой добычей. О подвигахъ въ этомъ походѣ Суворовъ доносилъ Потемкину: „храбрость, стремительный ударъ и неустрашимость Донскаго войска не могу довольно похвалить предъ вашею свѣтлостью и высочайшимъ трономъ“. Эта похвала величайшаго изъ полководцевъ, скупого на слова и похвалы, заслуживаетъ глубокаго вниманія и должна быть запечатлѣна потомками стараго боевого казачества.

Ногайцы признали подданство Россіи и въ знакъ покорности прислали Суворову свои бѣлыя знамена.

За свои подвиги въ этомъ дѣлѣ Иловайскій былъ награжденъ чиномъ генераль поручика и орденомъ св. Владиміра 2-й степени, а полковые командиры бригадирами³⁷⁹⁾.

Распоряжаясь самовластно войскомъ Донскимъ, Потемкинъ представилъ на утвержденіе Екатерины II проектъ о переселеніи на Донъ изъ Крыма и Турціи армянь, въ числѣ 15 тыс. душъ, для поднѣтя будто-бы экономическаго значенія края и развитія торговли. Проектъ этотъ былъ одобренъ въ 1779 г. Переселенцамъ даны были такія льготы, какими до того времени не пользовались не только сами казаки, но даже и коренные жители сосѣднихъ губерній. На берегу Дона, близъ крѣпости св. Дмитрія, былъ основанъ армянскій городъ Нахичевань. Для поселенія армянь земледѣльцевъ изъ войска Донскаго было отторгнуто до 68 тыс. дес. удобной земли. Переселенцы были перевезены со всею движимостью на казенный счетъ, освобождены на 10 лѣтъ отъ всѣхъ повинностей, постоевъ, рекрутчины и проч.; каждому домохозяину отведено по 30 дес., выданы безвозмездно сѣмена, лѣсъ на постройки, скотъ, инвентарь и проч., съ возвращеніемъ стоимости ихъ чрезъ 10 лѣтъ³⁸⁰⁾. Словомъ, часть устьевъ Дона и берега Азовскаго моря были изъяты изъ владѣній войска. Это изыятіе было закрѣплено грамотой Екатерины 27 мая 1793 г., по проекту того же Потемкина, уже въ то время умершаго объ утвержденіи границъ земель, „отъ предковъ нашихъ войску Донскому пожалованныхъ, и коимъ владѣніемъ казаки Донскіе издревле спокойно пользовались“... При грамотѣ была приложена и карта этихъ земель, подписанная императрицей: „Мы по всегдашнему о благѣ нашихъ подданныхъ попеченію, желая в Дон доставить безспорное на вѣчныя времена владѣніе принадлежащими оному землями и чрезъ то изъяснить монаршую нашу признательность къ ревностной его службѣ, утвердили подписаніемъ поднесенную намъ и при семъ препровождаемую карту, по которой о и отдавали исполненіе“³⁸¹⁾.

Удивительна въ этомъ отношеніи попытка къ казачеству русскаго правящихъ сферъ, вводившихъ всегда въ заблужденіе царей и царяцъ. Посылая на Донъ многочисленныя похвальныя грамоты, съ вельрѣчивыми и напыщенными выраженіями, превозносящими войско оясное за его подвиги до небезъ, русскіе вѣнценосцы въ то же время старались нанести казачеству на степень „своихъ вѣроподданныхъ, послушныхъ рабовъ“, урѣзывали шагъ-за-шагомъ ихъ исконныя казачьи права, отторгали лучшія приморскія земли, подыгивъ въ теченіе вѣковъ казачьей кровью, и отдавали ихъ чуждому элементу, случайно заброшенному на Донъ.

Мало того, восхваляя войско Донское за его великія заслуги и „отличную храбрость“, оказанныя въ войнѣ, достойнаго нашего монар-

³⁷⁹⁾ Донцы М. Селяжикъ. Стр. 150-178 и 204. „Копія съ донесенія Суворова къ Потемкину 6 окт. 1783 г. Тамъ же, стр. 258-261.

³⁸⁰⁾ Полн. собр. законъ 1779 г. № 14.942.

³⁸¹⁾ „Грамоты“. Пранищниковъ, стр. 298-300.

шаго отъмѣннаго благоволенія и милости, ко всенародному свѣдѣнiю на память будущихъ времяяъ", Екатерина въ то же время, по представленiю своихъ сановниковъ, никакъ не хотѣла считаться съ самыми насущными потребностями казачества, его правами, какъ военнаго, пусть даже «вѣрноподаннаго сословія», и грамотой 9 мая 1792 года повелѣла «для спокойствія и безопасности Кубанскихъ предѣловъ отъ набѣговъ необузданныхъ горскихъ народовъ произвестъ вновь на линiи построеніе нужныхъ крѣпостей и редутовъ, а для вящшаго усвершенія той линiи завести на оной вновь казачьи станицы (12-ть), въ которыя по исчисленiю до 3 тыс. семей потребно. Къ такому поселенiю назначили мы употребить шесть донскихъ полковъ, подъ начальствомъ генерала Гудовича находящихся, которые и должны быть въ полномъ пятисотенномъ комплектѣ...»³⁸⁹)

Такое безцеремонное обращеніе съ казачествомъ вывело его изъ терпѣнія. Казаки трехъ полковъ, бывшихъ на линiи, смѣнивъ своихъ полковниковъ, явились въ Черкасскъ. въ числѣ 1000 человекъ, и приступили къ войсковому атаману съ требованiемъ и угрозами отъмѣнить это распоряженіе. Иловайскiй велѣлъ прочесть имъ грамоту императрицы. Казаки пришли въ ярость. «Наконецъ, штурмомъ вечеромъ 31 мая принесли знамена генералу (атаману) и отдали; и тѣмъ кончили. И поѣхали въ дома съ грамотами отпускными». 3 iюня атаманъ выѣхалъ въ Петербургъ ходатайствовать объ отъмѣнѣ переселенія, а бригадиръ Платовъ спѣшно отправился на Кубань для успокоенія оставшихся тамъ полковъ»³⁸⁹).

Насильственное переселеніе, по усиленной просьбѣ Иловайскаго, было отъмѣнено, а вмѣсто него предоставлено было станицамъ, по древнему ихъ обычаю, самимъ назначать семейства, желающія переселиться, но все таки не менѣе 3 тыс. Въ войсковой грамотѣ станицамъ было сказано, что «государыня, снисходя только къ древнему донскому обряду; простила чиновниковъ ея волѣ, исключая начинщиковъ зла». Войсковымъ чиновникамъ, посланнымъ съ этими грамотами, приказано было не вмѣшиваться въ станичные распорядки, а только отобрать списки назначенныхъ на переселеніе. Войсковое правительство, издавая это распоряженіе, само было въ большемъ затрудненiи. На Кубань требовались исправные и здоровые казаки въ полномъ вооруженiи и о дву-конь. Всѣхъ служившихъ казаковъ въ то время было около 30 тыс. Слѣдовательно, для переселенія нужно было выслать съ Дона одну десятую часть всѣхъ строевыхъ казаковъ. Требованіе не-суразное и невыполнимое. Предположили въ число переселенцевъ включить 800 семействъ малороссянъ, съ зачисленiемъ ихъ въ казаки. Войсковое правительство поневолѣ должно было хитрить и дѣйствовать осторожно, чтобы не вывести изъ терпѣнія все войско. Станицы Есауловская, Робылянская, двѣ Чирскихъ и Пятиизбянская рѣшительно отказались подчиниться распоряженiю о переселенiи и не приняли войсковыхъ грамотъ. Отрѣшивъ отъ должностей станичныхъ атамановъ и подписныхъ стариковъ и выбравъ вмѣсто нихъ другихъ, казаки этихъ станицъ дали клятву другъ друга не выдавать, говоря, что они свои земли заслужили кровью и кровью ихъ защищать будутъ, укрѣпили станицы, поставили пушки и стражу; даже получено было извѣстіе, что съ весной они намѣривались идти въ Черкасскъ, забрать всѣ

³⁸⁹ Тамъ же. Стр 295 - 297.

³⁹⁰ Дневникъ сваяш. В. Рубашкина. «Казачiй Вѣстникъ». 1893 г. № 13.

регалии и выбрать другого атамана. Иловайскій вынужденъ былъ обратиться къ помощи регулярныхъ войскъ. Жалованнымъ старшинамъ, полковникамъ и генераламъ не хотѣлось разставаться съ своими правами и преимуществами, дарованными русскимъ правительствомъ.

На усмирение бунтовщиковъ, собравшихся въ Есауловской стан., въ февраль мѣс. 1794 г. двинулся отрядъ казаковъ въ 1000 челов. во главѣ съ наказнымъ атаманомъ, генераломъ Мартыновымъ и „прочими господами“. Къ нимъ подоспѣлъ князь Щербатовъ съ 5 ю полками и 4-мя баталіонами пѣхоты, 2-мя эскадронами драгунъ, 4-мя полевыми орудіями, а также три Чугуевскихъ полка подъ начальствомъ генерала Платова. Станицы заняты были почти безъ боя. 6-го іюля началась обычная расправа, какую Москва всегда примѣняла къ казачеству: 48 старшинъ и 298 казаковъ были закованы въ цѣпи, 1645 человѣкъ наказаны плетьюми. Назначено, по приказанію Военной коллегіи, слѣдствие. Предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи былъ Щербатовъ. Оказалось, что всѣ бузулуцкія, хоперскія и медвѣдицкія станицы также не приняли войсковыхъ грамотъ и отказались отъ переселенія. Князь Щербатовъ призналъ и ихъ виновными и около пяти тысячъ челов. подвергъ наказанію кнутомъ, изъ подъ котораго немногіе вышли цѣлыми. Десятая часть попали въ Сибирь. Есаул Рубцовъ, котораго считали главнымъ виновникомъ бунта, получилъ 251 ударъ кнутомъ и въ тотъ же день скончался³⁸⁴⁾. И все это происходило въ то время, когда большая часть донскихъ полковъ находилась въ войнѣ съ Рѣчью Посполитою (1791—95 г.), потомъ съ Швеціей и Персіей. Вездѣ и всюду донскіе богатыри оказывали чудеса храбрости и умѣнье вести войну и выигрывать побѣды не только въ стычкахъ съ полудикими горскими народами Кавказа, но даже съ хорошо организованными силами европейцевъ. Между тѣмъ у себя дома, на Дону, они подвергались насилію и экзекуціи. Нѣкоторые полки, стоявшіе въ Крыму, узнавъ, что ихъ станицы разоряютъ регулярныя войска, пришли въ волненіе. Казаки стали большими партіями уходить на Донъ. Стало пахнуть общимъ бунтомъ. Старая императрица, зацѣтая своими фаворитами, не могла уже заниматься внутренними дѣлами государства, а предоставила все это своимъ сановникамъ, во главѣ которыхъ стоялъ извѣстный бездарный Платонъ Зубовъ. Чувствовался застой и развалъ во всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ управленія. Въмѣсто 3 тыс семействъ на Кубань съ Дона удалось переселить толяко одну тысячу. Екатерина была и этимъ очень довольна.

Послѣ 2 хъ лѣтней стоянки войска Щербатова были выведены изъ предѣловъ Дона.

Глава XI.

Атаманъ Василій Петровичъ Орловъ.

1796—1801 г.

„Оренбургскій“ походъ казаковъ.

Въ 1796 г. Иловайскій умеръ. Вновь вступившій на русский престолъ Павелъ I-й хотѣлъ назначить атаманомъ заслуженнаго боевого генераль-лейтенанта Федора Петровича Денисова, вполсѣдствіи перваго

³⁸⁴⁾ Тамъ же.

графа изъ донскихъ казаковъ (съ 1799 г.), но послѣдній отказался отъ такой чести, ссылаясь на свою старость и малограмотность, и просилъ государя предоставить эту должность своему зятю, генералу Орлову. Царь уважилъ эту просьбу, и Орловъ назначенъ былъ войсковымъ атаманомъ. Первымъ распоряженіемъ Павла Петровича относительно в. Дон было искорененіе всѣхъ нововведеній кн. Потемкина, т. е. уничтоженіе войскового гражданскаго правительства и возстановленіе прежней войсковой канцеляріи ³⁸⁵⁾.

Въ канцеляріи по прежнему стали засѣдать атаманъ и наличные старшины. Всѣ бумаги адресовались уже на имя войскового атамана и войска Донскаго.

Ко времени вступленія въ атаманство Орлова, дѣла по станичному самоуправленію пришли въ полное расстройство; тамъ царить полный хаосъ, при наличіи засилья старшинъ, жалованныхъ уже не кругомъ, а царской властью или войсковыми атаманами. Причиной этой неурядицы были нововведенія въ управленіи войскомъ Донскимъ, начиная съ Петра I го и кончая реформами князя Потемкина. Словомъ, Донъ былъ выбитъ изъ самобытной своей колеи и направлень по чуждому ему руслу, руководимой усмотрѣніемъ „жалованныхъ“ старшинъ. Еще въ 1721 г. войсковою грамотою повелѣвалось станицамъ „выборныхъ станичныхъ годовыхъ атамановъ почитать и во всемъ быть имъ послушными“, между тѣмъ по старому казачьему праву сами атаманы должны были быть послушными станичному кругу, или сбору, т. е. являться простыми исполнителями его постановленій. Въ 1743 г. упоминаются уже выборные старики, которые впоследствии стали именоваться „подписными“. Название это имъ присвоено отъ того, что при объявленіи распоряженій о неприятии и сыскѣ бѣглыхъ отъ станичныхъ атамановъ и лучшихъ выборныхъ гражданъ станицы отбирались подписки, „сказки“. Отъ нихъ же требовались подписки и въ объявленіи и исполненіи войсковыхъ грамотъ, касающихся нарядовъ на службу, укрѣпленія станицъ на случай на бѣговъ татаръ и проч., а въ 1792—5 г.г. о переселеніи на Кубань и о выдачѣ ослушниковъ. Вотъ почему станицы Есауловская до Пятиизбянской въ 1792 году и смѣнили своихъ атамановъ и подписныхъ стариковъ, какъ давшихъ подписки въ исполненіи распоряженій войскового правительства о переселеніи, и выбрали другихъ, своихъ единомышленниковъ. Кроме того, съ половины XVIII в. для сыска и высылки бѣглыхъ изъ другихъ губерній все войско было раздѣлено на нѣсколько участковъ (округовъ), во главѣ которыхъ были поставлены назначенные войсковымъ атаманомъ старшины; чрезъ этихъ же старшинъ войсковое правительство стало объявлять станицамъ свои распоряженія. Къ концу того же вѣка изъ канцеляріи „старшинъ по сыску бѣглыхъ“ образовались „окружныя сыскныя начальства“ Орловъ обратилъ особенное вниманіе на положеніе станичныхъ дѣлъ, неладившихся послѣ экзекуцій князя Щербатова и приказовъ наказнаго атамана Мартынова, назначившаго во многихъ „мятежныхъ“ станицахъ своихъ, по своему выбору, атамановъ и судей ³⁸⁶⁾.

³⁸⁵⁾ Рескриптъ на имя Орлова 6 іюля 1797 г. Акты Лишнія, т. III, № 120. „Что касается до вкраившихся злоупотребленій и сдѣланныхъ переимѣнъ кн. Потемкинскихъ, писалъ Павелъ, то вамъ принадлежитъ первая искоренить, а мнѣ послѣднихъ не опровергать, яко клонившихся всегда къ истребленію общественаго порядка вещей“.

³⁸⁶⁾ Мартыновъ заступалъ мѣсто войск. атам. Шавайскаго, когда послѣдній былъ въ Петербургѣ по дѣлу объ отъѣздѣ наслѣдственнаго переселенія казаковъ на Кубань.

Въ наказѣ старцамъ атаманъ Орловъ старался возстановить между старое выборное начало. Онъ совѣтывалъ выбрать атаманомъ изъ людей „расторопныхъ и добрыхъ въ поведеніи „Ради пособія имъ во всегдашнихъ словосныхъ судепровазодствахъ“ выбрать изъ среды своей, четырехъ или болѣе, степенныхъ стариковъ, называвшихся раньше „подписными“; на ихъ обязанности должно лежать немедленное, вмѣстѣ съ атаманомъ, исполненіе распоряженій сносныхъ начальствъ и словесное разбирательство спорныхъ дѣлъ. Дѣла же, подлежащія рѣшеню въ общаго станичнаго сбора, должны откладываться до праздничныхъ дней. Всѣ тяжбыныя дѣла на сумму не свыше 50 руб. должны быть рѣшаемы въ станицахъ. Недовольные рѣшеніемъ станицы могутъ переносить свои дѣла въ сносныя начальства. Видѣнію атаманомъ и стариковъ подлежали дѣла по мелкимъ кражамъ, семейнымъ ссорамъ, буйству, дракамъ и проч. Болѣе крупныя дѣла переносились на станичный сборъ, присуждавшій къ штрафамъ, розгамъ, забиванію въ колодки и высылкѣю. Атаманъ Орловъ особенно возсталъ противъ присужденія „маничанія пойломи, ибо сіе введеніе было весьма плохо и не сообразно съ должнымъ порядкомъ“.

Искреннее желаніе этого атамана было, чтобы „донскіе граждане между собою бжали станичную простоту и убѣгали отъ тяжбыныхъ дѣлъ и абады“⁸⁸⁷.

Въ правленіе войскомъ Орлова (1798 г.) въ предѣлы Дона, тѣснимыя киргизами, съ разрѣшенія правительства, прикочевали изъ за Волги дербетовскіе калмыки, въ числѣ 3724 кибитки, 9525 душ. мужскаго пола. Имъ дозволено было отправлять службу наравнѣ съ казаками. Для учрежденія порядка между ними образовано особое правленіе⁸⁸⁸. Но это не поправилось калмыкамъ и они въ началѣ 1800 г. ушли въ астраханскія степи. Никакія мѣры не помогли возвратить ихъ обратно. По повелѣнію Павла Петровича калмыки эти оставлены на жительство въ маломъ Дербетѣ. Кромѣ нихъ въ войскѣ Донскомъ остались, причисленные въ казачество разновременно, калмыки такъ называемые „базовые“, которыхъ въ то время считалось 2262 души мужскаго пола.

Но самымъ важнымъ событіемъ для войска Донского конца XVIII в., положившимъ неизгладимый отпечатокъ на жизнь казачества зъ продолженіе всего прошлаго вѣка и перевернувшимъ всѣ древніе его устои и традиціи,—было появленіе на Дону жалованнаго донского дворянства, раздѣлившее все боевое казачество на двѣ неравныя части: меньшая дворянъ помѣщиковъ и большая—рядовыхъ казаковъ.

И все это случилось по проискамъ и усиленнымъ домогательствамъ небольшой кучки корыстныхъ себялюбцевъ, испорченныхъ растлѣвающимъ началомъ и политикой рабовладѣльческой Россіи. За великія вѣковыя заслуги всей массы боевого казачества, „Всевеликаго войска Донского“, сокрушившаго могущество Оттоманской имперіи и ставшаго твердой ногой на границахъ тогдашней Россіи по Кубани, Тереку, Уралу и дебрямъ далекой Сибири до Амура, маленькая группа людей, случайно выплывшихъ на поверхность народной массы, при поддержкѣ русскихъ самодержцевъ, получила неисчислимыя выгоды въ ущербъ всему казацкому населенію стараго Дона, захватила лучшія казацкія земли и населила ихъ закабаленнымъ въ рабство крестьянствомъ, слѣдуя примѣру русскихъ помѣщиковъ.

⁸⁸⁷) Простота эта дѣйствительно среди донскихъ казаковъ въ ихъ общественной жизни въ неприкосновенности сохранялась до половныи прошлаго столѣтія. Когда же въ сыскныхъ и судныхъ начальствахъ засѣлъ „крючковатый“ чиновникъ съ стряпчимъ, дякнами и помычниками, то дѣла стали рѣшаться „по похоти, по злату и серебру, по мѣшамъ и штофамъ“. Объ этомъ намъ передали наши отцы и дѣды.

⁸⁸⁸) Рескрипты Павла I ген.-лейт. Иловайскому 1-му 70 авг. и 14 окт. 1798 г. Амы Лицива, т. III, № 121 и 122.

Со времени обложения подушной податью (сз 1768 г.), малоросійские черноморскіе, приписанные къ отаицамъ и жившіе въ хуторахъ, поселкахъ и приобладкахъ, хотя и считались свободными землепашцами, но тѣмъ не менѣе были ограничены въ некоторыхъ правахъ, какъ напримѣръ: они не имѣли голоса въ станичныхъ дѣлахъ, не могли отлучаться безъ вѣдома станицы и даже войсковой грамотой 1776 г. было воспрещено выдавать за нихъ въ замужество казачьихъ вдовъ и дочерей и жениться на бѣглыхъ крестьянскихъ женахъ⁸⁸⁹).

Указомъ сената 1 февраля 1776 г. повелѣно брать рекрутъ изъ домашнихъ малоросійскъ нарванъ съ поселками казеннаго вѣдомства.

Въ 1796 г. и для донскихъ крестьянъ наступилъ свой „Юрьевъ день“, запоздавшій противъ московскаго на 200 лѣтъ. Указомъ Павла Петровича, даннымъ 12 декабря, „въ видахъ водворенія порядка и утвержденія въ вѣчную собственность владѣльца, повелѣвалось, чтобы въ губерніяхъ Екатеринославской, Воронежской, Таврической и Кавказской области, а также и на Дону—каждый изъ поселянъ остался въ томъ мѣстѣ и званіи, какъ онъ по нынѣшней ревизіи (5-й) записатьъ будетъ“⁸⁹⁰). Хотя этимъ актомъ и не устанавливалось полное крѣпостное право, т. е. донскіе землевладѣльцы, старшины и военные чины, не пользовались еще правомъ россійскаго дворянства, тѣмъ не менѣе многие изъ нихъ увидѣли себя потомственными обладателями нѣсколькихъ сотъ и даже тысячъ крестьянскихъ душъ. Это количество нѣкоторые старались увеличить покупкою крѣпостныхъ въ другихъ губерніяхъ и на ближайшихъ ярмаркахъ. И вотъ, страстно желая явиться въ роли настоящихъ дворянъ-помѣщиковъ, донскіе выборные и жалованные чиновники, считавшіеся до того „за урядъ“ исходатайствовали у Павла Петровича сравненіе своихъ чиновъ-званій съ чинами регулярныхъ войскъ. 1798 г. 22 сентября послѣдовалъ высочайшій указъ, данный чрезъ Военную коллегію, такого содержанія: „Виряя всегда съ удовольствіемъ на ревность и службу войска Донскаго, въ анакъ признательности и благоволенія нашего къ оному, для уравненія чиновниковъ, въ войскѣ ономъ служащихъ, признавать ихъ чинами по слѣдующей таблицы, сохраняя имъ по службѣ прежнее ихъ званіе: войсковыхъ старшинъ—маіорами, есауловъ—ротмистрами, сотниковъ—поручиками, хорунжихъ—корнетами. Квартирмистры же (конхъ полагается въ каждый полкъ по одному) равняются съ квартирмистрами регулярныхъ войскъ“⁸⁹¹).

Само собою разумѣется, что жалованные раньше царскою властью генеральскими, бригадирскими и полковничьими чинами остались при своихъ армейскихъ чинахъ, равныхъ съ регулярными.

Донскими полками обыкновенно всегда командовали старшины, носившіе званіе, когда они были въ походѣ, полковниковъ. Приведеннымъ указомъ они признавались маіорами. Вотъ почему въ то время на Дону и сложилась между казаками бабавная поговорка: „нашего полковника позоволали маіоромъ“.

Изъ жонду этого вѣка за донскими помѣщиками числилось уже крестьянъ до 70 тыс., а по 6 ревизіи 1811 г.) 76,867 душъ.

И вся эта масса крестьянскаго населенія поведена была на войсковыхъ и юртовыхъ казачьихъ земляхъ, перешедшихъ потомъ донскому дворянству въ потомственную собственность, безъ вѣдома и согласія всего Войска. Впрочемъ, согласія то его, съ упраздненіемъ Войска Круга, никто и не спрашивалъ.

⁸⁸⁹) Труды войск. статист. комит., в. 1-й, 1867 г., стр. 78. „Моск. отд. арх. Глав. Штаба“. Связка № 115. Указъ 1776 г. 10 янв. № 74.

⁸⁹⁰) Акты Лиштва, т. III, № 124.

⁸⁹¹) Тамъ же, № 1180, стр. 420. Арх. гл. упр. каз. войскъ. Дѣл. ном. о войскѣ Дон., о привилегіяхъ. № 2, л. 285.

Классъ донскихъ помѣщиковъ быстро сталъ увеличиваться. Донъ раздвоился. Вмѣстѣ единаго, нераздѣльнаго казачьяго сословія (казачество къ тому времени было сведено уже въ сословіе), гдѣ всѣ были равны, всѣ отъ рожденія братья, вдругъ изъ общей массы, поголовно служившей „не за страхъ, а за совесть, съ травы да воды“ русскимъ царямъ, явилось новое донское дворянство съ правами и привилегіями, съ этимъ сословіемъ сопряженными, оставивъ въ сторонѣ многотысячное рядовое казачество съ его угасающими традиціями „о братствѣ и равенствѣ“ и поголовной, какъ и прежде, военной службой.

Создавая донское дворянство, Павелъ I-й въ то же время сталъ очень подозрительно относиться къ донскимъ генераламъ, жалованнымъ Екатериной II-й.

Взаимная неприязнь, существовавшая между матерью и сыномъ, при жизни первой, всѣмъ извѣстна. Екатерина отъ всей души ненавидѣла и презирала Павла и даже хотѣла оставить престолъ внуку своему Александру; въ свою очередь Павелъ платилъ ей тѣмъ же. До 42 лѣтъ онъ жилъ уединенно вдали отъ двора, въ подаренныхъ ему Екатериной имѣніяхъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ ¹⁸⁰².

Ко времени вступленія на престолъ, 42 лѣтъ, онъ былъ уже изломаннымъ, раздражительнымъ и озлобленнымъ человѣкомъ. Въ семейной жизни былъ деспотъ и мучитель. Лятець Кутайсовъ и фаворитка Нелидова еще имѣли на него нѣкоторое вліяніе; во всѣмъ остальнымъ былъ болѣеменно подозрителенъ и жестокъ. Къ преобразованіямъ Екатерины относился отрицательно. Всѣ его мѣропріятія имѣли одну цѣль — уничтожить излившее вліяніе на ходъ управленія высшаго дворянства и возстановить блескъ самодержавія. Фавориты и орлы Екатерины, въ томъ числѣ и Суворовъ, подверглись опалѣ или тоненію. Прусская муштра и прусская форма одежды съ буклами, пудрой и косами были его идеаломъ въ военномъ дѣлѣ.

Первый изъ видныхъ донцовъ, прославившійся своими военными подвигами, подвергся гоненію ген.-майоръ Матвій Ивановичъ Платовъ. Въ персидской войнѣ, начатой Екатериной подъ конецъ своей жизни, Платовъ, будучи походнымъ атаманомъ донскихъ полковъ, одной геройской атакой выручилъ главнокомандующаго, Валеріана Зубова, брата фаворита Платона Зубова, изъ очень затруднительнаго положенія. О Платовѣ заговорили какъ о выдающемся полководцѣ. 6 ноября 1796 г. на престолѣ вступилъ Павелъ. Дѣла круто зміѣнились. Зубовы были удалены. Въ одну изъ ночей Платовъ былъ арестованъ и съ фельдъегеремъ отвезенъ сначала въ Кострому, а потомъ въ Петербургъ и замурованъ въ одинъ изъ сырыхъ казематовъ Петропавловской крѣпости, гдѣ онъ пробылъ 3½ года. Какъ это случилось и за что былъ арестованъ Платовъ, никто въ Черкасскѣ не зналъ; даже не зналъ и самъ Платовъ. Весной 1800 г. удалены со службы ген. отъ кавалеріи Дмитрій Ив. Иловайскій и сынъ его ген.-м. Павелъ Иловайскій. Въ г. Черкасскъ прибылъ ген. Кнорингъ производить о нихъ слѣдствіе и въ апрѣлѣ препроводилъ ихъ „съ селатскими курьерами неизвѣстно куда“. 29 мая того же года по указу Павла исключенъ изъ службы г.-м. Дмитр. Евдок. Грековъ. 11 іюля взятъ съ фельдъегеремъ стар. Ив. Ник. Мѣшковъ. 5-го августа въ Черкасскъ прибыли генераль Рвингъ и его адъютантъ Кожинъ. При нихъ были, по высочайшему повелѣнію, казненны, по ста-

¹⁸⁰²) Есть нѣкоторыя указанія, отмѣченныя иностранными посланниками при русскомъ дворѣ, что Павелъ былъ не родной сынъ Екатерины, такъ какъ подлинный Павелъ вскорѣ послѣ рожденія умеръ и подыменъ императрицей Елизаветой первымъ попавшимся ребенкомъ изъ чухонской семьи. Цѣль Елизаветы — страстное желаніе имѣть наследника русскаго престола мужского пола. Этимъ объясняется все, и взаимная ненависть, и монгольскій типъ Павла.

рому московскому обычаю, на терномъ эшафотѣ (съ палачомъ и топоромъ) войсков. старш. Ив. Афан. Аюнасовъ и три гвардейскихъ казака Луганской станицы Поповъ, Колесниковъ и Козминъ, а также наказальн. кнутаомъ гвардіи поручикъ Петръ Осип. Грузиновъ, а потомъ 5 сентяб. того же 1800 г., полесъ жестокое наказание родной брать его, полковн. Еврафа Осип. Грузиновъ. Также былъ сооружеиъ эшафотъ, поставлеиъ въ строй, наголо шапки, атаманскій и „артиллерійскій“ полки, приведеиъ изъ тюрьмы арестантъ, прочитанъ царскій указъ и палачъ далъ несчастному Грузинову болѣе 400 ударовъ кнутаомъ, отчего онъ въ тотъ же день въ тюрьмѣ скончался⁸⁸³). Никто не могъ дать положительнаго отвѣта о причинѣ удаленія со службы, наказанія и казни перечисленнхъ выше лицъ. Болѣзненно подозрительный Павелъ, котораго именуютъ нѣкоторые историки „неразгаданнымъ монархомъ“, былъ въ сущности самый опасный „маньякъ“; вездѣ и всюду онъ искалъ крамолу и при помощи своихъ шпіоновъ, которые на Руси не переводились, старался утвердить свой „священный тронъ“.

Казакобъ, вернувшись та страшная эпоха московской Руси, когда господствовало вѣсьмъ известное „слово и дѣло“, когда каждый не только простой обыватель, но даже стоящій во главѣ управления не могъ поручиться, что съ нимъ будетъ сегодня, завтра... Все притихло. Лучшіе люди уходили отъ дѣлъ и укрывались въ глуши деревень; даже знаменитый Суворовъ, герой Измаила, подвергся опалѣ и пѣлъ на киркѣиъ вишетѣ съ дьякомъ въ своей деревенской церкви. Такимъ характеромъ государя пользовались для своихъ низкихъ цѣлей всякіе проходимцы и, вишетѣ успокоенія, еще больше разжигали его страсти. Все государство было охвачено паникой.

И вотъ въ этотъ-то періодъ времени войску Донскому суждено было вынести новое испытаніе, испить новую чашу терзѣнія и покорности.

Политическій горизонтъ Европы въ то время былъ заволоченъ тучами и туманомъ. Лучшіи государственныя головы терзались и не знали, чего держаться. Лишь одинъ гениальный Наполеонъ зналъ, куда идти, и кружилъ головы вѣсьхъ европейскнхъ дворовъ. Противъ Франціи составлялись коалиціи европейскнхъ государствъ. Во главѣ ихъ стояла Англія. Павелъ поддерживалъ ея сторону. Суворовъ, „завинтивъ свой измаильскій штаны“, разилъ французовъ вишетѣ съ казаками въ Италіи⁸⁸⁴). Двухлчнная союзница Россіи—Австрія во главѣ съ Тугутомъ и гофъ-крестъ ратомъ устроили ему тамъ такія препятствія, что этотъ мудрый и опытный полководецъ почиталъ отозваніе свое съ арены громкихъ побѣдъ за счастье и вскорѣ посалъ того въ 1800 г. уморъ. Завистливый Павелъ не приказалъ воздать праху его даже самыхъ обыкновенныхъ воинскихъ почестей, достойныхъ фельдмаршала, генералиссимуса и князя Италійскаго.

Павелъ порвалъ союзъ съ коварной Австріей, а потомъ и съ Англіей. Главная причина разрыва съ послѣдней была—захватъ англичанами въ сентябрѣ 1800 года остр. Мальты, принадлежавшаго ордену Мальтійскихъ рыцарей—іоаннитовъ, великимъ магистромъ котораго въ

⁸⁸³) Записки св. Рубашкина. Прот. Г. Левинскій, стр. 18 и 19. „Полковникъ Грузиновъ. А. А. Караевъ. 1896 г.

⁸⁸⁴) Въ грамотѣ на Донъ Павелъ Петровичъ 15 февраля 1800 г. писалъ: „Нашему любезно-вѣрному войску Донскому. Вѣрность ваша къ намъ, оказанная во многихъ случаяхъ, особенно же заслуга въ войнѣ противъ французовъ, въ продолженіи Италійской компаніи 1799 г., гдѣ мужествомъ и неустрашимою своею храбростію поражали вездѣ неприятеля... за ваши подвиги жалуемъ вамъ знамя, на коемъ изображено заслужившее вамъ сіе отличіе“. „Грамоты“. Приишиниковъ. Стр. 301.

то время состоялъ Павелъ Петровичъ. На требованіе этого „страннаго“ магистра, носившаго даже облаченіе и всѣ знаки ордена, англійца, боясь, чтобы островъ не попалъ въ руки Наполеона, отказали. Раздраженный этимъ, Павелъ заключилъ союзъ съ Наполеономъ, старавшимся подрвать торговое значеніе Англій „континентальной системой“, закрывъ для торговли съ ней всѣ европейскіе порты. Планъ Наполеона былъ геніаленъ и если бы онъ былъ доведенъ до конца, то Англія потерпѣла бы въ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ окончательное крушеніе. Геній Наполеона, поддержанный могуществомъ Россіи, могъ это сдѣлать. Нужно было увязить Англійю въ Индіи, средоточіи ея богатствъ и могущества, и никто, кромѣ Россіи, не могъ ему быть въ этомъ дѣлѣ лучшимъ помощникомъ. Для похода по средне-азиатскимъ степямъ надобно было легкое конное войско и нигдѣ его не было столь много и такого хорошаго качества, какъ въ Россіи. Это были донскіе казаки. Это была первая часть дѣла, задуманнаго Наполеономъ. Вслѣдъ за казаками самъ Наполеонъ намѣревался провести чрезъ Россію полмилліона своей побѣдоносной арміи до Волги, оттуда моремъ до Астрабада, а тамъ караваннымъ путемъ до Индіи.

Павелъ пришелъ въ восторгъ отъ этого плана и 12 января 1801 г. далъ на Донъ указъ „собрать все войско Донское на сборныя мѣста“ и три рескрипта на имя атамана Орлова, два отъ 12 и одинъ отъ 13 го января, въ которыхъ открывалъ ему цѣль похода и маршрутъ сѣдованія войскъ ²⁰⁰).

Вскорѣ на Донъ прибылъ исхудалый и постарѣвшій М. И. Платовъ, выпущенный изъ темницы по совѣту приближенныхъ царя, какъ пригодный для выполненія задуманнаго предпріятія генераль, котораго любятъ и слушаютъ казаки. Онъ получилъ отъ царя подробныя словесныя инструкціи о предстоящемъ походѣ.

Получивъ царскіе рескрипты, Орловъ приказомъ по войску предписалъ готовиться къ походу всѣмъ наличнымъ офицерамъ, урядникамъ, полковымъ писарямъ и казакамъ. Словомъ, всѣмъ способнымъ носить оружіе, „до послѣдняго“, *о дву конь* и съ запасами провіанта на 1½ мѣсяца. Казаки обаваны брать съ собою ружья и дробинки, „не оставая ихъ отнюдь дома“. Къ этому поголовному ополченію привлечены были и всѣ донскіе казачья, въ числѣ 510 челов., сборный пунктъ которымъ была назначена слоб. генерала Мартынова на Сагу. Для казачьихъ сборныхъ мѣстъ были опредѣлены въ слѣдующихъ станціяхъ: Качалинской, Усть-Медвѣдичкой, на р. Медвѣдицѣ и Бузулуки. Дѣло приготоваенія къ походу „но секретной экспедиціи“ шло очень быстро. 20 февраля Орловъ доносилъ уже Павлу, что 22,507 чел. готовы къ походу.

Никто не зналъ цѣли этихъ секретныхъ приготоваеній, кромѣ атамана Орлова, Платова и нѣкоторыхъ приближенныхъ, которымъ поручено было заготовить по дорогѣ отъ Дона до Оренбурга провіантъ и фуражъ для лошадей, и тѣхъ, которымъ приказано осматривать и изучать дороги, а въ Оренбургѣ добить „языковъ“ и переводчиковъ, знающихъ средне-азиатскіе языки. Есзулу Денежникову атаманъ поручилъ узнать:

1) „Начиная отъ Оренбурга, какия есть удобства къ проходу войскъ дорога чрезъ степи киргизъ-кайсаковъ, до р. Сарасу, земли караволпановъ и узбековъ до Хламъ, а отсюда до Вухаръ и далѣе до Индіи. Есть ли по дорогѣ сей рѣки, какой оныя широты“... и т. д. словомъ, узнать все, что требуется для прохода войска.

²⁰⁰ „Оренбургскій походъ“. Док. обш. Вѣд. 1856 г. № 1, 2, 3 и 5: А. Фламмель. Донскіяя Орлова Павлу Петровичу 23 янв., 1 и 10 февр. 1801 г.

Въ своихъ рескриптахъ Павелъ Петровичъ (въ первомъ) писалъ Орлову „Англичане приготовляются сдѣлать нападеніе флотомъ и войскомъ на мени и на союзниковъ моихъ датчанъ и шведовъ Я готовъ ихъ принять, но нужно ихъ смѣихъ атаковать и тамъ, гдѣ ударъ имъ можетъ быть чувствительный и гдѣ меньше ожидаютъ Заведеніе ихъ въ Индію самое лучшее для сего подаетъ съ артиллеріей чрезъ Бухару и Хиву на рѣку Индузъ. Приготовьте все къ походу. Пошлите своихъ лазутчиковъ приготовить и осматрѣть дороги; *все богатство Индіи будетъ вамъ за сію экспедицію наградою.* Таковое предпріятіе убѣждаетъ васъ всѣхъ славою, заслужить по мѣрѣ заслуги мое особое благоволеніе, приобрести богатою и торговлю и поразить непріятеля въ его сердце. Здѣсь прилагаю карты, сколько у меня ихъ есть. Богъ вашъ благословя. Есмь вашъ благоклонный Павелъ“.

Во второмъ рескриптѣ: цѣль моя сіе разорить и угнетенныхъ владычествъ (Индію) освободить и землю привести Россіи въ ту же зависимость, въ какой она была у англичанъ, и торгъ обратить къ намъ“.

Въ третьемъ: „...Мимоходомъ утвердите Бухарію, чтобы китайцамъ не досталась. Въ Хивѣ вы освободите столько-то тысячъ нашихъ плѣнныхъ подданныхъ... Если бы нужна была пѣхота, то въ слѣдъ за вами, а не иначе будетъ можно. Но лучше, кабы вы то одни собою сдѣлали“.

Государственный казначей Державинъ по повелѣнію государя, на эту экспедицію отпускалъ Орлову 1,670,285 руб., „кои должны быть возвращены изъ добычи той экспедиции“.

16 февраля атаманъ выѣхалъ изъ Черкаска на сборныя мѣста, а 28 февраля, получивъ отъ Павла рескриптъ съ объявленіемъ „благоволенія за исправность и готовность“, двинулся въ походъ. За командированіемъ 4 полковъ на Кавказскую линію и оставленіемъ на сборныхъ пунктахъ „на случай“ до 500 чел., въ походъ выступило: офицеровъ 510, казаковъ 20,497, артиллеристовъ 601 и кавмыковъ 510, всего 22016 чел. На Дону оставили лишь израненные и больные, старика, женщины и дѣти. Все войско, состоявшее изъ 41 полка и 2 хъ ротъ артиллеріи, было раздѣлено на 4 части. Одной изъ передовыхъ колоній, 13 полковъ, командовалъ генер. Платовъ; второй, 8 полковъ, ген.-м. Бузинъ; 3-я—10 полковъ, ген. м. Бюковъ 1-й и 4-я—10 полковъ, Денисовъ 6-й. Первая колонія состояла подъ непосредственнымъ распоряженіемъ самого атамана. При немъ находилась вся артиллерія, съ полковн. Карповымъ, и войсковые землемѣры. Артиллерія состояла изъ 12 единороговъ, съ 960 гранатами, 120 ядрами и 360 картечами и 12 пушекъ съ 1080 ядрами и 360 картечами.

Суровая зима 1801 г., степное бездоръ жѣ, рѣка Волга, на которой при мартовской оттепели отъ тяжести артиллеріи и массы людей проваливался ледъ, такъ что мѣстами изъ врыгъ льда приходилось наводить искусственные мосты, неуражай хлѣба и травъ у степныхъ заволжскихъ жителей,— все это создавало такіа затрудненія этому легендарному походу, которыя могутъ преодолѣть только казакъ, а никакая другая армія въ мірѣ. Колонны шли на угадъ, опредѣляя путь по солнцу и часто не по тѣмъ дорогамъ, гдѣ заготовленъ былъ для нихъ фуражъ. Люди и лошади, которыхъ было болѣе 40 тыс., голодали. Колонны шли отъ 30 до 40 вер. въ день. Ночлеги въ этой безлюдной степи были или на сырой землѣ, или на жестокомъ морозѣ. Оренбургскій губернаторъ Бахметевъ сообщилъ Орлову, что несмотря на все усердіе есаула Денежникова узнать и провидѣть о дорогахъ на Бухару и Хиву, порученіе это осталось безъ исполненія. Даже „если бы оны пробыли здѣсь (въ Оренбургѣ) и еще мѣсяцъ, то досточагого свидѣнія не получали бы“. Слѣдовательно, Орлову самому приходилось открывать дороги въ невѣдомыя восточныя страны и вести по нимъ на вѣрную гибель все войско Донское, исполняя приказъ безумнаго русскаго вѣнцесца, гнавшаго курьера за курьеромъ

и настаивавшаго на скорѣйшемъ выполненіи задуманнаго даже не имѣ, а хитрымъ Наполеономъ, плапа.

Безумство и невѣжество Павла не имѣли границъ. На присланной имъ Орлову картѣ дорога отъ Оренбурга до Бухары и Хивы и далѣе на Индію была проведена одной тоненькой черточкой, а что на пути подъ этой черточкой таилось, никто въ Россіи не зналъ и не вѣдалъ. Необозримыя безводныя средне-азіатскія степи, непроходимыя горы Гинду-Куша, хищные племена Бухары и Хивы, текильцевъ, караколнаковъ, киргизовъ и убековъ съ которыми едва справилась Россія въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, въ затуманенной и невѣжественной головѣ Павла не вмѣщались. А донскіе полки шли и шли ускореннымъ маршемъ, сдѣлавъ въ три недѣли по страшному безхорожью около 700 верстъ. Вотъ уже ихъ передовые отряды на вершинахъ р. Иргиза. Далекъ родной Донъ, далеко течетъ оны милый, свѣтлыми струями омывая зеленые берега. Куда и зачѣмъ они идутъ, думали казаки, и при воспоминаніи о родимыхъ станицахъ, гдѣ остались ихъ старики, жены и сироты дѣти, уныло свѣшивали свои буйныя головы.

23 марта въ селеніи Мечетномъ, нынѣ Вольскаго уѣзда Саратовской губ., атаманъ получилъ высочайшій манифестъ о смерти Павла и о восшествіи 12 марта на престолъ Александра I го, а также рескриптъ на его имя о *возвращеніи донскихъ полковъ на Донъ*³⁹⁶). Это было наканунѣ Свѣтлага Христова Воскресенія. Атаманъ собралъ кругъ и сказалъ: „жалуетъ васъ, дѣтушки, Богъ и государь родительскими домами“. Громкое ура покрыло широкія заволжскія степи. Въ первый день Пасхи атаманъ и бывшіе съ нимъ полки слушали обѣдню въ селѣ Мечетномъ въ старообрядческомъ мужскомъ монастырѣ, а вечерню въ старообрядческомъ же женскомъ Успенскомъ.

25 марта донцы двинулись въ обратный путь. Радость ихъ не имѣла границъ.

9 апрѣля нѣкоторые полки были уже на Дону. Другіе пришли 17. Артиллерія—25-го. Казаки были распушены по домамъ.

Въ этомъ страшномъ и трудномъ походѣ потерь въ людяхъ не было, хотя много было больныхъ и ослабѣвшихъ. Удивительная выносливость казаковъ. Убыль въ лошадяхъ была весьма незначительна.

Походъ этотъ и теперь живетъ въ памяти народной и извѣстенъ подъ именемъ „восточнаго“.

Этимъ походомъ и закончился страшный и кровавый для дочскаго казачества XVIII вѣка. Много оно послужило для чести и славы Россіи; много получило за свои геройскіе подвиги похвальныхъ грамотъ, знаменъ и бунчуковъ, но еще больше потерпѣло отъ самовластиа и несправедливости ея неблагодарныхъ и недальновидныхъ вѣнценосцевъ.

³⁹⁶) Въ ночь съ 11 на 12 марта нѣкоторые изъ высшихъ сановниковъ и офицеровъ, во главѣ съ военнымъ губернаторомъ графомъ Паленомъ, съ согласія великихъ князей, рѣшили устранить отъ власти душевно больного Павла и потребовали отъ него отреченіе отъ престола. Павелъ встрѣтилъ ихъ съ такимъ упорствомъ и гнѣвомъ, что въ запальчивости былъ ими убитъ. Записки пол. Саблукова. 1906 г. „Русская Исторія“ проф. Платонова, стр. 378

Оглавление.

Донская демократическая республика

Отношение Дона к Москве при пале	
Михаиле Федоровиче	315 - 320
Газрыб Дона с Москвой	320 - 328
Воинство казаками Азова и "Азовское сиденье"	328 - 344
Казаки помогают России в войне с Крымом и Польшей	344 - 348
Степан Разин и его эпоха	348 - 362

Дон служит русским царям

Присяга казаков на верность службы царю	363 - 365
Последняя вспышка разинцев на Волге . .	365 - 367
Общественный и военный строй, быт и нравы казаков в конце ХУП в.	367 - 379
Беглые крестьяне и старообрядцы на Дону	379 - 389
Участие казаков в азовских походах Петра	389 - 396
Булавинский бунт	396 - 408
Реформы Петра I в управлении войском	
Донским	409 - 418
Атаманы Даниила и Степан Ефремовы . .	419 - 427
Пугачевский бунт	427 - 429
Атаман Алексей Иванович Иловейский . .	429 - 434
Атаман Василий Петрович Орлов.	
"Оренбургский" поход казаков	434 - 442